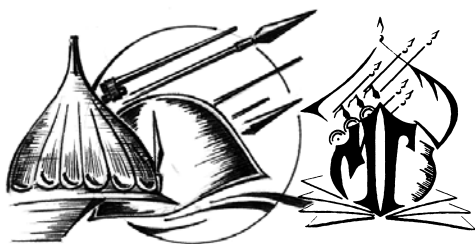

Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2010

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ГОРЯНИН. Россия не нуждается в миграционной подпитке	3
Виктор ИЛЮХИН. О государственном устройстве и противодействии коррупции	114
Сергей КОМКОВ. Российское образование — бездонный сосуд коррупции	133
Владимир БОЯРИНЦЕВ, Александр САМАРИН, Людмила ФИОНОВА. Требуются дебилы	139
Юлия КУРДЮКОВА. Судьба Курильских островов	147
Николай ЕФИМОВ. Патриоты и негодяи	157
Сергей ХОЛОДОВ. «Каскадеры», вперед!	164

ПОЭЗИЯ

Вадим КВАШНИН. Я к дому бреду. Стихи	12
Галина КИСЕЛЕВА. Пока течет Волга. Стихи	15
Виолетта БАША. Над смутным столетьем. Стихи	17
Валентина КОРКИНА. Ощущение чуда. Стихи	21
Стихи поэтов России	171

ПРОЗА

- Игорь БОЙКОВ. **Закованные в цепи**. Повесть 24
Сергей МИХЕЕНКОВ. **Крест**. Рассказ 217

СИМВОЛ ВЕРЫ

- Владимир ЮДИН. **Что спасет Россию** 181

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Владимир МИРОНОВ. **Роль Деникина в развале Белого движения** 199

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Борис АБРАМОВ. **О русофобии в России** 227
Михаил ГАРАСЬКО. **Коллективный Подрабинек** 238
Пророк 243

ИСКУССТВО

- Нина БОЙКО. **Грачи прилетели. Оттепель** 247

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Геннадий ШИМАНОВ. **Апология русских собраний** 259

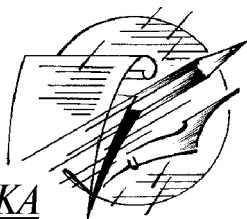
КРУГ ЧТЕНИЯ

- Владимир ЮДИН. **Кровавое безвременье** 283

РОССИЯ НЕ НУЖДАЕТСЯ В МИГРАЦИОННОЙ ПОДПИТКЕ

Почему-то в советское время никто не жаловался на нехватку в России рабочих рук, хотя реально их было много меньше. Незадолго до начала перестройки, в 1979 году, население России (тогда РСФСР) составляло, согласно переписи, 137 миллионов, и нелегалов (в условиях жесткого милицейского контроля) было крайне мало. В 1959 году в РСФСР проживало 117 миллионов человек, в 1926-м, на пороге индустриализации, — 93 миллиона. И хватало. Надо еще помнить следующее: когда индустриализация начиналась, подавляющее большинство трудоспособного населения РСФСР представляло собой аграрную рабочую силу, 82% ее граждан жили на селе. Вследствие коллективизации, переселений, оргнабора, а главное — голодухи немалая часть этих людей рассталась с селом, приняла участие в великих и малых стройках, влилась в ряды рабочего класса, но даже к началу войны две трети (67%) трудоспособного населения РСФСР не участвовали в промышленном производстве и строительстве, так как оставались сельскими жителями.

Сейчас в это трудно поверить, но экономически активное население городов составляло к началу индустриализации всего лишь порядка пяти млн.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

человек — в одиннадцать раз меньше, чем сегодня, подавляющее большинство женщин были домохозяйками. И никто не говорил о дефиците людей. Наоборот, большевики относились к «человеческому материалу» с пренебрежительностью. Страшный по напряжению сил мобилизационный рывок был максимально трудозатратен. Почти вручную строились сотни заводов, рудников, шахт, и на них потом кто-то должен был работать, да еще в три смены. А каналы, железные дороги, метро, а неслыханная в мировой истории программа вооружений!

После войны, несмотря на огромные потери людей самых производительных возрастов, почему-то хватило рабочих рук на «великие стройки коммунизма», на освоение целины, строительство сибирских ГЭС, прокладку БАМа, а главное — на продолжение исполинских усилий по созданию и функционированию беспрецедентного военно-промышленного комплекса и обслуживающей инфраструктуры, включая научную.

Нам без усталости внушают: без мигрантов Россия пропадет. Оказывается, 141 миллион — это очень-очень мало. Оказывается, это катастрофа для нашей экономики. В Японии 127 млн. человек, экономика вдвое (по паритету покупательной способности) превышает нашу — по крайней мере «белую». При этом возрастная структура населения ощутимо хуже. Доля стариков выше, доля детей меньше, коэффициент рождаемости ниже российского. И как-то обходятся. Едва об этом напомним, звучит возражение: если бы у нас была такая производительность труда, как в Японии, и мы бы обходились. Так вот: если Россия не прекратит закачку мигрантов, у нас никогда не будет японской производительности труда.

Нам внушают, что мигранты не просто нужны России, они нужны ей в огромных количествах. Эксперты Всемирного банка не раз говорили о необходимости завоза двух млн. человек каждый год на все обозримое будущее. «В каких пропорциях лучше принимать посланцев разных культур (исламской, буддийской и т.д.)?» — деловито интересуется «Вечерняя Москва». Ответ есть у «Московской промышленной газеты»: «Россия могла бы ежегодно принимать до 200 тыс. человек из Китая, Северной Кореи, Вьетнама, до 400 тыс. из Индии, до 80 тыс. из исламских стран, 20 тыс. из Африки». С ними согласен директор Института социальной политики ГУВШЭ Сергей Смирнов: «Китайцы и среднеазиаты легко могут смягчить эффект вымирания». Крепко мыслит и Евгений Гонтмахер, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН: «Нужно думать о квотирован-

ном привлечении людей из таких регионов дальнего зарубежья, как Средний и Дальний Восток, Юго-Восточная Азия». Не может сдерживать чувств руководитель Росстата Владимир Соколин: «Важную роль в деле воспроизводства населения России могут сыграть мигранты-мусульмане, способные обеспечивать повышенную рождаемость». Новость на «Ленте. Ру» так и озаглавлена: «От вымирания Россию спасут мигранты-мусульмане». Спасут — понимаете? В наше сознание внедряют мысль, что обсуждать, нуждается ли Россия в спасении, уже поздно, все обсуждено и решено без нас.

От чего именно нас спасут мигранты, объясняют не всегда одинаково. Мирного обывателя могут сначала сбить с толку утверждением, что «огромная Россия имеет самую низкую плотность населения в мире» (журнал «Русский дом»), затем он услышит, что более половины нашей страны международное сообщество вот-вот объявит terra nullius, ничьей землей, по причине ее слабой населенности. Вокруг мигрантов из-за рубежа сложился огромный бизнес. Народе кормится туча. Правда, из Канады, Австралии, Казахстана и других стран, где плотность населения много ниже, чем у нас, крики о спасении не доносятся. Огромные незаселенные территории имеют десятки стран мира, совершенно не горя по этому поводу.

Не все объяснения столь экзотичны, чаще говорят о другом. О том, что без мигрантов якобы замрут наши стройки, некому будет мести улицы, валить лес, выращивать (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке) овощи. Но о том, что с мигрантами никуда не денется нынешний низкий уровень строительных работ, будут и дальше биться маршрутки, не сократится отравление подделками, останется высоким уровень уличной преступности, — не говорят. Но самое опасное то, что мигрантов все шире привлекают к промышленному производству. Технологии бывают трудоемкими и капиталоемкими. При дешевом труде многое можно производить на устаревшем оборудовании, не вкладываясь в передовые технологии. Там, где рабочая сила дорога, владелец поневоле вынужден совершенствовать производство. Пока она не стала дорогой, никакие рассуждения об инновациях не заставят владельца обновлять технику и технологии. Рынок толкает его только по пути выгоды, для важности именуемой эффективностью, по пути поиска дешевой рабочей силы. А она дешева не только из-за картельных сговоров работодателей (хотя эти сговоры не подлежат сомнению), не только из-за отсутствия у нас настоящих профсоюзов, но и из-за присутствия на рынке труда огромной армии гастарбайтеров.

Теневой рынок рабочей силы имеет конкурентное преимущество перед коренным населением. Сбивая цены на российском рынке труда, они активно содействуют нашему техническому отставанию. В печати и в Сети не раз мелькали уверения, что низкие зарплаты дают России фору в борьбе за место среди развитых стран. Большинство же экономистов с цифрами в руках доказывают, что низкая оплата труда — это:

а) препятствие на пути формирования полноценного внутреннего рынка — единственно надежного стимула для роста отечественной экономики;

б) главный фактор «утечки мозгов»;

в) главное препятствие к проведению реформ — пенсионной, монетизации, ЖКХ, медицинской, образовательной;

г) одна из причин роста безработицы среди коренного населения;

д) мощный стимулятор мелкой коррупции и воровства;

е) приглашение к уходу экономики в тень и гарантия ее неостановимого разрастания там;

е) главный источник социального раздражения, межрасовых конфликтов и неприязни к власти.

Сохранению всех этих негативных явлений активно (хотя и невольно) помогают зарубежные трудовые мигранты. Кратковременная выгода влечет за собой огромные потери — материальные и социальные. И даже цивилизационные.

Но может быть, все это прекраснородушная маниловщина, а истина такова, что в стране просто уже реально некому работать? Именно такой взгляд на вещи успешно внедряется в обывательское сознание.

Цифры, которые будут приведены ниже, поначалу (проверено) вызывают отторжение у людей, далеких от демографической статистики: такого, мол, не может быть. Но каждый имеет возможность убедиться в них сам, они легко доступны. Сегодня в стране около 90 млн. россиян в трудоспособном возрасте, 74 млн. человек — экономически активное население, работающее «по-белому», в том числе порядка 57 млн. в городах. Эти цифры максимальны в российской истории. Мало того, они еще и сильно занижены. Директор Института этнологии и антропологии В.А. Тишков говорит о «7% недоучета населения». То есть учтено не 100, а 93 процента населения, недоучет составил, легко посчитать, 10,9 млн. человек!

Российских граждан среди «недоучтенных» никак не меньше, чем нелегалов. Членкор РАН В.И. Данилов-Данильян пронизательно заметил, что у населения сегодня гораздо больше, чем когда-либо, мотивов врать или вообще «активно уходить» от переписи. Достаточно жить не по месту регистра-

ции. Люди видят в переписчиках представителей власти и делают все, чтобы не вступать с ней в контакт. Да и сами переписчики в ходе переписи 2002 г. были изрядно нерадивы. У меня нет ни одного знакомого, к кому бы они приходили. Временных «постояльцев» в России никак не меньше, чем недоучтенных «стационарных» жителей. Старший научный сотрудник Института демографии ВШЭ Никита Мкртчян уверен, что «Росстат считает только верхнюю часть айсберга».

Сообщая о планах Федеральной миграционной службы РФ амнистировать миллион «нелегалов» (а было это, что интересно, как раз в дни «мигрантского бунта» во Франции), тогдашний глава Управления внешней трудовой миграции ФМС В. Поставнин заявил: «В России сейчас работает до 15 миллионов иностранцев из ближнего зарубежья (а сколько из дальнего? — А.Г.), и большинство из них — незаконные мигранты». То, что г-н Поставнин объявил их всех работающими, сделано явно из политкорректности. Правильнее было бы сказать, что «многие из них» работают. И не ко всем этим людям приложимо слово «иностранцы». Какая-то часть из них — по факту репатрианты. Но, увы, Россия пока не удосужилась принять закон о репатриации.

Вполне осведомленное лицо Марина Рахманинова, начальник отдела статистики миграции Управления статистики, утверждает, что только в Москве постоянно проживает около двух млн. неучтенных жителей. Ясно, что «понаехавшие» имеют тенденцию накапливаться в России, избегая учета. Не избегают они его, лишь когда заканчивают здесь свой земной путь. Кроме того, возникающая систематическая ошибка сильнее всего снижает так называемую «ожидаемую продолжительность жизни» российского населения, а ведь именно этот показатель порождает самые громкие политические спекуляции.

Отсюда и журналистская шизофрения: в одной фразе, через запятую, можно встретить два таких утверждения: люди у нас не доживают до пенсионного возраста, и Россия скоро станет страной стариков. Повторюсь: сколько в России людей — не знает никто. В ноябре 2004 года в ходе составления регистра льготников вдруг обнаружилось, что их на 3 миллиона больше, чем думали. Считалось (и было заложено в бюджет), что компенсации положены 12 млн. 269 тысячам льготников, но еще до конца подсчетов выяснилось, что их число уже перевалило за 15 миллионов. Сколько же их оказалось в конце концов — знает только Минздравсоцразвития.

В том же 2004 году тогдашний министр регионального развития В. Яковлев предрекал, что через пять лет «молодым рос-

сиянам для поступления в вуз уже не придется платить взятки — конкурс благополучно снизится до одного человека на место». Пять лет прошли. В 2009 году конкурс — не во ВГИК, а на специальность «Финансы и кредит» в Волгоградском государственном университете — составил 632 человека на место...

Почему планировщики Минэкономразвития и других ведомств уверяют, что России необходима миграционная подпитка? Только от лени. Они видят легкие внешние источники такой подпитки и идут по пути наименьшего сопротивления. Если им прикажут, чтобы они забыли даже думать об этих источниках, — они прекрасно все спланируют с опорой на внутренние трудовые ресурсы и покажут, как это сделать. Например, используют опыт стран, исключивших для себя легкий путь привлечения иноязычных и инокультурных мигрантов — Японии, Греции (в Грецию мигранты проникают разными неправдами, но официального импорта рабочей силы нет). И главное, все это окажется гораздо выгоднее, ибо подстегнет инновационную экономику. Да, темпы строительства поначалу просядут, но они восстановятся. Да, сверхприбыли строительных фирм станут менее жирными, но государство сумеет их убедить примириться с этим. Даже если в каких-то сферах у нас налицо реальная нехватка людей, она должна быть обращена в фактор позитивного развития.

Сегодня в России множество депрессивных городов и территорий. Откуда они взялись, известно. Обрушение градообразующего предприятия создавало безвыходную ситуацию, выход из которой найден далеко не везде. При обсуждении в Госдуме законопроекта о депрессивных территориях не смогли договориться о критериях депрессивности, вилка получилась такая: от 12 млн. до 30 млн. человек. Причем порядка двух третей этого населения (такова общероссийская норма) — люди трудоспособного возраста.

Как вы думаете, возможно вербовать необходимое число людей из депрессивных регионов для работы там, где не хватает рабочих рук? Наверняка возможно, и небольшое количество вербуются. Но, с точки зрения работодателей, это целая канитель: подъемные, обустройство, социальные гарантии. С гастарбайтерами же таких хлопот нет. Они уже приехали, они уже здесь — безответные, готовые трудиться за скромные деньги. Правда, половина из них очень быстро переключится на — в лучшем случае — изготовление паленой водки. Либо начнет торговать наркотиками, промышленлять кражами и разбоем. Наши выгодополучатели, наверное, очень опечалены этим, но свой барыш важнее.

Нынешние проблемы с иностранными мигрантами могут оказаться милой пасторалью в случае вступления России в ВТО. С каких бы позиций ни обсуждалось это членство — одобрения или несогласия — все сходится в том, что жесткая и полнообъемная перестройка экономики, вызванная этим шагом, сделает у нас безработными порядка 10—12 млн. человек. В дополнение к имеющимся! Закачивать в этих условиях иноязычных мигрантов — значит направлять их в этнические преступные группировки.

Факты и цифры, приведенные выше, лежат на поверхности. Почему же мы слышим непрерывные уверения в безальтернативности нынешнего курса? Более того, «ведущий эксперт в вопросах миграции» г-жа Ж. Зайончковская уверена, что численность китайцев в России достигнет к середине XXI века 10—20 млн. человек. И подсказывает, как этого добиться: «Ставится вопрос о создании единого социально-экономического пространства на границе с Китаем, о перспективе единого рынка труда». Как говорится, конец цитаты. Вокруг мигрантов из-за рубежа кормится туча аферистов — российские и зарубежные посредники, агентства, банкиры, страхователи, юристы, кадровики, рекрутеры, муниципальное начальство, выдаватели всяческих разрешений. А главное — крупные работодатели. Этот бизнес весьма озабочен тем, чтобы истерики об «умирающей России» не стихали. И если реальность не выглядит пугающей, в ход идут выдумки (пополам с журналистской халтурой).

Люди привыкли верить солидным СМИ, они воспринимают как истину уверения вроде следующих: «Несколько миллионов китайцев России не помешали бы» (бывший депутат Госдумы В.А. Рыжков); «Численность населения России к 2010 (!) году может упасть до 94 млн. человек» (исполнительный директор Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей Андрей Нецадин); «В середине XXI века население России сократится до 40 млн. человек» (член Совета по реализации национальных проектов в области демографической политики при президенте РФ Анатолий Антонов).

Есть, правда, один довод, перед которым немеют все. Это когда говорят: Дальний Восток и Сибирь скоро заполонят китайцы. На самом деле этот довод не сильнее всех прочих. Я был в Монголии. Плотность населения в этой стране впятеро ниже российской, к тому же она до 1911 года была частью Китайской империи. Это самая экологически чистая страна в мире, в ее недрах много хорошего, она имеет границы неимоверной протяженности, которые неизвестно, как

охранять. И что же? На 2,5 млн. монголов в стране около 3 тыс. китайцев, порядка 0,1%. Их там столько же, сколько русских. И страха перед китайцами там нет. Все зависит от политической воли. При ее отсутствии мы скоро услышим, что наш Дальний Восток надо заселить законными китайцами, чтобы он не достался китайцам незаконным. При отсутствии политической воли нас скоро додают до того, что трудовые мигранты будут вправе перевозить в Россию свои семьи — ведь таковы требования правозащитников и «цивилизованного мира».

Рождаемость у нас низка, но это еще поправимо. Обзаведясь недвижимостью, наши молодые семьи обязательно обзаводятся наследниками. Даже в городских квартирах — вопреки их антирепродуктивному устройству. Что же говорить об односемейных домах! В свое время предпринимателя Уильяма Билла Льюитта, построившего в 1947 году на одолженные деньги городок дешевых односемейных домов Льюитт-таун в 50 км от Нью-Йорка, никто не принимал всерьез. Власти были против (требовалось изменить ряд законов), но дело спасла вырвавшаяся у Льюитта фраза: «Если у человека есть дом, он никогда не станет коммунистом».

К концу жизни Льюитта называли «строителем американской мечты», «изобретателем американского пригорода». В США массовое переселение в пригороды породило «бэби-бум», длившийся 20 лет. США 1947 года были не богаче России 2009-го. Автомобилизация там как раз перевалила за 60% — как в сегодняшней России. Мы дозрели до повторения американского опыта. Или до возвращения к своему — историческая Россия всегда была 1–2-этажной. Технологий дешевого односемейного строительства для нашего климата — две дюжины на выбор, но осуществить замысел будет сложно, ибо под ударом окажутся интересы огромного строительного бизнеса, заточенного на максимально дорогие бетонные многоэтажки. Переломить ситуацию удастся лишь при наличии твердой политической воли на самом верху.

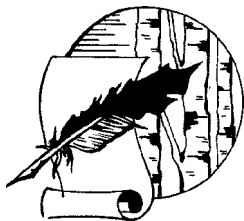
Напрашивается и такая мера по повышению рождаемости: услуги по лечению бесплодия следует сделать бесплатными, это должно стать темой тщательно прописанного федерального закона. Сегодня лечение бесплодия не по карману большинству. Между тем у нас 15% бесплодных семей, и в каждой из этих семей хотят иметь ребенка — иначе кто бы знал об их бесплодии?

На многое способна социальная реклама. Снят 55-секундный ролик об аборте, из которого пораженные зрители уз-

нают, что у человеческого эмбриона на 4-й неделе начинает биться сердце, а в 11–12 недель, когда аборт еще разрешен просто по желанию матери, нерожденный ребенок уже понимает, что его хотят убить. На экране видно, как колотится его маленькое сердце, как число ударов достигает 200 ударов в минуту. Зрители видят его раскрытый рот и понимают, что он беззвучно кричит от ужаса. А потом его убивают. Этот ролик способен сохранить тысячи жизней.

России нужны не иноязычные «трудовые мигранты», России нужны репатрианты. Необходимо облегчать репатриацию, приняв специальный закон о возвращении, подобный израильскому закону 1952 года. Право на переезд в Россию следует признать за всяким, кто принадлежит к российскому суперэтносу.

К этому суперэтносу помимо титульных народов России (то есть русских, карел, якутов, мордвы, кабардинцев, бурят и др.) должны быть отнесены украинцы и белорусы, потому что сегодня среди граждан России их вместе почти 4 млн. Сюда же должен быть отнесен такой «бывший титульный» народ, как немцы, имевшие свою автономию на Волге и не по своей вине ее лишившиеся. Здесь же — потомки эмигрантов времен Гражданской войны и «перемещенных лиц» Второй мировой. Возможны еще несколько небольших категорий — например, выпускники российских вузов. Во всех остальных случаях переселение может быть разрешено лишь «особо ценным лицам». Это разумная практика, принятая во всем мире.

Вадим КВАШНИН

Я К ДОМУ БРЕДУ

* * *

Привет, деревенское лето!
Пришло! А начавшись едва —
От солнца большого и света
Блестит и трава, и листва!

В лесу — там кукушка кукует,
Трещит на лугу коростель.
От радости сердце ликует,
От самого неба — досель!

Гуляй! Деревенская воля!
И в солнечный яркий рассвет
Я крикнул в раскрытое поле:
«Кукушка, а сколько мне лет?!..»

Мне десять — она куковала...
И сердце стучало в груди,
А сердце в груди ликовало:
Мне десять, и жизнь — впереди!

Года прокатились покато,
То жерновом, то колесом.
Как жил я? Счастливо, богато?
Я жил, и спасибо на том.

Эпоха меняла эпоху.
И что мне собой дорожить?
Спрошу — между выдохом, вдохом:
«Кукушка, а сколько мне жить?»

Я думаю, что угадает,
И сердце, как в детстве, замрет.
Как в детстве я верю, что знает,
А сколько — сейчас пропоет...

ДОМ

Так хорошо, что дом их у шоссе.
Бывают утомительны дороги,
Как мертвые очерченные слоги —
Вдруг в голову ползут скопом все.

И хорошо, что в нем отец и мать
В своем родном и странном постоянстве.
Что кроме мыслей тягостных, в пространстве
У них одна святая доля — ждать.

Войду я, все умея понимать,
Они за стол усадят и не спросят —
Куда меня, какие ветры носят?
Их разговор продолжится опять...

И я среди гостей-родных молчу,
В кругу их разговоров отдыхаю.
И ни о чем своем не вспоминаю.
И ничего другого не хочу.

* * *

Ты это знаешь, тихая река:
Качнулся поплавок, ушел под воду,
И чья-то боль на острие крючка
От берегов метнулась к небосводу.
Ты это знала, трудная душа:
Здесь жизнь течет в заботах на потребу.
Святая боль от плуга и ножа.
Как по судьбе — по времени и хлебу...

ПОХОРОНЫ ДЕДА

У могилы стоял, это первое помню, что было.
Но подняли потом, и смотрел я с грузовика,
Как волна за волною людская *туда* проходила.
От сырого суглинка непонятно слабела рука.

Мне какая-то женщина в руку ту землю вложила.
Подвела к ее краю: «Там дед твой, землицу-то брось, —
Она тихо сказала, и сразу ей губы скривило,
Задрожало лицо и глаза промочило насквозь.

Это первое помню, как твердые комья стучали.
Ни отца и ни мамы, отодвинутый чьей-то спиной,
Как горячие губы горячие слезы глотали
И горела рука, и стоял я один, как большой.

* * *

Я — бродяга, и жизнь вся — дорога.
От подушек чужих, простыней
Поседел, полысел понемногу,
Но не стало мне мира видней.

И я к дому бреду через поле
От далеких столицы огней.
Зимний ветер и воет, и стонет,
Стонет, воет по жизни моей...

Добреду и в тяжелом похмелье
Я домой постучусь, чуть живой,
И жена, обмирая за дверью,
Отворит. «Ты откуда — такой?»

Боже мой! Ты явился откуда?
Где бродил столько весен и лет?!»
Я оттуда, оттуда, оттуда,
Где ни правды, ни истины нет...

Сын и дочь, я отец непутевый.
(На свету не проснутся никак.)
Я достану из сумки холщовой
По гостинцу им в каждый кулак.

Сын — малыш, а уж дочь — недотрога.
И я вижу — никто мне не рад.
Но постелет жена у порога,
Где просплю двое суток подряд.

А проснулся — и все мне знакомо...
Где ж бродил столько весен и лет?
Вижу стены родимого дома,
Где и правды, и истины — свет!

* * *

Поздняя осень, прозрачные лужи.
Ясное небо — к морозу и стуже.

Хмурое небо — к ночному дождю.
Я никого и ни в чем не виню.
Все я обдумал и молча шагаю,
Новым патроном ружье заряжаю.
Выпало время, надвинулись сроки.
Молча шагаю по грязной дороге.
Близко осталось — до этой ветлы...
Дали — прозрачны, и мысли — светлы...
С севера ветром холодным подуло.
Тихо завывло ружейное дуло.
Мысли ломались и падали вниз...
... Откуда он взялся и выскочил — лис?!
Надо же, яркая выпала карта,
Сердце толкнуло восторгом азарта,
Сердце толкнуло восторгом забытым...
Лис притворился, наверно, убитым.
Ярким в глазах моих пламенем плыл,
И неподвижным я камнем застыл.
Бездной летящей над миром вращался.
После стемнело, и я возвращался
(В лужах ледком покрывалась вода)
Той же дорогой, что шел я сюда.

Галина КИСЕЛЕВА

ПОКА ТЕЧЕТ ВОЛГА

* * *

Современной стать мне не дано,
Не хочу быть наглой, хищной, смелой.
Устаю от жизни оголтелой,
Как от голливудского кино.

Спотыкаясь в жизненной пыли,
Я иду нетореной дорогой.
Я хочу быть чистой, нежной, строгой,
Как рассветы дремлющей земли.

Звездным светом медленно дыша,
Быть хочу мудрее год от года.

Гордой, как осенняя природа,
Вечной, как незримая душа.

* * *

Извели хлебопашцев в России,
Тех, что сеяли лен и овес,
И дичают поляны пустые
В полуматовом мороке рос.

Там, где рожь сладко нежили ветры
И льняную озерную лень,
Лишь бурьяны во все километры
На руинах былых деревень.

Мати-Русь! Вражьи силы сумели
Обездолить тебя без затей.
И тоскуют в полях коростели,
Словно души пропащих людей.

Молодые зарницы косые
Гасит дикая глушь — без следа.
Извели хлебопашцев в России.
Кто вас будет кормить, господа?

* * *

Как голодные крысы лесопилки визжат,
Аж тяжелые тучи над ними дрожат.
Позабыв небо звездное, птиц голоса,
Под чумными ножами умирают леса.

Белоствольные рощи певучих берез,
Лепетуны-осины в испарине рос
И медовые сосны в душистой смоле
Не проснутся уже на рассветной заре.

И скудеет земля, и стареет земля,
Ненасытных людей о пощаде моля,
Но визжат лесопилки в древесной пыли,
Божий дар обращая в пустые рубли.

Русский лес за моря увезут корабли,
Оставляя нам гнев оскорбленной земли.

* * *

Грачи улетели. Что в этом такого?
Но вдруг опустело пространство небес.
Без крика грачиного смотрит сурово
На стылом ветру коченеющий лес.

Как тихо! Мороз на забытой соломе,
Серы, как холсты, и безмолвны поля.
Вот так же тоскливо в родительском доме,
Когда покидают его сыновья.

* * *

Неторопливый скрип парома
Из темноты, издалека.
И силуэт большого дома,
И в звездной россыпи река.

Все было, будет долго-долго,
Песка и вод осенних грусть.
Пока течет и дышит Волга,
Пока живет на свете Русь.

Виолетта БАША

НАД СМУТНЫМ СТОЛЕТИЕМ

ПОСОЛОНЬ *

По течению солнца с востока на запад,
От Курильской гряды до балтийских ветров —
Колокольчиков звон, трав некошенных запах,
И озерный туман кораблей-островов,

Тихий ангел, по-детски слетевший с карниза,
В позолоте церковей — щедрый Яблочный Спас,
И скитов простота, их неброская близость
К небесам цвета синих доверчивых глаз.

* Посолонь — по движению солнца.

По течению солнца, по звездам, по росам,
По полету коней, по мерцанию стрекоз,
По стремнинам речным, по туманностям звездным,
По весенним потокам березовых слез.

Узнаю тебя, Русь родниковых рассветов —
По просторам полей, погруженных в огонь
Заревой, различной, где на краешке лета
Нам с подсолнухом вместе навек — посолонь.

И по фрескам Рублева над смутным столетьем,
По обителям раненых душ и сердец,
По убитым отцам, неродившимся детям,
По надевшим до срока терновый венец,

По костям в девять ярусов в русских болотах,
По лесам, иссеченным нарезкой траншей,
По церквям, потерявшим в веках позолоту
Куполов, по тифозной смертельности вшей

На фронтонах Гражданской в столетье длиною,
Не оконченной с Русью войны затяжной.
По огням приграничья, восставшим стеною
Войн локальных, сомкнувшихся в круг над страной.

По течению солнца с востока на запад,
От Курильской гряды до балтийских ветров —
Где малиновые звоны, да ладана запах,
Да озерный туман миражей-островов.

По течению солнца, по травам, по росам,
По земле, уходящей уже в небеса,
Уходящей, но все еще млечной и звездной
Узнаю тебя, Русь — Божья Мать в слезах...

РЕКВИЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Век фантастических свершений.
Век не свершившихся прогнозов.
Неистовый, преступный гений
В костер бросает туберозы,

В разрывах бомб, сердец и судеб
На фоне атомной грибницы,
Он точно знает все, что будет,
Прикрыв безумье плащаницей.

Под криминальные разборки
Колокола звонят к обедне.
Часы твердят над книжной полкой
Свой реквием тысячелетью.

В осенних сумерках зияют
Провалы взорванных подъездов.
Эфир на доллары меняют
Ростовщики телесиесты.

Под героиновое хобби
Любовь низвергнута до страсти.
Народ в похмелье от утопий
К шаманам тянется за счастьем.

И сумасшедшим ветром вея
Успокоительные сны,
Приходит эра Водолея
Под гимн разрушенной страны.

ШЛИ АНГЕЛЫ РУИНАМИ ЦХИНВАЛА...

Когда повисла в небе тишина,
Такая, что замолкли даже звезды,
Такая, что короткая война
Закончившись, застыла у погоста,
Когда пересчитали всех живых,
И услышали в пустоте кварталов,
Что гром, разбивший небо, резко стих,
Увидев, как людей осталось мало,
И трупы еще с улиц не снесли,
В свинцовых тучах вдруг светлее стало, —
С небес на землю ангелы сошли,
И побрели по мертвому Цхинвалу.

Шли мертвые меж душ едва живых,
Белее цвета госпитальной ваты.
И тишина как оголенный стих
Была щемящей, как лицо солдата.

Когда повисла в небе тишина,
С небес спустившись, словно с пьедестала,
Как знак, что не закончилась война,
Шли ангелы руинами Цхинвала...

У ТИХВИНА, ЧУДОВА, ВИШЕРЫ, МГИ...

От Любани до Мги погибала пехота,
Понимая, что помощь уже не придет.
Николай Рачков

Болота, болота, болота, болота.
Проходит пехота. Редет пехота.
Над Чудовом, Тихвиным, над Малой Вишерой
Вскипала заря окровавленной вишнею,

Дымилась земля опаленно-ознобная,
Вгрызалась пехота в суглинки озлобленно,
Врастая в траншеи в промерзлой земле.
...Труднее всего умирать на заре.

Смотри, это — наши: зарницы над Вишерой...
Сынок, потерпи, нас не бросят... ты... слышишь...
Но утро пришло. И ушел в небо взвод,
Ушел, не узнав, что никто не придет...

В болота, в промерзлые, злые болота
Врастала пехота, вгрызалась пехота,
И насмерть стояли, редая, полки
У Тихвина, Чудова, Вишеры, Мги.

Да сколько еще нам отдать было надо
Вас, без вести павших, прорвавших блокаду,
Вас, не захороненных, и не отпетых?
Запомни, мой друг, как далась нам Победа.

Которую ночь сигареты курю,
Которую ночь я с тобой говорю...
...Пусть небом тебе станет наша земля,
Мой дядя, что был так похож на меня.

ВЕРЕСК

О чем молчит тот потаенный берег
Близ полноводной и большой реки,
Где солнце к ночи скатывалось в вереск,
Где были стаи облаков легки,

Где так неспешно протекали годы,
Столетия сменялись и цари,

Но были вечно неизменны воды
И тишина звенела до зари...

И ни сказать, ни выразить, ни молвить,
Лишь птица что-то крикнет и замрет,
И, может быть, душа о чем-то вспомнит,
И что-то отдаленное прочтет...

И может быть, оценит, но осудит,
И может быть, поймет, но не простит
Изломанность реки, изломы судеб...
И хрупкость душ. И берега гранит.

И некого винить, что ты здесь лишний,
Не нужен ни себе и ни земле,
Но, может быть, вот здесь тебя услышит
Душа реки в неспешной стороне.

И вдруг замрет, прислушавшись, сознание,
И вдруг поймет, что жизнь, как та река,
Необратима, скоротечна. Знаешь, —
И так хрупка, как вереск у песка...

Валентина КОРКИНА

ОЩУЩЕНИЕ ЧУДА

* * *

Только домик в три окошка,
Только яблоневый сад,
Только звонкая гармошка,
Только мамин добрый взгляд,
Только речка, луг да поле,
Только роща вдалеке,
Только песня на просторе,
Только ландыши в руке,
Только воздух — чистый-чистый...

...В детстве вынула бадью
Из колодца,
а поди ж ты! —
До сих пор ту воду пью.

* * *

То ли отблеск звездный, вышний,
То ли отзвук бубенца,
То ли отсвет чьей-то жизни
Вихрем около лица
Промелькнут...
И чем заплатишь
За мгновенье-волшебство?
Разве только что заплачешь
Неизвестно от чего...

* * *

Простая тихая окрестность.
Родник. И заросли ольхи.
О чем-то голосом воскресным
Поют в деревне петухи.

Под ствол ольхи присядешь тонкий
И вдруг почувствуешь спиной:
Звенят в стволе земные токи
Свободной радостной струной.

И жизнь представишь длинной-длинной,
Как та дорога вдалеке,
Когда услышишь звук старинный
Воды, журчащей в роднике.

* * *

Отшумят, не спросясь, мои годы,
Растворятся в беспамятной мгле,
И смотреть в Божий Лик небосвода
Будет кто-то другой на земле.

А куда я уйду и откуда —
Что за дело ему? —
Пусть живет!
Пусть мое ощущение чуда,
Как наследство, к нему перейдет.

* * *

— Матушка, батюшка, где вы теперь?
— В вечной постели.

— Матушка, батюшка, как это: вы —
Да не при деле?

— Как и подумать такое о нас,
Дочь, ты посмела?
Вечно молиться о счастье твоём —
Вот наше дело.

* * *

И запахи талой земли,
И звуки ожившей природы
На мир и на душу легли
Легчайшим избытком свободы.
И всё ощутимее связь
С деревьями в розовом дыме,
С травинкой, что вверх поднялась,
И с речкой, ломающей льдины.
И чтоб до конца ощутить,
Как мало для радости надо,
Достаточно вообразить
Себя теплой веткой из сада,
Вернувшись с юга скворцом,
Что так деловито летает,
Вовсю распевая о том,
О чем только птицы и знают...

ЗАКОВАННЫЕ В ЦЕПИ

ПОВЕСТЬ

Станица Внезапная стояла на берегу Терека. Более трехсот лет мутные и беспокойные воды неслись мимо нее. Река помнила суровых бородатых людей в овчинных папахах, построивших на ее диком, поросшем кустарником берегу первые деревянные дома. Дочерна загорелые, рослые и темноволосые гребенские казаки с обветренными лицами спустились с лесистых гор и заложили здесь станицу. И стали зваться терскими. Они разбили вдоль берега фруктовые сады и виноградники, пасли стада коров и овец и ловили в Тереке рыбу: вытаскивали сети с огромными бронзово-золотистыми сазанами, ленивыми, большеротыми и усатыми сомами и серебристыми красноперками.

Терек помнил многое. Когда-то по его берегам проносились многотысячные орды кочевников. Поднятая конскими табунами сухая степная пыль закрывала солнце. Потом их сменили казаки, и по всему течению реки зазвучала плавная и раскатистая русская речь.

Иногда из северных песчаных степей и пустынь, словно жаркий ветер-сухой, налетали ногайцы. Или приходили с запада полчища крымских татар. Угоняли скот, вырубали начисто мужчин, уводили с

ПРОЗА

собой уцелевших женщин, привязав их веревками за руки к седлам. Вереницы невольниц бессильно тащились за конями, круглолицые татары с веселым злым хохотом подгоняли кнутами изнемогших, падавших на землю.

С гор крались к станицам хищные шайки абреков. Иногда, спрятавшись в прибрежных камышах, они по несколько дней сидели там, высматривая добычу. А потом, улучив момент, нападали внезапно, точно волчья стая. Нападали, грабили, жгли, резали и сразу бросались назад, за Терек. Казаки мстили жестоко, шли в горы и вырезали немирные аулы.

Потом Терек видел страшную гражданскую войну, когда все станицы по его берегам пылали, а по воде неслись к Каспийскому морю горелые бревна и раздувшиеся от тления человеческие и конские трупы. Тогда, казалось, настал казачий апокалипсис. Терцев беспощадно истребляли большевики. Изнемогшие, едва живые станицы, в которых оставались лишь женщины и старики, громили ингуши и чеченцы, вовремя провозгласившие себя «красными партизанами».

Многие сгинули в огненном смерче. Но кто-то остался на Терек, и даже тогда, когда произношение вслух самого слова «казак» грозило расстрелом, терский корень выжил. Разрушенные и сожженные пепелища отстраивались, а уцелевшие люди робко жались к поруганным очагам, к родной земле, еще не представляя, как им теперь жить дальше.

Затем опять была война, и Терек увидел серые мундиры немецкой пехоты и черные петлицы СС. Опять налетали с гор чеченцы, которые теперь «уверовали» в немецкий орден не менее яростно, чем в 18-м — в пролетарскую революцию.

Немцев прогнали навсегда, чеченцев — всего лишь выселили на тринадцать лет. В эти годы все было тихо в станицах. Люди, с трудом обретая себя вновь, сдирая омертвевшую коросту с душ, оживали понемногу, верили, что на истерзанную терскую землю пришел покой.

Однако вскоре чеченцы вернулись. И тотчас потекли ручейки русской крови — быстрые, алые, зловещие, словно предвестники новых, но уже не ручейков, а рек. С каждым годом русскую речь на Терек все сильнее разбавлял резкий гортанный чеченский говор. Человеческий поток остроносых горцев с хищными лицами хлынул на равнину, в пыльные степи. И в станицах поселилась с той поры тревога. Поначалу она была смутной. Как у человека, который еще не понимал отчетливо, что именно его мучает, но сердце его саднило, ныло протяжно, а в душе делалось муторно и гадко. Тревога угнетала, и люди ходили мрачные, задумчивые.

Над Терекком нависло что-то удушливое, тягостное. Будто грозовая туча сползла с гор и навалилась своим фиолетовосиним брюхом на деревянные домики с крашеными наличниками. Терцы тревожно скребли шетинистые подбородки, шурили глаза по сторонам и зло сплевывали на землю.

Гром грянул внезапно. За ним, словно от ударов тысяч и тысяч молний, началось что-то страшное. Вновь по Тереку плыли трупы, и вода в нем заалела от крови.

А вокруг... Сначала показалось, что мир рухнул в одночасье. Ибо все старые законы, понятия о справедливости, добре и зле в один день перестали существовать. Были отменены, забыты и преданы проклятью. Казалось, что тысячи злых духов, до сих пор томившиеся в кувшинах, разбили их в бешеном, неистовом порыве рванулись наружу, вверх. Бешено кружили вокруг в жутком хороводе разрушения и смерти. Терцы захлебнулись в крови. Вмиг получившая свободу Чечня, как кровожадный упырь, сосала русскую кровь. Перемазалась в ней вся с головы до ног, но насытиться не могла и злобно урчала, не в силах оторваться от свежей раны.

Потом берега Терека запыхали вновь, и по ним двинулись танковые колонны российской армии. Те, кто еще уцелел в станицах, встречали их цветами, как долгожданных избавителей. Голосили женщины, некрасиво раскрывая рты, и тянули к ним руки. Рыдали, наперебой рассказывая про три страшных года жизни в независимой Ичкерии. Военные слушали, задавая редкие, казавшиеся местным совершенно наивными, вопросы, и скребли пятернями в волосах.

Однако через два года они столь же внезапно ушли, как и появились. Большинство терцев бежало с ними, бросая дома навсегда и проклиная ту самую Россию, в которую теперь так стремились сами. Река уже почти не слышала русской раскатистой речи. Ее сменил чеченский гортанный говор.

Станица Внезапная стояла мрачная, зловещая. Дико смотрели черными оконными проемами горелые дома. Казалось, из тела станицы вырвали живое, еще бьющееся, нервно пульсирующее сердце, а потом обезглавили труп и подвесили его за ноги, точно освежеванную тушу барана, чтобы поскорее вытекла вся кровь.

Она и вытекла. Последние красные ручейки сбежали в Терек. И стояла станица — жуткая и дикая. Вывороченные и переломанные на старом кладбище кресты, поставленные там с незапамятных времен, казалось, взывали о мщении. Мщению тем, кто вырвал у Внезапной сердце.

Станислав услышал громкий скрежет от поворачиваемого в плохо смазанном замке ключа и разом открыл глаза. Звук

шел сверху. Через мгновение деревянные створки, закрывающие на ночь зиндан — глубокую яму для рабов — распахнулись, и вниз, на гнилую, с затхлым запахом солому и кучу наваленного на нее грязного тряпья хлынул поток света.

В открывшемся проеме показалось хищное бородатое лицо с крючковатым носом. С минуту оно было недвижимым, переводя внимательный шупающий взгляд со Станислава на двух других обитателей зиндана — бледного черноволосого парня-осетина и худого, изможденного старика с морщинистым, словно сухое скукожившееся яблоко, лицом. Потом, заслоня свет, над распахнутыми створками выросли плечи, мелькнули покрытые черными волосками руки бородатого, и в яму заскользила веревка, с привязанной к концу за ручку ободранной матерчатой сумкой.

— Э, вы! Жрите быстро! И только попробуйте потом плохо работать, — грубо бросил бородатый.

Станислав быстро отвязал сумку, и веревка моментально взметнулась вверх. Лицо бородатого исчезло. Болезненно-бледные руки черноволосого с обгрызенными до оснований ногтями и сморщенные, коричневые, похожие на когти хищной птицы, руки старика потянулись к сумке. В ней была буханка плохо пропеченного, с сыроватой липкой сердцевиной хлеба, пакет сухих макарон и пластиковая бутылка с водой.

— Дай воду, — нетерпеливо сказал черноволосый и, схватив протянутую бутылку, отвинтил крышку и выпил залпом едва ли не треть. Его мучила жажда.

— Не так много сразу. Другие тоже хотят, — проворчал Станислав, разгрызая зубами пакет и торопливо сунув в рот сухие макароны.

— Это еще ничего, жить можно, — заговорил старик. Голос его скрипел, словно изъеденное ржавчиной железо о стекло. — Вот летом — другое дело. Там на весь день давали нам такую бутылку — а нас четверо тогда было — и мы камни ворочали, цемент месили, песок таскали на солнцепеке. Ни присесть, ни отдохнуть. Уже язык сухой становился, а пить все равно не давали. Или, наоборот, вертят бутылкой перед носом, а потом прольют немного на землю и говорят: языком лижи с земли, как собака. Вы, говорят, собаки, вам и положено не пить, а лакать из луж.

— Сами они — собаки. Чехи поганые, — проворчал Станислав, глотая хлеб. — Дай-ка хлебнуть, Сослан, — он толкнул черноволосого.

Раздался тягучий железный скрежет — ноги всех троих были закованы в кандалы.

— Ты, Стас, потише, — испуганно глянув наверх, сказал старик. — А-то еще Султан или Гаджимурад услышат.

— Сегодня, наверное, опять то же самое делать будем, — тоскиво вздохнул черноволосый парень-осетин, которого звали Сослан.

— А хрен его знает, — отозвался Стас. — Вы, наверное, овчарню чистить будете. Я туда вчера заглянул — дерьмища та-а-ам! А вон такая стоит — аж задохнулся.

— Почему ты думаешь, что овчарню?

— Да разговор хозяев услышал.

— Ты что, по-чеченски понимать начал? — удивился старик.

— Нет. Просто Султан орал на сына вчера, на хлев свой вонючий рукой показывал, а потом, гляжу, на вас пальцем тычет. Вы как раз воду тащили к дому. Вот я и решил, что сегодня вас туда припашут. Вчера просто поздно уже было, темно совсем.

— Да ладно, хлев — не дом. Я вон четвертый день раствор мешаю и кирпичи кладу, — Стас поспешил подбодрить товарищей. — Это посложнее будет. Вам, конечно, паршиво, что в дерьме возиться придется, но это все же легче, чем у меня.

В это время в круглом проеме снова показалась голова бородатого. Тут же с грохотом вниз упал конец деревянной лестницы. Сослан едва успел отодвинуться, иначе ему бы придавило плечо.

— Хватит жрать, вылезайте, — потребовал нетерпеливый голос.

Пленники, скрипя кандалами, покорно полезли вверх, причем Стас успел сунуть недоеденный хлеб в карман своих грязных и затертых солдатских брюк. Он лез последним, и когда его голова выглянула из зиндана, бородастый чеченец уже деловито давал указания по расчистке овчарни двум его товарищам по несчастью. Стас усмехнулся в рукав.

— Чего ржешь? — ощерился бородастый и пнул его ногой.

Впрочем, несильно. Скорее, просто так, для «профилактики».

— Давайте, чтобы сегодня к обеду там все вычистили. Вы уже обленились тут, в натуре, — продолжил чеченец. — Только попробуйте не успеть, — угрожающе добавил он и помахал толстой, с обструганными сучками палкой перед лицами Сослана и старика.

Потом с угрозой сунул конец палки в лицо каждому:

— Короче, работайте, твари. Хлев мне языком вылизать. Наши барашки не должны жить в грязи! Если плохо уберете,

я каждому эту палку в ж... засуну. А если ты, ишак, — чеченец уже обратился к Сослану, — не будешь от души вкалывать, то я тебе баранью мочу в бутылке вместо воды в зиндан буду опускать, — и в подкрепление своих слов он ударил того палкой по бедру. — Понял?

Сослан промолчал.

— Понял? — гавкнул чеченец со злобой, его рука с палкой резко замахнулась.

— Понял.

— Вот так.

Старик смотрел отрешенно, и ругань хозяина его не пугала. За более чем тридцатилетнюю жизнь раба он вытерпел такое, чего, наверное, не могли себе представить и в Бухенвальде.

Когда-то очень давно, когда старик был еще свободным человеком, его звали Богдан Романенко. Родом он был с Украины. Родителей потерял еще ребенком, во время немецкой оккупации. Поэтому воспитывался в интернате. Потом работал в колхозе трактористом где-то на Полтавщине. В 60-х годах, поверив сладким обещаниям легкого заработка заезжего денежного чеченца, отправился сюда пошабашить. С тех пор и «шабашил» уже тридцать четыре года. За это время его продавали полтора десятка раз. Хозяева попадались разные.

Одни относились сносно и считали, что поддерживать в рабочем состоянии раба гораздо рациональнее и выгоднее, чем мордовать его непосильной работой или побоями насмерть, а затем покупать нового. Тем более что в советские времена достать раба было большой проблемой, и очень немногие могли себе такое позволить.

Другие же хозяева, наоборот, были дикие, исступленные изуверы, приходившие в животную ярость буквально от каждого его движения. Они с наслаждением пинали его ногами по целому часу, точно мешок, подвешивали за ноги вниз головой, заставляли пить мочу или грязную, перемешанную с глиной воду из дождевых луж. Чтобы запугать и сломать окончательно, терзали на его глазах товарищей, неудачно пытавшихся бежать. Заставляли смотреть на нечеловечески искаженные лица существ, бывших когда-то людьми, которым теперь проворные чеченцы, со злым и радостным гоготом деловито обрезали пальцы на ногах садовыми ножницами или загоняли иголки под ногти.

Впрочем, среди его хозяев попался один эстет, заставлявший Богдана громко петь украинские песни и танцевать гопака. Хозяин обладал тонким музыкальным слухом и с ругательствами стегал его плеткой, если улавливал в песне фаль-

шивые ноты. Потом он подстегивал украинца кнутом всякий раз, когда ему хотелось поглазеть на диковинный для него танец:

— А ну-ка покажи, как тебя мама танцевать учила, — приговаривал чеченец, когда Богдан, пыля изодранными башмаками, покорно начинал скакать посреди двора.

Несколько раз украинец пробовал бежать. Но из горных аулов, где его содержали, бежать было некуда. Районная милиция, куда он сдуру сунулся в первый свой побег, немедленно вернула его хозяевам.

Богдана привезли обратно, посадили на цепь посреди двора, точно пса, и вчетвером били ногами и палками до тех пор, пока он не потерял сознание. Потом отливали водой из ведра и снова били. Богдан выл, перекатываясь в пыли, рычал, хрипел, выхаркивая вместе с кровью труху переломанных зубов. В четвертый раз украинца отлить водой уже не удалось. Тогда его перемолотое, словно жерновыми, тело грубо швырнули в угол сарая, где он в беспомощности отлеживался несколько дней.

Последний раз Богдан пробовал бежать пятнадцать лет назад. Ему удалось незаметно забраться в кузов грузовика, выезжавшего из аула. Но грузовик привез его в соседний район, а не на равнину, куда так мечтал попасть украинец. Его снова вернули хозяевам.

Те больше бить не стали. Молодой рослый и русоволосый чеченец — младший брат хозяина, — зло посмеиваясь, взял остро наточенный охотничий нож и откромсал ему левое ухо.

Рана загноилась, и Богдан лишь чудом не умер от заражения. Безобразный шрам изуродовал теперь всю левую половину его лица. А недорезанный кусочек уха теперь уродливо оттопыривался в сторону, словно древесный гриб.

После этого Богдан перестал мечтать о свободе — на новый побег у него больше не было сил. Он примирился окончательно с тем, что закончит свои дни чеченским рабом.

«Это он так, для порядку страшает», — вслушавшись в интонации чеченца, отметил про себя старик.

Впрочем, рабов пока здесь беспричинно не били. У Султана их было трое. Остальных продали осенью, когда хозяину срочно потребовались деньги. Троице невольникам предстояло еще работать и работать. Чеченцы хорошо знали цену рабскому труду — пока рабов мало, работы много и нет денег на покупку новых, калечить их просто так невыгодно.

— Ну, шевелитесь, — поторопил Гаджимурад.

Сослан и Богдан, гремя скованными ногами, взяли лопаты и поплелись к овчарне.

— А ты иди к дому, — теперь он обратился к Стасу. — Давай, резко, солдат. Работай. Если сегодня сделаешь столько же, сколько за прошлые два дня, я тебе кость дам, как хорошей собаке.

Не дожидаясь пинка, Стас зашагал к груде кирпичей, наваленных посреди двора. Из них он под присмотром хозяина сооружал пристройку к дому.

Так начинался трудовой день невольников во Внезапной.

Султан Садаев поселился во Внезапной в середине 80-х, купив здесь небольшой дом. Работал в местном колхозе. Следом за ним в станицу из маленького горного аула в Шаройском районе тогда еще Чечено-Ингушской АССР переехало пятеро его родных и семь двоюродных братьев со своими семьями. Первоначально все помещались в маленьком домишке, купленном Султаном, и наспех возведенной к нему деревянной пристройке.

Братья отправились на заработки в Россию. Кто-то осел на Ставрополье, кто-то в Краснодарском крае. Садаевы занимались полукриминальной торговлей. Спекулировали всем: паленой водкой, анашой, оружием. Дальний родственник в Грозном доставал со склада воинской части списанные за взятку боевые стволы. Садаевы богатели. Вскоре братья купили во Внезапной еще один дом. Продавцом был спившийся одинокий русский алкаш. Чем с ним расплачивались Садаевы — деньгами или водкой — никто из станичников так и не узнал: сразу после сделки алкаш исчез из Внезапной. В дом вселился родной брат Султана Идрис.

В 92-м году, когда Чечня провозгласила независимость, Султан лично явился в дом своего русского соседа с автоматом в руках и потребовал от него до захода солнца убираться вон. К тому моменту русских в станице уже резали всюю. Запуганные, оступевшие, они затравленно смотрели на наглых горбоносых чеченцев, глотая слезы, молча собирали свои жалкие пожитки и уходили прочь.

Спротивляться пытались немногие. Так, один казак, запершись в доме, отстреливался из охотничьего ружья и положил троих чеченцев. Однако у его врагов были автоматы. Одни, залегшие в придорожной канаве, поливали очередями непрерывно все окна с улицы и со стороны двора, а двое других в это время подползали вдоль стены с канистрой бензина. Быстро плеснули на стену в нескольких местах и бросили спичку. Старый деревянный дом занялся сразу — оранжевое жаркое пламя бесновато забилося, затанцевало по стене, по разным деревянным наличникам, по крыше.

Казак, задыхаясь в дыму, перебежал из комнаты в комнату и с громкими матюгами, паля поочередно из всех окон, отстреливался до конца и последний патрон пустил себе в лоб, уперев в него ружейный ствол и нажав на спуск пальцем правой ноги. Озверевшие чеченцы еще долго глумились над его окровавленным, полуобгоревшим трупом: топтали ногами, прошивали автоматными очередями, плевали и мочились на него.

В отличие от других, Султан «проявил» гуманизм: он позволил соседу с семьей уйти живым и даже забрать с собой те из вещей, какие они могли унести на себе. Однако не удержался от того, чтобы с двумя братьями и четырьмя племянниками грубо, по-скотски изнасиловать в сарае его семнадцатилетнюю дочь. Она кричала, надрываясь в иступленном плаче.

— Сука! Русская б...! — рычал волком Идрис и терзал почернелыми пальцами с грязными ногтями ее молодое тело с белой кожей.

Остальные, ожидая своей очереди, громко ревели и завывали рядом, держа под прицелами автоматов стоящих на коленях посреди двора родителей девушки. Мать завалилась наземь и тихонько скулила, скребя пальцами сухую пыльную землю, а отец лишь тупо смотрел перед собой бессмысленными и невидящими глазами.

Так Султан Садаев стал хозяином дома, в котором теперь жил сам и держал рабов, которые почти год выбивались из сил, перестраивая жилище хозяина. Дом превратился в просторный двухэтажный особняк из белого кирпича.

Однако Султан этим не удовлетворился. В его голове постоянно возникали идеи все новых и новых благоустройств. Дом обрастал пристройками как старый древесный ствол грибами. Рабы чуть ли не каждый день надрывались, роя погребя, таская ведрами песок, мешая цементный раствор, и кладя кирпичи.

Во время войны старший сын Султана Асланбек, подавшийся в боевики, был убит в Грозном в боях за консервный завод в январе 95-го. Второго сына Тимура отец отправил учиться в Россию, и, заплатив большую взятку, устроил в один московский вуз. Полунищие преподаватели оказались падки на деньги, поэтому учеба давалась молодому чеченцу легко — он покупал практически все и всех. Кроме того, он помогал в различных делах своим дальним родственникам, которые перебрались в столицу еще лет пятнадцать назад, и теперь являлись владельцами нескольких ресторанов, казино и публичных домов. Часть вырученных от такого бизнеса денег сын отправлял отцу.

Сам Султан воевать за свободу не хотел. Вплоть до вывода российских войск в конце 96-го года он безвылазно сидел во Внезапной. Еще в 93-м году у него появился первый раб, которого он заставил копать зиндан во дворе и обкладывать его стены кирпичом. Рабом был русский парень из их станицы, которого, встретив однажды на улице, Султан под дулом автомата привел к себе домой и посадил там на цепь. Потом он купил еще двух рабов: кряжистого русского мужика из Грозного — бывшего заводского рабочего, и полудикого ногайца-пастуха, захваченного где-то в степях на границе с Дагестаном. Они выполняли всю грязную работу по дому: постоянно что-то пилили, носили воду, месили цемент. Иногда он сдавал их в аренду соседям, которым срочно требовались рабочие для своих бесчисленных строек.

На время войны рабов пришлось отправить к родственникам в горы. Султан все же побаивался стоявших в станице российских войск. После их ухода он затребовал рабов назад. Однако родственники сказали, что парень ухитрился сбежать, и его якобы спасли от погони десантники, занявшие высоту рядом с аулом. Мужик из Грозного будто бы умер сам от гангрены, когда подросток, надзиравший за ним, в припадке ярости изувечил ему арматуриной ноги, превратив их в кровавую массу переломанных костей. И только ногаец был возвращен в целостности и сохранности.

Султан не поверил этим рассказам. Ему показалось, что родня обманывает: сами продали рабов втихаря, а теперь вешают лапшу на уши. Он потребовал за рабов денежной компенсации. Родственники долго торговались, но, наконец, вместо денег поднесли ему в дар других двух рабов — азербайджанца из Дербента, будто бы железнодорожного работника, и кабардинца, похищенного в Нальчике около года назад. Азербайджанца потом удалось выгодно отпустить за выкуп. Выяснилось, что он был никаким не железнодорожным рабочим, а коммерсантом и, к тому же, имел богатую родню. Султан получил за освобождение пятьдесят тысяч долларов наличными. Узнав об этом, родственники кусали локти от досады. Кабардинца потом тоже выкупили родственники, но «всего» за двадцать тысяч.

На вырученные деньги Султан отправил на учебу в Москву, под присмотр сына, свою единственную дочь Залину. А третий сын Садаева Гаджимурад был настолько туп, что отец не доверял ему ничего, кроме как пасти баранов и надзирать за рабами. Это доставляло тому наслаждение.

Ногайца Султан подарил на день рождения своему двоюродному племяннику. Потом, правда, сильно сожалел о та-

ком приступе щедрости. Ногаец был двужильный и, несмотря на плохую кормежку, работал за двоих. На смену ему были куплены по дешевке старик-украинец и молодой осетин, захваченный ингушами под Владикавказом еще осенью 92-го и проданный впоследствии в Чечню. И вот, наконец, две недели назад, Султан купил Станислава — русского солдата, попавшего в плен летом 96-го где-то в Аргунском ущелье. Он был контужен в бою, задет гранатным осколком и, сорвавшись со скального уступа, пролетел метров пятнадцать вниз. Там его, лежащего без сознания, обнаружили боевики. К счастью, автомат, на прикладе которого красовалось пять зарубок по числу убитых им чеченцев, взрывом гранаты разнесло в щепки. Иначе боевики, пожалуй, добились бы его тут же. Солдату, однако, повезло. Первое время они надеялись обменять Станислава на кого-нибудь из своих пленных. Поэтому над ним не издевались, кормили неплохо и даже лечили.

Однако обмен не состоялся, так как пленный чеченец был застрелен при попытке к бегству. А вскоре армию из Чечни вывели. И на младшего сержанта мотострелка Станислава Иванова, призванного из небольшого новгородского села, командованию было наплевать. Чтобы хоть как-то окупить затраты на его содержание и лечение, чеченцы-боевики решили продать его Султану. Тот как раз подыскивал себе молодого раба, поскольку замыслил возводить еще одну пристройку, а сил старика и изможденного осетина на это явно не хватало.

К весне 97-го Станислав оклемался и уже мог работать. Он был высоким и сильным парнем, отчего-то попавшим в пехоту вместо десанта или спецназа. В его спокойном, незатравленном взгляде, в крепких крутых плечах и тугой, словно плеть, фигуре, сразу угадывались мощь, выносливость и сила.

Однако Султан долго торговался с рослым бородатым боевиком, надеясь сбить слишком высокую, на его взгляд, цену.

— Он же ранен был. Вы же все равно не лечили его как следует. А вдруг он сразу подохнет, как только я заставлю его работать? — вопрошал Султан.

— Не подохнет, он живучий.

— Да ты откуда знаешь? Врач, что ли?

— Он не раненый, он контуженый, — поправил боевик. — Да и то слегка. Не было у него раны — так, царапина от осколка. Матерью клянусь. Видишь, даже не заикается.

— Он же с обрыва упал. То есть, по любому здоровым быть не может. Откуда я знаю, как он сможет работать. Мне там дом строить надо. Нет, ты уж подешевле давай.

— Большой, говоришь? — повторил боевик. — Эй, Стас, иди сюда.

Станислав, сидевший на земле метрах в десяти от торговавшихся чеченцев, встал и нехотя подошел.

— Камень подними, — коротко бросил боевик.

Станислав схватил обеими руками здоровый шершавый камень, валявшийся тут же в пыли, и довольно легко поднял его на вытянутых руках над головой. Камень был раза в два больше его головы. Подержав почти минуту, он небрежно бросил его под ноги. Султан невольно чихнул от взметнувшегося вверх облака пыли.

— Осторожно, ишак, — проворчал боевик. — Вот видишь, я едва бы смог такой камень поднять. А он спокойно поднял, — продолжал он, обращаясь уже к Султану. — Так что я тебя не обманываю. Он с такой силой в десанте должен был служить. Тогда бы его цена вдвое увеличилась.

— Она и так высокая.

— Слушай, Султан, полторы тысячи долларов — мое последнее слово. Что ты торгуешься со мной как на базаре за мешок картошки? Не хочешь — не бери. Но я отвечаю, раб хороший. Он как буйвол здоровый. И пахать будет с утра до ночи. Если хочешь знать, мне за него в соседнем селении две тысячи долларов уже предлагали. Но я им не продал из уважения к тебе. Я твоего старшего сына знал. Да и твои родственники говорили, что тебе срочно раб нужен.

Цену снизить не удалось. Вздохнув, Султан отсчитал деньги. И через день Станислав, закованный в кандалы, уже сидел в зиндане на садаевском подворье. Там, в яме, он познакомился со стариком Богданом и осетином Сосланом. Те узнали от него о подробностях военных действий, о которых имели самое смутное представление, а он от них — об условиях рабской жизни.

Поначалу все трое относились друг к другу настороженно, недоверчиво. Разговоры их были тихими, немногословными. Каждый процеживал слова сквозь зубы осторожно, словно чего-то боясь. Эти слова были полны отчаяния, жути и безысходности. Невольники, не спеша, присматривались друг к другу, стараясь разглядеть сквозь толстое мутное стекло отчуждения и обреченности очертания человеческих душ. Постепенно в их голосах стало проскальзывать что-то человеческое, живое. По стеклу побежали трещины. Сначала маленькие, тоненькие. Потом поглубже и потолще. И наконец оно совсем рассыпалось — люди поняли, что доверять друг другу можно.

Станислав за полгода чеченского плена видел многое. Видел он забитых полуживых русских рабов в горных аулах, которые таскали кандалы и колодки на ногах не первый год.

Его поразили тогда их совершенно пустые, бессмысленные глаза. Казалось, в них не осталось ничего человеческого, и, заглядывая в них, он видел перед собой глаза животных. Они, по сути, и были животными: ломовыми лошадьми и ишаками, лишь по какой-то нелепой случайности ходившие на двух ногах. Человеческие чувства были выжжены из их душ начисто. Рабы жили одними лишь инстинктами, главным из которых был страх.

Рабов постоянно били. Особенно подростки, которые иногда придумывали для этих живых вещей такие изощренные пытки, каких не знали, наверное, средневековые инквизиторы. Побои наряду с другими издевательствами были неотъемлемой частью процесса ломки и перемальвания жестокими жерновами тупого насилия любого человека, попадавшего в лапы к чеченцам. Они с наслаждением смотрели на мучения своих жертв. Главным для них было полностью подавить в рабах любые чувства, кроме страха перед хозяином. Ломали в конечном итоге почти всех.

Станислав мечтал о побеге. С тех пор, как он окончательно встал на ноги после контузии и многочисленных ушибов от падения с обрыва, не проходило и дня, чтобы он не строил на него планов. Однако в горах бежать было некуда. Он это отлично понимал. Провоевав год, Станислав имел полное представление о том, что такое горы. И когда его продали на равнину, он был рад. А узнав от товарищей по несчастью, что Внезапная находится всего в двадцати километрах от дагестанской границы, понял, что его мечта вполне осуществима. Он был уверен, что сможет преодолеть эти двадцать километров во что бы то ни стало. Надо было только все тщательно обдумать и не упускать случай, если он вдруг представится.

Султан тем временем со своими братьями решил, что пора и самому заняться похищениями людей для получения выкупа. На примере своих сородичей он видел, что это промысел приносит огромные деньги. Неумная алчность червем точила Садаевых изнутри. И братья начали подыскивать себе жертву. Понятно, что в Чечне об этом нечего было и думать. Их род был малочислен и слаб. Поэтому любая попытка захватить в плен какого-нибудь богатого чеченца была для него равносильна смерти.

Тогда взор Султана обратился за Терек, на дагестанский Город Ветров. Там через многочисленных знакомых ему удалось наметить в жертвы одного армянина — сына хозяина кафе. Деньги у хозяина были, и на выкуп в тридцать-сорок тысяч долларов он вполне мог раскошелиться. К тому же вли-

ятельной родни армяне не имели. Поэтому последствий можно было не опасаться.

Местные бандиты-горцы, получив аванс от Садаева, две недели отслеживали все передвижения Ашота, сына хозяина кафе. Чтобы он ничего не заметил, горцы через день меняли машины и попеременно ездили за ним по пятам то на джипе с тонированными стеклами, то на «Мерседесе». Но парень оказался на редкость ненаблюдательным. Он в упор не замечал «хвоста». Осмелев, похитители стали действовать наглее, почти перестав конспирироваться.

Отследив все его городские маршруты, горцы решили похитить армянина рано утром, прямо у дома, когда тот пойдет на занятия. Предварительно они изучили его университетское расписание и точно прикинули время выхода на улицу. О том, что в этот день парень будет без машины, бандиты знали.

Двор Ашота ранним утром всегда бывал пуст. Выехав через переулок на широкую улицу с оживленным движением, можно было быстро затеряться в шумном потоке машин. В то утро даже погода способствовала этим замыслам — дул сильный ледяной ветер, и прохожих во дворе не было вообще.

Но им едва не спутал карты русский парень, с которым Ашот вышел из своего подъезда. Это был худошавый, долговязый молодой человек лет 25. Звали его Николаем. Его появление никак не вписывалось в их планы. Но упускать случай похитители не хотели. Они опасались, что их машины, торчащие у въезда во двор, уже порядочно намозолили глаза соседям.

Поначалу они хотели просто пристрелить Николая как свидетеля. Но старший — командовавший всей операцией рыжий Гамзат — рассудил иначе. Он подумал, что убивать просто так невыгодно, и решил всучить Николаю Султану как довесок к первому пленнику.

Тому, немного поторговавшись, пришлось выплатить за Николая тысячу долларов. Поставленный перед фактом Султан решил отрядить его Станиславу в помощники — тот строил пристройку медленнее, чем хотелось.

В Чечню Ашота и Николая привезли закованными в наручники и с мешками на головах. Чтобы машины не проверяли на блокпостах, в них, вместе с бандитами, ехали милицейские офицеры, которые тоже были в доле.

Станислав осторожно ссыпал в корыто сухой цементный порошок, плеснул воду из грязного заляпанного ведра и тщательно перемешал лопаткой сероватую, жирную, чавкающую жижу. Потом взял в руки мастерок и принялся класть кирпи-

чи, неторопливо промазывая раствором верх недостроенной стенки. Гаджимурад то и дело выглядывал из дома и, видя, что раб трудится усердно, радостно скалил зубы.

День угасал. Жутко уставший, мучимый голодом, Станислав, тем не менее, работал старательно, продолжая месить раствор своими изъеденными цементом руками, с грубой, обветренно растрескавшейся кожей. Задубевшие, плохо слушающиеся руки двигались почти механически. Его изодранная солдатская хэбэшная куртка, промокшая от пота, висела тут же, на сучке дерева.

Солдат усердствовал с умыслом. Добросовестным трудом и покорностью он хотел усыпить бдительность Гаджимурада, который поначалу буквально глаз с него не спускал. Сидел целый день на корточках у дома, то и дело плевал под ноги длинной слюной, покрикивал на раба и подгонял его палкой. Теперь же этот надсмотрщик, в котором Станислав сразу разглядел тупого, но бдительного цербера, несколько расслабился. Убедившись, что рабы, надежно скованные, работают хорошо и не отлынивают, он уходил в дом или отправлялся к соседям. Это обстоятельство вселяло в солдата оптимизм.

Весна разгулялась вовсю. От влажных, разогретых, сохнувших под солнцем больших комьев перекопанной земли к вечеру поднимался пар. Где-то за домами нес свои мутные воды Терек.

«Ну и благодатный же здесь край, — размышлял невольник. — И все этим гадам досталось. У нас-то под Новгородом в такую пору зима еще настоящая, снег лежит повсюду. Ну, или накрайняк грязь под ногами хлюпает. А тут уж деревья не сегодня-завтра зацветут».

И он со щемящей тоской посмотрел на набухшие почки какого-то странного, покрытого темно-коричневой, шершавой и смолистой корой, дерева. Такие в его краях не росли. Позапрошлой весной, когда его дивизия только вошла в Чечню, один солдат из кубанской станицы показал ему эти деревья в садах и сказал, как они называются.

— Видал, Стас, — хохотнул тот. — Вот то-то — гляди, пока жив. Война-то — хрен с ней. Зато хоть на юг попал. У вас там, небось, ничего, кроме картошки, и не растет?

У кубанца был странный, всегда забавлявший Станислава говор. Он «хэкал», то есть, произносил «г» мягко, раскатисто, почти протяжно. Так и говорил: «хляди» вместо «гляди». Позже ему объяснили, что на Кубани почти все так говорят.

— Ну почему, крыжовник растет, малина, яблоки, — обиженно отозвался Станислав.

— Крыжовник! Тоже мне, фрукт! Не фрукт, а кислая сопля в кожере.

— Сам ты сопля!

Они сидели на броне БТРа и проезжали через какое-то село. Солдатские глаза напряженно шарили по сторонам, а указательные пальцы лежали на спусковых крючках автоматов.

Кубанец говорил, что на этих деревьях растут очень вкусные фрукты, размером с небольшое яблоко, но мягкие, сочные, очень сладкие, с бороздками по бокам и твердой крупной косточкой в сердцевине. На рынке Грозного прошлым летом он покупал с товарищами такие фрукты. Но теперь, сколько ни старался, никак не мог припомнить их название.

Ко двору с шумом подъехали машины. Зафырчали моторы, захлопали дверцы, зычные нетерпеливые голоса гортанно неслись с улицы. Гаджимурад тут же выскочил из дома и торопливо распахнул ворота.

Во двор въехало две иномарки. Из передней степенно вылез невысокий полноватый чеченец в темных очках — один из братьев Султана. Вылез, неторопливо снял очки, заправляя их дужку в карман легкой кожаной куртки. Султан поспешил ему навстречу. Братья полуобнялись, как велит чеченский обычай. Тараторили и галдели все разом, скалясь в самодовольных улыбках.

Приехавшие вместе с братом чеченцы вытащили из машин двух человек. С их голов сорвали мешки. Станислав отлично видел пленников: в измятой одежде, с нечесаными, спутавшимися волосами, они ошалело озирались по сторонам, шуря измученные, переполненные страхом глаза от яркого весеннего солнца. Солдат сразу догадался — привезли новых рабов.

Султан радостно сиял. Его толстые губы растягивались в довольной улыбке, а округлый, вываливающийся из штанов живот весь колыхался от смеха точно желе. Он деловито оглядел обоих пленников, ощупал их лица, руки своими толстыми крупными пальцами. Особенно внимательно оглядывал темноволосого и полноватого парня в измятых и перепачканных глиной джинсах и разорванной на боку по шву куртке. Тот испуганно сжался и опустил голову так, что подбородок уперся ему в грудь. Султан грубо схватил его за волосы, рывком поднял голову вверх и что-то сказал по-русски. До Станислава долетели обрывки фразы: «...раб... отец богатый... пусть заплатит...»

Темноволосый молчал, редко-редко хлопая жесткими черными ресницами, и не то всхлипывал, не то шмыгал носом. Чеченец ощерился самодовольно и с силой, с оттягом хлест-

нул его тыльной стороной ладони по щеке. Голова темново-
лосого дернулась, и он заскулил жалобно.

«Ну, ясно. Этот толстый — сынок богатых родителей. Его
для выкупа похитили», — сразу сообразил Станислав.

Второго — долговязого, безобразно худого парня с рыже-
ватыми волосами Султан осмотрел так же придиричиво. Про-
щупал жидкие немощные бицепсы, грубо вывернул, скрутил
ухо и слегка ударил раскрытой ладонью в подбородок. Затем
недовольно, с сомнением покачал головой. Сказал что-то на
своем языке брату.

— Работать будешь. Понял? — бросил тот по-русски.

— П-понял, — запинаясь, приглушенно ответил долговя-
зый, мелко подрагивая всем телом и уперев взор в землю.

Гаджимурад деловито, со знанием дела заковал ноги обоих
новых невольников в кандалы. Когда на их ногах глухо зас-
крежетали тяжелые, кованые еще кузнецом в стародавние
времена, изъеденные ржавчиной цепи, их пинками погнали
к зиндану. Невольники, испуганно озираясь и прикрывая
головы руками, затрусили торопливо, мелко подволакивая
еще непривыкшие к цепям ноги.

«Что ж, поглядим, что за люди», — решил Станислав.

Появление новых товарищей по несчастью его обрадова-
ло. Теперь ему было с кем поговорить. Старику-украинцу
солдат все же не доверял до конца. Разговоры о побеге он
шепотом заводил с Сосланом только тогда, когда дед Богдан
засыпал. Украинец уже тридцать лет провел в рабстве и дав-
но смирился со своей долей. Станислав опасался, что тот,
будучи не в силах бежать сам, мог из страха или просто по
злобе — чтоб мучиться не одному — выдать хозяину их за-
мыслы. Это внушало тревогу.

«Хотя, если за этого жирного действительно ждут выкуп,
то он riskовать не захочет и на побег, наверное, не пойдет, —
продолжал размышлять солдат. — А вот второй — посмот-
рим. Он, кажется, русский, и, судя по виду, за него платить
некому. Надо будет поговорить с ними. Прощупать. Этот вто-
рой, правда, дохляк совсем. Но хрен его знает: может, в дох-
лом теле есть душок?» — и Станислав улыбнулся своим мыс-
лям.

Новые рабы уже сидели в яме, а приехавшие чеченцы от-
правились в дом к Султану. Оттуда через окно доносился воз-
бужденный и радостный говор.

Идрис Садаев во всех подробностях рассказывал брату о
том, как была проведена «операция» в Городе Ветров. С мест-
ными бандитами-горцами уже расплатились. Они довели
рабов до границы, где с рук на руки передали их чеченцам.

Люди из Города Ветров были рады успеху и предлагали при случае обращаться к ним вновь.

Братья решали, какую сумму запросить за Ашота. После недолгого спора сошлись на шестидесяти тысячах долларов. Решили, что в течение нескольких дней они устроят «этому армянину настоящий ад». То есть будут его избивать, запугивать, издеваться и морить голодом. Побоями и пытками они быстро сломят его, заставив жалко дрожать от ужаса каждую жилку его толстого нескладного тела. А когда насмерть перепуганный, почти помешавшийся от непрерывных страданий армянин совсем потеряет надежду на спасение, они назовут цену выкупа, и запишут на видеокассету его слезливое обращение к родителям с дикой мольбой немедленно «забрать его отсюда и сделать все, что они хотят». Кассету отправят родителям. Хотя уже сейчас надежные люди в Городе Ветров усиленно распускают повсюду слухи, что сын хозяина кафе в Чечне и похищен он ради выкупа. Морально готовят, так сказать.

Толстый, коротко стриженный Султан с торчащей по бокам черепа жесткой полуседой щетиной довольно скалился и гоготал.

— Это будет очень выгодное дело, Идрис. Мы хорошо заработаем.

— Да. Я думаю, что нам не нужно будет долго ждать выкупа. Если же они не заплатят сразу, тоотрежем этому Ашоту ухо или отрубим палец. Это надо будет записать на видео и послать кассету их родителям. Мне уважаемые люди сказали, что эта семья богатая. Я все проверил. Кроме того, у них еще есть богатые родственники в Краснодаре, в Москве. У них много родственников. И почти все торгаши.

— Естественно, армяне — все торгаши.

Приехавшие с Идрисом молодые чеченцы доводились братьям дальними родственниками — двоюродными и троюродными братьями или племянниками. Они сидели за дальним концом стола и пили чай молча, не вмешиваясь в разговор старших. Но по их алчным, самодовольным усмешкам было заметно, что вопрос скорого получения выкупа занимает их не меньше.

— Здорово, пацаны! — Станислав бодрим голосом поприветствовал новых невольников, едва только спустился вечером на дно зиндана.

— Привет, — глухо пробурчал Ашот в ответ.

Николай что-то промычал, но разобрать слов было нельзя. Оба раба сидели, привалившись спинами к стенке ямы, съе-

жившись, подобрав колени к подбородкам и диковато зыркали округлыми, слегка поблескивающими в сумраке глазами. Облизывали разбитые, глубоко потрескавшиеся, воспаленные и шелушащиеся губы.

— Ну, рассказывайте: кто такие? Откуда? Как сюда попали? — обратился к ним солдат.

— Из Города Ветров, — первым отозвался Николай. — На улице схватили и в машину затолкали. Все так быстро произошло, я даже не сразу понял. Шли по улице, вдруг — раз! Из машины выскочили несколько человек, скрутили, в наручники заковали. Куда везут — мы не видели, потому что нам на головы мешки надели. Вот так мы здесь оказались.

— А как это село называется? — спросил Ашот, громко шмыгнув при этом носом.

— Не село, а станица, — поправил старик Богдан. — Станица Внезапная. Только вы чеченцам не показывайте виду, что знаете, где находитесь. Они этого не любят. Я-то давно здесь маюсь, потому уж всю Чечню знаю. А вам знать, где вас держат, не полагается.

— Да, хозяин спалит — даст по башке с ходу. Поэтому делайте вид, что не в теме, — посоветовал осетин.

— А что, сильно бьют? — Голос Николая был пуст и глух.

— Не то слово. Не то, что бьют — убивают. Уши режут, головы отрывают. И все это еще на видео снимают.

Оба новых раба съезжились еще сильнее. Николай нелепо втянул свою тонкую шею в костлявые, резко выступающие из-под одежды плечи.

— Это не так страшно, — поспешил успокоить их солдат. — Если есть деньги, то особо бояться нечего. Заплатите — отпустят.

— Че, в натуре отпустят? — приподняв голову, сразу оживился Ашот.

— Конечно, отпустят. Ты сам им на хрен не нужен. Им деньги твои нужны.

— А вы здесь давно сидите? — спросил Николай.

— Да кто как. Я — пятый год. Богдан уже сам не помнит, когда здесь оказался. А вот Стас недавно, чуть больше полугода, — ответил Сослан.

— Да, я в горах в плен попал. Раненый был и контуженый. Вначале чехи меня обменять хотели на своего — боевика, который у наших в Ханкале сидел. Но потом того черт дернул в побег пойти. Ну, его наши и пристрелили. Обменивать стало не на кого. Вот тогда-то меня сюда и продали, чтоб хоть что-нибудь получить.

Сослан запустил руку в открытую пачку макарон, набрал их целую горсть и принялся грызть.

— В принципе, выжить здесь можно, — продолжил Станислав. — Вот дед Богдан уже больше тридцати лет как раб, а все живой.

— Сплюнь, — проворчал Сослан.

— Живой-живой. Только ухо за побег отрезали.

— Че, в натуре? — быстро переспросил Ашот.

Вопрос прозвучал глупо. Ему не ответили.

— Да уж, с тех пор я бежать и не думал. Меня в горах все держали. Оттуда хрен убежишь. А сюда, на равнину старым слишком попал. Где уж тут бежать. Сегодня вон лопату взял хлев разгрести, так руки чуть не отвалились. Нет. Со мной кончено, — и украинец вздохнул тяжким грудным вздохом.

— Поняли? — многозначительно и с подтекстом протянул солдат. — Так что сами думайте.

Воцарилось молчание. Станислав подсел к осетину, тоже загреб горсть макарон и поднес их ко рту. Грыз их торопливо. Макароны громко хрустели на зубах. Солдат толкнул в бок Николая:

— На, поешь, — и отсыпал тому маленьких сухих фигурных крендельков в машинально раскрывшуюся ладонь. — Другим здесь не кормят.

Николай отстраненно посмотрел на макаронинки, рассыпанные на грязной влажной ладони. Потом свободной рукой начал вяло и безжизненно совать их в рот по одной, долго посасывая, прежде чем разгрызть зубами и проглотить. Наконец сказал:

— Меня не выкупят. Родители бедные, денег у них нет. Меня, наверное, вообще случайно похитили, по ошибке. Знает, я тут до смерти останусь? Так, что ли?

— Ну, тебе же сказали все, — Станислав хитро усмехнулся в отросшую светлую бороду. — Сам думай, сам решай. Если платить некому, то дело — труба. Они в жизни не отпустят.

— А если опять война с Россией начнется, и войска сюда придут?

— Тогда еще хуже. Вас чеченцы будут перевозить из аула в аул, а если взять с собой не смогут, то просто зиндан гранатами закидают. Им свидетели зачем?

Николай всхлипнул, некрасиво скривив рот. Руки его дрогнули, ладони разжались, и макароны просыпались на землю. По худому, туго обтянутому тонкой белесой кожей лицу потекли слезы.

— Блин! Суки! — закричал он истерично.

— Ты потише. Слышь? Чехи могут услышать и не понять.

Николай притих и, продолжая подвывать почти беззвучно, тихонько скреб пальцами земляной пол.

— А если, к примеру, за меня выкуп заплатят, то они в натуре отпустят? — вновь заговорил Ашот.

— Отпустят. Ты заплати только. А сколько они за тебя хотят?

— Не знаю. Ничего пока еще не говорили.

— Они подождут неделю-другую. Потом начнут тебя пытать. Чтобы ты домой письмо написал и просил денег им заплатить. Или на видео все это запишут и кассету твоим родителям pošлют.

— А че, они всех пытаются, да?

— Тебя точно будут. — Этот увалень почти сразу не понравился Станиславу. — Их хлебом не корми — только дай над человеком поизмываться. Тебя, кстати, как звать?

— Ашот. А это Коля со мной.

— Стас, — солдат протянул ему руку.

Армянин схватил ее и сжал быстро, с липким напряжением. Тихо скулящий Николай почти ничего не соображал. Станислав сам нашупал его ладонь, раскрыл, стиснул в своей и, глядя тому в лицо, несколько раз повторил свое имя:

— Станислав меня звать. Стас. Понял, нет? Стас я с Новгородской области.

Но Николай не слышал и не понимал. Его истекающие обильной влагой глаза были пусты.

На этом разговор закончился, так как смертельно уставшие за день рабы страшно хотели спать. Догрызя пачку макарон и запив водой сухое пресное тесто, они разлеглись вдоль стен и, навалив на себя кучу грязного тряпья, закрывшего их почти с головами, заснули.

Вслед за ними улегся и Ашот, свернув толстым клубком свое тело. И только Николай, плакавший долго и беззвучно, еще долго не мог заснуть, привалившись спиной к холодной стене зиндана и мелко подрагивая плечами. Его влажные, липкие от слез веки наконец сомкнулись, и, уткнув голову в притянутые к лицу колени, он задремал, когда была уже глубокая ночь.

Утром высоко вверху загремел отпираемый замок на деревянной крышке, закрывавшей яму. Грубый голос зло гаркнул сверху. Рабов подняли матерными ругательствами и плевками.

Всю неделю рабы трудились на износ. Точнее, трудились Станислав, Богдан, Николай и Сослан. Ашота на работы не выгоняли. Целыми днями он сидел все это время в яме один. Мысль о выкупе мучила его без конца.

«Надо сообщить родителям. Они заплатят. Обязательно заплатят. Чеченцы хотят денег. Иначе зачем меня тут держат одного? Как только заплатят, меня отпустят. Ведь других же отпускали за деньги», — думал он беспрерывно.

— Ну, чего? Как там? — спрашивал он каждый вечер спустившихся в зиндан рабов.

— Никак. Вкальваем, — отвечал за всех Станислав.

— А эти что говорят? — под словом «эти» Ашот подразумевал чеченцев.

— Ничего. Говорят, что работаем плохо. Бьют нехило.

— А насчет меня?

— А насчет тебя Гаджимурад говорит: весна на дворе. Вот запрягу завтра эту толстую суку в плуг, и пахать на нем начну, а если плохо тянуть будет — уши отрежу.

— Че, в натуре так говорит? — В голосе армянина сквозил страх.

— Да расслабься, пошутил я, — и Станислав со смешком хлопал его пятерней по плечу.

Но Ашот не успокаивался. Хозяева молчали. Про выкуп никто не говорил. Никто не предлагал ему написать письмо домой или сказать на камеру: «Сделайте все, что они хотят». Ему страстно хотелось верить, что переговоры о деньгах с его родителями уже идут и что скоро его должны отпустить. Время шло. Неделью спустя душу Ашота заскребли кошки: вдруг родня отказалась от него, или сумма, запрошенная чеченцами, оказалась слишком высокой?

Наконец, когда ранним утром восьмого дня рабы, как всегда, разбрелись по садаевскому подворью, Гаджимурад вернулся к зиндану, и снова бросил лестницу вниз.

— Э, вылезай! Быстро!

Армянин, проворно переставляя со ступеньки на ступеньку толстые, с обвислыми складками на ляжках, ноги полез наверх.

«Может, про деньги сейчас скажут?» — Затаенная надежда промелькнула в голове.

Едва встав в полный рост возле ямы, Ашот был тут же сбит на землю сильным, жестоким ударом ноги.

— Ты че, сука! — Гаджимурад ударил его еще раз, целя носком ботинка по почкам.

— А-а! Э-э-э! — заверещал Ашот, разом испугавшись.

— Давай, резко. Пошел. Ты, черт!

Армянин вскочил и со страхом уставился на чеченца.

— Баран, ты глухой, что ли? Я же сказал — пошел! — и Гаджимурад схватил его за ворот, резким движением развернул к дому, с силой толкнул и наградил еще одним пинком.

— Пошел, козел!

Обмерев и с трудом перебирая ногами, враз сделавшимися ватными, Ашот затрусил к дому, подгоняемый бранью и непрерывными жестокими ударами.

— Быстро, сука! Быстро! Кому сказал! — рычал Гаджимурад.

Через минуту Ашот оказался в большой просторной комнате. Перед ним, на мягком диване полулежал Султан. Его объемистый живот большим шаром выкатывался из спортивных штанов. Колючие прищуренные глаза вглядывались в вошедшего пристально и сосредоточено.

Рядом с братом сидел Идрис. На настенном ковре, за их спинами висела тускло поблескивающая горская шашка и старинное кремневое ружье. Паркетный пол в комнате был устлан широким мохнатым ковром с обильным ворсом. Возле дивана, поверх первого, лежал второй, небольшой и пушистый коврик для ног, сделанный, очевидно из шкуры какого-то животного.

Ашота вытолкнули на середину комнаты. Он бестолково топтался на месте, мелко подрагивая и испуганно хлопая глазами. Старшие чеченцы смотрели на него с прищуром, криво ухмыляясь.

Вдруг Гаджимурад резко, с силой ударил его ногой сзади, под коленные чашечки, и армянин, словно подрубленное молодое деревцо, враз бухнулся на колени, неуклюже упершись руками в пол. Султан усмехнулся и щупающим, наглым взглядом уставился ему прямо в лицо. Ашот низко опустил голову. За две недели, проведенные в неволе, он здорово осунулся. Его розоватые, пухлые еще недавно щеки теперь казались блеклыми, обвисшими, неживыми. Взгляд сделался настороженный, диковатый. Терзаемый страхом, дрожащий всем телом мелкой противной дрожью, он стоял на коленях перед своими хозяевами, в чьих руках была его жизнь и смерть.

Чеченцы смотрели нагло и торжествующе. С их лиц не сходили ухмылки, полные злобного самодовольства. Молчание длилось несколько минут.

— Ну, что, Ашот, тебе нравится у меня в гостях? — начал Султан.

Не зная, что отвечать, несчастный парень некоторое время молчал, но, подумав, что этим он лишь разозлит чеченцев, выдал едва слышно:

— Д-да.

— А домой не хочешь?

— Хочу.

— Так зачем же ты хочешь домой, если здесь хорошо? — вставил Идрис и загоготал грубым раскатистым смехом.

Султан тоже засмеялся, широко разевая рот с коричневатыми, попорченными зубами. Его жирный живот заколыхался, словно студенистая плоть медузы. За спиной Ашота громко заржал и Гаджимурад.

— Раз ты хочешь домой, то скажи своим родителям, чтобы они заплатили мне шестьдесят тысяч долларов. Тогда я тебя отпущу.

— А если не скажешь, то я тебе горло порежу, как барашку, — добавил Гаджимурад, шагнув к нему вплотную и, размахнувшись, залепил сильный звонкий подзатыльник.

Ашот съежился и втянул голову в плечи.

— Скажи им, что ты очень хочешь домой, — продолжал толстый чеченец. — Ты понял? Так и скажи: «Очень хочу!», — делая ударение на слове «очень». — От них теперь зависит твоя жизнь. Только от них. Ты понял?

Султан вперился злым взглядом в армянина и несколько подался вперед всем телом.

— Понял, — глухо ответил тот.

— Если они действительно тебя любят, то заплатят сразу, не торгуясь. Что может быть отцу дороже сына? Но пока они еще не верят, что ты у меня. Поэтому я сейчас позвоню им и дам тебе трубку. Ты будешь говорить то, что я тебе скажу. Понял?

— Понял, — Ашот испуганно обрадовался.

Но удар кулаком в область виска тут же свалил его на пол. Парень рухнул лицом вперед. Тупая боль отдалась гулким стуком в ушах. Следующий, жуткой силы удар ногой обрушился на его ребра. Хрясь! Ребра загудели. На мгновение ему почудилось, будто он слышит хруст своих сломанных костей.

Ашот взвыл и перекатился на другой бок. Голова ныла нестерпимо, тело разрывалось от жестокой боли. Он пытался вздохнуть, судорожно хватая ртом воздух.

— А-а-ах! — из его рта вырвался нелепый хрип.

Грудь пронзило дикой болью. Казалось, что у него внутри, в легких, в груди скребутся острые лезвия ножей.

Гаджимурад буквально взвизгнул от азарта, и, размахнувшись, ударил его снова в то же место.

— Оба! Оба-на!!! — радостно вопил он после каждого удара.

— Я скажу! Скажу! Скажу все, что вы хотите! — закричал армянин истошно, с животным страхом в срывающемся голосе. — Не надо!!

— Надо, — холодно отрезал Султан. — Это для того, чтобы ты был красноречив.

И снова заработали ноги Гаджимурада. Запрыгали, замелькали вокруг, замолотили по бокам, по спине, по голове в своем неистовом жестоком танце. Ашот громко визжал, стелая и всхлипывая, извивался ужом, перекатывался по ковру, закрывая руками голову.

— Не надо!! Не бейте!!! Я заплачу!!!

Но избиение продолжалось с неумолимой сосредоточенностью. Идрис не вытерпел, подскочил к армянину, грубо схватил шершавой пятерней за волосы и, резко дернув, оторвал голову от пола. Из глаз Ашота брызнули слезы. Брат Султана тут же нанес сильный хорошо поставленный удар ему в челюсть. Голова армянина метнулась назад и безвольно повисла, замоталась на шее, словно на нитке. Сознание парня ухнуло, провалилось в глубокий, зияющий бездонной чернотой колодец. Его стали щипать за уши, за щеки, дергать за волосы, плевать в лицо. Ашот зашевелил веками. Расклеил окровавленные губы:

— Я все скажу... Все, что хотите. Только, пожалуйста... Не надо.

— Я просто показал тебе, что будет, если твои родственники не соберут вовремя выкуп, — произнес Султан, не вставая с дивана. — Если, к примеру, опоздают на один-два дня. А знаешь, что будет, если они станут со мной долго торговаться? Знаешь?

Ашот заскулил.

— Нет! Не надо, пожалуйста...

— «Пожалуйста» маме своей надо было говорить, ишак. Чтоб не рожала на свет такого ... — Чеченец матерно выругался.

Идрис вынул большой нож из кожаных ножен, висевших на поясе. Прохладная сталь коснулась скулы и, не торопясь, поехала вниз, к горлу. Остановилась там. Ашот замер, не смея вздохнуть. Идрис надавил сильнее. Парень ощутил колющую боль и понял, что у него на горле образовался небольшой порез. Потом лезвие, так же нарочито медленно, не спеша, поднялось вновь по щеке и остановилось уже у мочки уха. Идрис второй рукой схватил за его кончик и резко оттянул в сторону. Ашот застонал. Лезвие ножа легло сверху на натянутое струной, хрящеватое потное ухо.

— Понял, свинья?

— Я все понял. По... пожалуйста, не делайте этого. Не надо! — Армянин рыдал, сотрясаясь всем телом.

Он тряс головой, не в силах остановиться. Ухо, оттянутое

цепкими пальцами, подрагивало. Под лезвием ножа проступила и заструилась кровь.

— Это будет зависеть от тебя и твоих родственников, — сухо ответил Султан, наслаждаясь ужасом жертвы.

Потом добавил что-то по-чеченски Гаджимураду. Тот быстро вышел и, вернувшись, подал отцу мобильник с выдвинутой антенной.

— Я сейчас позвоню твоему отцу. Когда дам трубку тебе, то ты скажешь, что находишься у меня и еще скажешь, чтоб он за две недели собрал выкуп. Понял?

— Да.

— Если скажешь что-нибудь лишнее, то Идрис отрежет тебе ухо, — и в подтверждение его слов брат потянул ухо еще сильнее. Хрящи тихонько похрустывали.

Султан, не торопясь, набрал номер и, приложив телефон к уху, продолжал полулежать на диване. Но вот он резко выпрямился и сел.

— Э-э, ты Армен, да? Сюда слушай. Твой сын Ашот у меня. Если хочешь, чтоб он был живой, и ему ничего не было, то делай, что я скажу. Я хочу шестьдесят тысяч долларов. Ты понял? Шестьдесят тысяч! Долларов! Срок — две недели. Понял? Две! — Султан громко и зло пролаял в телефон. — А теперь я дам тебе поговорить с сыном, чтобы ты не думал, что я обманываю, — и, зажав трубку рукой, он сделал знак Ашоту.

Идрис отпустил его, и он торопливо подполз на коленях к дивану.

— Ты помнишь, что надо говорить?

— Да.

Султан приложил трубку к его красному, горящему огнем уху. Ашот сквозь шорох и шуршание помех в мембране, уловил тяжелое и напряженное дыхание. На том конце провода был его отец. Ашот раскрыл рот и глотнул воздух. Слова застревали и никак не лезли наружу.

— Ну! — левая рука Султана с силой ударила его по шее.

— Я... я, — только и смог выдавить он из себя и тут же громко разрыдался.

Что говорил в ответ отец, он не расслышал. Разобрал лишь слова «сын», «я здесь» и свое имя. Ашоту сразу представился отец — смуглый, полноватый и с большим носом и сильной проседью в волосах. Наверное, он сейчас стоит в прихожей их квартиры с евроремонт рядом с маленьким журнальным столиком, на котором стоит телефон. Рядом с отцом застыла мать — бледная, исхудавшая, с запавшими, полными жути глазами. Представив это, парень зарыдал еще громче, не в силах произнести больше ни слова.

— Ну, ты что, язык проглотил?! — крикнул Идрис и с отягощенным ударил его носком ноги в поясницу.

— Я здесь... Дай им денег... Сколько они сказали... Я хочу домой... — язык Ашота заворочался.

— Еще говори, сука жирная!

— Заберите меня... Сделайте все, что они говорят... Заберите... — повторял он без конца одно и то же.

Султан убрал от его лица трубку и встал.

— Вот видишь, я не обманываю тебя. — Выдержав паузу, он продолжил свой монолог по телефону. — Ашот здесь. От тебя, Армен, теперь зависит, когда ты опять увидишь сына. Или не увидишь, — добавил он внушительно, с угрозой, понизив голос. — Торговаться не надо. В милицию обращаться тоже. Она тебе все равно не поможет. Поэтому будем работать — будем жить. Две недели срока. Ты понял? Ровно через две недели я позвоню снова. Скажу, куда тебе надо приехать, чтобы отдать деньги. Я знаю, что ты соберешь выкуп. Не говори, что у тебя нет денег. Вы, армяне — народ богатый. У тебя много родственников. И в Краснодаре есть, и в Москве. Везде торгуют, бизнесом занимаются. Пусть помогут, если своих не хватает. А если ты не соберешь выкупа в срок, то каждую следующую неделю я буду отрезать твоему сыну по одному пальцу. Буду записывать это на видео, и посылать кассеты тебе. Если ты попытаешься меня обмануть, то сыну будет еще хуже. У меня очень много людей, поэтому делай, как я говорю. Ты понял?

Султан замолчал. Потом, видимо услышав ответ, самодовольно ухмыльнулся.

— Если понял, то делай, как я сказал. Аллах над нами — козлы под нами! — и Султан опустил руку, сжимавшую мобильник.

Чеченцы тут же заговорили между собой на своем языке. Султан обнажил в алчной хищной улыбке крепкие желтоватые зубы. Говорили громко, в голосах слышалось возбужденное веселье.

— Молись своему богу, чтобы твой отец собрал вовремя деньги, свинья жирная, — обратился он к Ашоту. — Вы — армяне умеете торговать, поэтому я и выбрал тебя. Ты думаешь, я забираю себе всех кого хочу? Я могу это сделать, но мне это на хрен не надо. У меня есть двое русских, один осетин, которые работают как ишаки. Будет нужно больше — возьму еще. Мне нужны богатые люди, потому что за них заплатят хороший выкуп. А что с русских взять? Они же нищие все, тем более в вашей республике. Русские могут хорошо работать. И вы можете хорошо заплатить. Я раньше, при

коммунистах, тоже работал. Но теперь я беру себе, что хочу и сколько хочу. Бараны существуют для того, чтобы их кушали волки. Мы — чеченцы — волки. У нас даже дети — волчата. А вы — русские, армяне, осетины — вы все — бараны. И в бога фальшивого верите. Нам Аллах силу дает, поэтому нам везде есть удача. Видишь, ты передо мной как баран. Я в любой момент твою башку могу отрезать. Разве твой бог спасет тебя? Он даже себя спасти не смог, сдох на кресте как собака. Гяуры для того Аллахом и созданы, чтобы быть рабами мусульман. У меня по всей России родственники. Одни ресторан держат, другие гостиницу, третьи наркоту продают, чтобы русские кололись и сдыхали. У меня и в милиции есть свои люди. Скоро мы вообще на север пойдем. Через пять лет на Ставрополье и в Краснодаре ни одного русского не останется. Вы, армяне, там тоже пока много чего держите, но мы у вас это заберем. Езжайте в Армению, там торгуйте. А здесь вся земля наша. Мы здесь хозяева, — откинувшись на диван, Султан говорил, не спеша, упиваясь своей властью над невольником.

Он отчеканивал каждую фразу, делал многозначительные паузы. Глаза его то суживались, то, наоборот, расширялись и вспыхивали злым огнем. Ашот втянул голову в плечи и, перестав плакать, тупо смотрел в одну точку в полу.

Гаджимурад схватил его за волосы и поднял с колен. Обменявшись несколькими фразами с отцом на чеченском, он вывел покрытого липкой испариной раба из комнаты. Но теперь повел его не во двор, а в подвал дома. Обитая железом дверь скрипнула, отворяясь, и из подвала повеяло сыростью. Электрическая лампочка под низким потолком, вспыхнув, осветила земляной пол и грязный матрас в углу подвала. У матраса в кирпичную стену было вбито железное кольцо, к которому крепилась цепь с кандалами.

Гаджимурад посадил невольника на матрас и старательно приковал за ногу. Ашот сидел не шелохнувшись, с обреченной покорностью. Еще раз пнув его ногой по ребрам, Гаджимурад матерно выругался, выключил свет, вышел и закрыл дверь на ключ. Подвал утонул в непроглядной тьме. Ашот сидел безмолвно, не меняя позы и не смея шелохнуться. Избитый и сломленный, он тихо глотал бегущие по щекам слезы и таращил невидящие в темноте глаза в ту сторону, где была дверь.

— Куда-то Ашот делся. Может, выкупили его уже? — спросил вечером Николай, как только верхние створки зиндана захлопнулись за рабами.

Всех четверых только что пригнали с работ обратно в яму. Расстелив на земле ключья тряпичной рвани, невольники утомленно расселись полукругом, прислонясь взмокшими потными спинами к холодным стенам зиндана, выложенным белым кирпичом.

— Наверяд ли, — ответил Сослан. — Так быстро они не отпускают. Наверное, просто посадили в подвал под домом. Ему теперь хреново. Будут бить каждый день, как собаку, и заставлять звонить домой, чтобы плакал в трубку и просил выкупить.

— Хорошо, если просто бить. А то могут и уши начать резать, и пальцы чекрыжить, — прибавил старик Богдан.

Николай тихо шмыгнул носом и склонил голову, уткнув подбородок в грудь. Его тощие грязные пальцы бестолково заелозили в волосах.

— Слушай, дед, ты ж вроде хохол, а по-украински не говоришь совсем, — нарушил гнетущее молчание Станислав. — Ну-ка скажи что-нибудь по-своему. Ну, хотя бы то, что сказал сейчас, только по-украински. Больно чудной у вас, хохлов, язык.

— Э-э, да какой я украинец теперь. Я ж в интернате рос, потом в Харькове работал и жил. Там на мове-то почти никто и не балакает. А здесь и подавно. Я уж забыл все, так, разве только слова помню отдельные.

— Какие, например?

— Голодранцы усих краев в одну кучу — гоп!

Станислав засмеялся, непонимающе мотнув головой:

— Это что еще значит?

— Как что? Ах, да. Ты же молодой. Тех времен, поди, не помнишь совсем. Это по-украински означает: пролетарии всех стран — объединяйтесь!

Солдат громко фыркнул в грязный воротник:

— Это что, пролетарий — голодранец, что ли? Блин, ну и язык у вас!

Молчаливый Сослан чуть улыбнулся, вымученно приподняв кверху уголки рта, заросшие черной колючей бородой.

— Ну, и язык! — все еще давясь хихиканьем, продолжал Станислав, зябко поеживаясь — пропотевшая сырая куртка липла к телу, неприятно холодя кожу. — А еще чего можешь сказать?

Но дед Богдан не успел ответить. Его перебил жалко всхлипывающий голос Николая:

— А что, они в натуре Ашота убить могут, если выкуп за него не заплатят? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Ну, это вряд ли. Не для того столько старались, похитили, чтобы взять вот так просто и убить. За трупы не платят. Им деньги нужны, а не трупы. Если денег долго не будет, то пальцы, уши резать начнут. Не поможет и это — кому-нибудь другому его всучить попытаются, чтоб хоть что-нибудь выручить за него.

— Это нас, Колек, в любой миг пристрелить могут, — развывая мысль осетина, пояснил Станислав. — Мы-то люди бедные, выкуп не сдерешь. Простой раб здесь недорого стоит. Армян твой — другая тема. Он — коммерческий.

— Армянин, — поправил Николай.

— Один хрен. Ты же сам рассказал, что его родки — люди богатые. Поэтому убивать его резона нет. Убьют — вообще ни фига не получат. Сос верно говорит: за трупы не платят.

Сослан, которого солдат в последнее время стал называть для краткости просто Сосом, утвердительно кивнул.

Николай заскулил вновь:

— Блин, хорошо ему. Скоро домой поедет, значит. Его пахан заплатит. Я знаю. А вот я...

— Мы, — огрызнулся Станислав. — За меня тоже никто платить не будет. Отец-мать же в родном колхозе. Они-то, поди, знать не знают, где я. Небось, числюсь пропавшим без вести. Мы и денег-то уж годами не видали. Картошку одну жрали да молоко коровье с водой колодезной пили. И наш Ленинградский военный округ уж подавно не заплатит. И у Сослана платить некому. Потому и гниет он здесь пятый год. А про деда Богдана я вообще молчу, — солдат со злостью сплюнул и выругался. — Так что вот, брат, сам мозгуй, как жить нам. Никто нас вытаскивать не будет. Не надейся. Всем гнить нам здесь, пока не околеем.

Оглушенный, прибитый этой тирадой словно гвоздем, Николай боязливо сжался, втягивая голову в худые, заостренные плечи. За время, проведенное в рабстве, у него отросли редкие, мягкие волоски над верхней губой и на подбородке. Вылезшие из-под его белесоватой кожи, они скручивались маленькими завитками на кончиках. Выглядел он жалко и отталкивающе.

Его плечи вдруг затряслись, задержались. По вытянутому изможденному лицу потекли слезы. Струясь прозрачными ручейками из уголков глаз, они быстро сбежали к подбородку, набухая блестящими капельками в его мягкой подростковой щетинке и оставляя на пропыленных сероватых щеках белесые неровные потеки. Он завывал, издавая хриплые нечленораздельные всхлипы, наполненные обреченной жутью.

— Чего сопли распустил? — прищурился глаза, грубо и зло спросил Станислав. — Страшно? К мамочке охота?

— Ы-ы-у-уу-у! — завыл Николай еще громче.

— Брось, Стас. Что ты, в натуре, на пацана наехал?

— Да не наехал я, просто объясняю ему, что к чему. Ему лучше же будет, если он фигней страдать бросит. Выход-то есть отсюда. Сами знаете какой, — Станислав многозначительно понизил голос.

Ему показалось, что сейчас самое время. Он вплотную подошел к разговору на тему, над которой размышлял давно. Вилять дальше он был не намерен. Надо было высказать все сейчас, рубануть с плеча, врезать правду-матку в эти измученные, терзаемые страхом лица его товарищей по несчастью, докричаться до их изувеченных, омертвелых душ, в отдаленных уголках которых еще теплилась, приплясывая, словно пламя свечи на ветру, надежда.

Старик понял его сразу:

— Слушай, Стас, бросай ходить вокруг да около. Я давно наблюдаю за тобой. Поверь, здесь я видел много людей. Самых разных. Одни ломались сразу, другие через пару месяцев. Редко кто не ломался совсем. Так вот, ты — парень нормальный, сильный. Я даже удивляюсь, как ты вообще сюда попал. Впрочем, на войне всякое бывает.

Богдан кашлянул глухо, по-стариковски, и перевел дух.

— Так вот. В горах убежать нельзя, — продолжал он. — Сам пытался, поэтому знаю, что говорю. Там просто некуда бежать. Здесь — другое дело. До границы двадцать километров. Я-то стар уже. Куда мне. А вы втроем это расстояние за одну ночь пробежите. Вы молодые. Вот станет чуть теплее, то переплывете Терек — и ищи ветра в поле. Они, конечно, гнаться будут. Но убежать можно. Днем в камышах береговых отсиживаться, ночью идти. Или бревно найти, столкнуть в воду, и плыть на нем. Терек-то на восток, к границе течет. Так что сами смотрите. За нами, по сути, один Гаджимурад следит. Султан или спит в доме, или уезжает куда-то. Жена его тоже не сторож, за нами особо не смотрит. Надо просто решиться и выбрать момент.

— Это все так, Богдан. Я это и сам понимаю. Но главный вопрос в другом: как снять кандалы и как вылезти из ямы?

— Этого уж я не знаю. Но если сделать это удастся, то тикать сам бог велел. Я слышал не раз, что из станиц бегали. Чеченцы тоже ведь не железные. Им и жрать, и спать надо. Да и выпить есть любители.

— А ты как же? — спросил Сослан.

Он, молчаливый замкнутый человек, всегда прислушивался к разговорам других. Сам говорил редко.

Все неотрывно глядели на привалившегося спиной к стене, тяжело дышащего старика. Даже Николай, переставший канючить, взглянул, приподняв влажное лицо со все еще подрагивающими щеками.

Во мраке ямы, под пробивавшимися сквозь щели деревянных створок красноватыми отсветами висевшего во дворе фонаря, он прорисовывался темным, неясным силуэтом. Очертанием старого, сухого и корявого пня, вдруг оказавшегося в зиндане.

Дед Богдан ответил не сразу. В тишине слышались лишь его громкие вздохи.

— Да я уж тут останусь. Куда мне бежать. Ослаб я совсем. На тот свет уж пора давно, — сказал он, наконец, с обреченным хрипловатым выдохом.

Все промолчали. Слова старика гулко, свинцовой тяжестью отчеканились в сердце каждого.

«На тот свет пора», — вторило у каждого внутри.

Да, он обречен умереть здесь, в этой яме. Безвестный старик-украинец с коричневатыми грубыми руками, похожими на лапы старого стервятника. Почти всю жизнь он был рабом. Однажды утром Гаджимурад не сможет поднять его палкой, и остекленевшие, мутные глаза деда Богдана на сморщенном лице с заострившимся носом и подбородком будут тусклы и пусты. Тело вытащат из ямы и зароят где-нибудь на окраине станицы, возле свалки. Могила будет неглубокой, и ее раскопают полудикие приبلудные собаки. Нетерпеливо и жадно повизгивая, обгрызут, объедят труп всей сворой, с хрястом, с чавканьем дробя крепкими зубами старческие кости.

— Главное — снять кандалы и вылезти из ямы. Ежу понятно, что бежать нужно ночью, — произнес Станислав.

Его бодрый уверенный тон хлестнул всех, точно кнут.

— Легче бежать — легче поймать, — ответил осетин, поворачивая лицо к нему. — Раньше полуночи вылезать из ямы нельзя, заметить могут, а до рассвета мы до границы еще не доберемся. Учти, Стас, что мы слабые совсем, голодные. Нам идти тяжело будет. А они сразу на машинах ломанутся к границе. Тем более, местность знают. Все перекроют и поймают нас.

— Это тоже понятно. Поэтому бежать надо тогда и туда, когда этого не ждут. Они нас у границы ловить будут, а мы здесь в камышах спрячемся, а потом на запад пойдем. Я даже по карте помню — отсюда вверх по Тереку станица Старошедринская. Надо пересидеть где-то несколько дней, переждать маленько, а потом уж к границе топать.

Николай чутко прислушивался к разговору.

— А ты побежишь? — коротко спросил его Станислав.

— Я... я... Не знаю.

— Не знаешь? А кто знает?

— Страшно, — нерешительно протянул он, подумав. — Вдруг поймают. Я слабый очень, не дойду до границы.

— Мы не сильнее тебя, от голода все слабые.

— А как вы кандалы снимете?

— Да хрен знает как! Мы пока так просто говорим. Перепилить их пока нечем, как ключ достать — тоже еще не знаем.

Сослан приподнялся и сел прямо на куче тряпья.

— Стас, надо думать. Я тоже знаю, слышал, что люди бегали от них, — в его темных меланхолических глазах впервые запрыгал живой огонек.

— Знаешь, можно выждать, когда Султана дома не будет, и разом кинуться на Гаджимурада, — предложил Станислав. — Вот, блин, кому у меня руки чешутся башку отрезать.

— А Султану не чешутся?

— Тоже чешутся. Только ему я голову резать не стану. Я ему жирное брюхо ножом в спору и кишки выну. У него, небось, жир пластами из-под кожи вываливаться начнет. Сала на нем набрякло, что на борове, — солдат зло сплюнул под ноги и продолжил: — Можно прыгнуть на Гаджимурада, когда он один останется. Он хоть и держит всегда пистолет за поясом, но если неожиданно втроем нападём и зажмём рот, то он ни выстрелить, ни крикнуть не успеет. Сначала возьмём у него ключи, потом нарежем его, сядем в их машину и поедем. Я водить умею. Только плохо, что все это возможно только днем будет. Тут уж пан — или пропал.

— Гаджимурада с собой надо взять. Он у нас заложник будет, — сказал Сослан.

— Точно, — солдат с радостью толкнул его рукой. — Блин, как я сам не догадался! Надо только дожидаться, когда он один останется нас караулить. Жаль, редко это бывает. Очень редко. У них без конца или кто-то из братьев торчит, или родственники, или просто знакомые заходят. Нам-то без разницы, кто именно один останется — хоть Султан, хоть сын его. Надо прыгнуть на него разом. А потом к ним в дом зайдём — там наверняка оружия навалом. Вооружимся, а заодно и еду возьмём. Тут дело такое: главное — решиться. А дальше все само собой пойдет.

— Пацаны, вы в натуре бежать решили? — спросил Николай с надеждой.

Однако в его расширенных глазах продолжали таиться страх и беспомощность.

— В натуре, — передразнил Станислав. — А ты как? Учти, теряй тебе нечего.

— Не знаю, — пробормотал он в ответ. — Я честно не знаю.

— Ты думай, давай, скорей. Потом времени не будет.

— Блин, поймают они. Еще хуже будет.

— Тогда заткнись и сиди здесь.

— Да, блин! Я, правда, не знаю. Я подумаю, — Николай переводил боязливый, полный неуверенности взгляд со Станислава на Сослана. Белки его глаз поблескивали в полумраке.

Косые отсветы ночного фонаря прорезали мрачный зиндан оранжевыми прожилками. Станислав шевельнулся, меняя позу, и тонкий лучик упал на его лицо. Оно выглядело бледным, заросшим светлой ключковатой бородой и сосредоточенно злым. В упрямо смотревших серых глазах светились ум и воля.

Он — пленный солдат, простой парень из новгородской деревни, сидел здесь, на дне холодного зиндана и пытался вдохнуть в остальных веру в успешный побег. Он не выглядел сломленным, затравленным, отупевшим и ко всему безразличным, как выглядели те рабы из подвала у чечено-дагестанской границы, в котором Николай с Ашотом провели день, ожидая перевозки во Внезапную. В нем всегда жило чувство собственного достоинства. Он всегда говорил спокойно и четко. С тем твердым спокойствием в голосе, с которым разговаривают сильные и уверенные в себе люди.

Следующие два дня рабы трудились над пристройкой. Султан, наморщив лоб, придирчиво осмотрел уже наполовину сложенную стену. Она ему не понравилась. Он громко выругался по-русски и с отягом ударил тыльной стороной ладони Станислава по лицу. Тот промолчал, тихо скрипнув зубами и опустив под ноги волчий взгляд.

— Ты как строишь, ишак? Почему кирпичи криво кладешь? Нормально строй! — Султан посмотрел на невольника безразлично.

Пристройку пришлось переделывать заново.

В эти дни о побеге нечего было и помышлять. В доме гостило полно родственников, а во двор то и дело заезжали набитые людьми иномарки. Проворно сновавшие по двору молодые чеченцы не упускали случая пнуть рабов ногой, огреть палкой по спине и ребрам, злобно обругать гортанным лающим рыком или просто плюнуть в лицо.

Над Николаем издевались с особым удовольствием. После первого же удара он валился на землю и, закрывая голову

руками и подгибая острые колени к подбородку, начинал тонко подвывать по-собачьи. Чеченцы громко гоготали, поддавая ему ногами по ребрам и копчику, и соревновались в остроумии.

— Хорошо скулишь. Как собака. Хотя ты и есть русская собака. Громко скули, понял? — со смехом спрашивал один.

Николай боязливо приподнимал голову.

— Понял?! — рычал чеченец и заносил ногу для удара.

Трясаясь всем телом, Николай начинал от ужаса завывать громче.

— А ты кобель или сука? — ухмылялся другой.

— Э, штаны снимай — позырим.

— Сейчас сукой в натуре сделаем.

— Ва-я! В натуре сделаем!

— Да нет, это ишак натуральный.

Из дверного проема медленно выплыло брюхо Султана, потом показался и он сам. Громко бранясь, он разогнал гогочущих парней. Он недоволен тем, что молодые родственники из пустого развлечения избивают его раба: вдруг что-нибудь ему сломают и он больше не сможет работать?

Станислава на один день взял «в аренду» сосед, которому нужно было перетаскать кучу кирпичей. Там солдат трудился до ночи.

На третий день зарядил дождь. Рабов заперли в зиндане, брезгливо набросав им сверху зачерствелых ломтей лаваша и полуобглоданных куриных костей — остатков родственного пиршества.

Крупные дождевые капли мерно барабанили по деревянным створкам. Сквозь щели вода протекала вниз. Было холодно и сыро. К ночи вода уже всюю хлюпала на дне ямы, промочив всю одежду и тряпье, в которое кутались рабы. Ноги скользили на размокшей глине, проваливаясь в жидкую грязь. Мокрые продрогшие люди, мелко подрагивая и стуча зубами от холода, сбились в кучу и грели друг друга теплом своих тел. Дед Богдан, простудившись, часто и надсадно кашлял. Его глаза покраснели и воспалились, тонкие прожилки сосудов в белках расширились и набухли красным.

Через день, когда дождь унялся, невольников вновь погнали работать. Ослабевшие, зябко трясущиеся, они с трудом взобрались по лестнице наверх. Смотрели затравленными одичалыми глазами на хозяев. Их бледные руки двигались вяло, застуженные пальцы почти не слушались, ноги в коленях подрагивали. Никакие угрозы и побои не могли заставить их трудиться. Рабы были едва живы от холода. Сул-

тан, ругаясь, велел своей жене — нестройной и полногрудой Фатиме — приготовить для них горячую похлебку из остатков бараньих костей. Невольники с жадностью глотали горячую, дымящуюся, остро пахнущую жижу. Она приятно жгла их застуженные онемевшие от холода глотки, обжигала пищевод и заставляла привыкшие к сухомятке желудка рабов ныть саднящей мучительной болью.

После разговора с товарищами начистоту Станиславу полегчало. Он теперь точно знал, что дед Богдан — свой. Что он такой же несчастный невольник, как и остальные. С ними старик был сух и прям. Он не трусил, как сын армянского владельца кафе, и не ныл, как Николай. Никогда не заискивал перед хозяевами, с безразличной меланхолией исполняя любую, взваленную на него работу. Такой не предаст и не выдаст чеченцам их замысел — в этом солдат был уверен. От своих недавних подозрений ему сделалось неловко.

Вспомнив про Ашота, Станислав решил, что его в зиндан больше не посадят. Хозяин ожидает за него выкуп и держит в подвале под домом, отдельно от остальных. Солдат заметил, что Гаджимурад носит туда еду.

Подворье Садаева было большое. Его огораживал высокий каменный забор, возведенный рабами еще до войны. Весь верх забора был утыкан битым стеклом. От ворот к крыльцу вела широкая асфальтовая дорожка, на ней обычно стоял джип хозяина. Справа от дома было некое подобие огорода. Здесь же росло несколько раскидистых фруктовых деревьев. За домом помещался хлев, где держали полтора десятка овец. Сослан обычно выводил их по утрам к берегу реки ошипывать молодую зеленеющую травку.

Помимо массивных железных ворот, выходящих на центральную станичную улицу, со двора был второй выход — через калитку за огородом. Маленькая, дощатая, с облупившимися, оттопыренными струпами застарелой выцветшей масляной краски, сохранившаяся еще от русских владельцев дома, она вела на кривенькие боковые улочки, спускающиеся к Тереку, протекавшему метрах в трехстах от дома Султана.

Продолжая работать с показным усердием, Станислав все внимательно выглядывал. Первоначально он склонялся к тому, что бежать лучше через калитку. Ночью или в сумерках таким способом можно уйти совершенно незамеченными. Главное — добраться до Терека. Он неплохо плавал, поэтому надеялся броситься в реку, проплыть по течению, уцепившись за какое-нибудь бревно, пару километров, а потом спрятаться в камышах и переждать погоню. Терек, конечно, река быстрая. Но рискнуть стоило. Ведь Терек течет с запада на

восток, и река сама понесет его к свободе. Идти же до границы довольно далеко. За одну ночь не дойдешь. Спрятаться днем в степи негде. Тем более, что надо обходить все встречные станицы — в них теперь сплошь чеченцы.

Но больше всего Станислава мучил другой вопрос: как снять кандалы? Припрятать с собой камень днем и попытаться сбить оковы ночью нечего и думать. Они очень прочные. К тому же стук услышат. Плыть в кандалах по быстрой реке было самоубийством. И даже если, собственно, он каким-то образом ухитрится их снять, то как выбраться из зиндана? Ведь его же каждый вечер запирают на замок.

Он прикидывал и другой сценарий бегства. Если в доме останется один Султан, то они набросятся на него все вместе, обезоружат и свяжут. Потом сядут в его машину, жирную тушу Султана бросят на заднее сидение и поедут к границе, используя рабовладельца как живой щит. Солдат надеялся, что чеченцы не станут стрелять, если у них в руках будет Садаев.

Бежать на машине гораздо надежнее. Двадцать километров они проедут за полчаса. Лишь бы только Султан остался на какое-то время один, и они бы при этом не сидели скованные в зиндане!

Каждый вечер рабы строили новые и новые планы побега, один фантастичнее другого. Хотя реальных было только два — те, что предложил Станислав. Преимущество ухода по реке было в том, что и солдат, и Николай, и Сослан умели плавать. К тому же, как казалось Станиславу, чеченцы в первую очередь будут искать беглецов на суше, и они, таким образом, смогут выиграть время. Сухих коряг, прибитых течением, валялось по берегам немало. В конце апреля было уже тепло, поэтому замерзнуть в воде Станислав не боялся. Надо только проплыть пару километров вниз по течению, а потом вылезти на берег и забиться в глухие камыши. Так и решили действовать в случае, если в доме окажется всего лишь один чеченец без машины. Если же машина будет, то все намного проще. На ней, захватив заложника, они мигом доедут до границы.

В себе Станислав был уверен. У него хватит решимости броситься на чеченца. Только бы товарищи не струсили в последний момент. Лучше всего неожиданно ударить его камнем по голове и оглушить. Хотя можно напасть сзади, когда он отвернется, зажать рот и выхватить пистолет из-за пояса. Солдат заметил, что и Султан, и Гаджимурад бдительность ослабили, видимо, не веря в то, что кто-то рискнет бежать. Они теперь совершенно спокойно поворачивались к рабам спиной.

— Ишь, обнаглели, суки! — зло, усмехаясь, говорил остальным на дне зиндана Станислав.

Николай все же согласился участвовать в побеге. В последние дни он стал спокойнее и больше не заходил в истерики. На Станислава смотрел с восхищением, с крепнущей надеждой на избавление. Чтобы ни говорил солдат, он со всем соглашался, даже если тот за пять минут до этого говорил обратное.

От Николая, конечно, было мало толку. Он был не наблюдателен и очень труслив. Выходя на работу, он не мог ничего хорошенько разглядеть, запомнить или просто проследить за хозяевами. Да и предложить ничего стоящего в плане организации побега тоже был не способен.

Солдату было жалко бросать его здесь. Он уже видел Николая забитым, немым и затравленным существом, как те, которые встречались ему в подвалах горной Чечни. Именно в такое существо и превратится этот долговязый худой парень, если проведет здесь хотя бы несколько месяцев.

Да и не мог Станислав бросить в беде русского. Просто не мог, и все. Год войны с чеченцами научил мотострелка многому. До армии он в своей деревне никогда не видел чужаков. Но здесь, столкнувшись со звериной ненавистью чеченцев и насмотревшись на обезображенные, обезглавленные, с отрезанными пальцами или конечностями, с вырезанными половыми органами, тела своих товарищей, которые солдаты иногда находили на захваченных позициях боевиков, он быстро провел в своем сознании незыблемую грань: свой — чужой.

Свои — это русские. Что военные, что гражданские. Русские ли тетки, выползающие из руин Грозного и украдкой носившие продукты солдатам, или последние казаки из терских станиц — неважно. Это все свои, наши.

Чужие — это остроносые чеченцы с чуждыми гортанными голосами, зло сверкающими глазами и резкими движениями хищников. И тоже неважно, боевики это или просто жители, улыбочивые днем и стреляющие в спину ночью.

«Своих на войне не бросают». — Всплывшая в сознании где-то слышанная им фраза засела гвоздем в голове Станислава. И он для себя решил тут же, что это правило должно находить применение не только на войне и не только в Чечне.

Разговоры о побеге велись в зиндане по ночам и исключительно шепотом. Рабы боялись, что их могут услышать. Если во дворе раздавались чьи-то шаги, то они сразу замолкали, настороженно прислушиваясь. И продолжали молчать еще некоторое время после того, как шаги удалялись по направлению к дому и там слышался стук двери.

Во время работ, по предложению Станислава, они нарочито не смотрели друг на друга и почти не переговаривались между собой, хмуро пялясь в землю. Этим солдат надеялся внушить рабовладельцам мысль, что они окончательно сломлены, запуганы и ничего не замышляют.

— Вы все не съедайте. Хотя бы треть оставляйте, прячьте здесь. Макароны же можно в тряпки завернуть и на дне ямы оставить. Когда побегим, нам нужна будет хоть какая-то жрачка. Воду из Терека возьмем. А вот еда — другое дело. Я же не знаю, сколько мы будем пробираться к границе, — убеждал Станислав товарищей вечерами, когда рабы с жадностью набрасывались на спущенные в яму буханку хлеба и пачку макарон.

Иногда к ним прибавлялись две-три открытые банки дешевых консервов, вроде кильки в томате. Их съедали сразу, так как сохранить надолго было невозможно.

План побега обсуждался каждый вечер. Станислав хорошо помнил карту. Он говорил, что в десятке километров от Внезапной, на другом берегу Терека, стоит станица Шелковская. Дальше, вниз по течению на этом берегу — Гребенская, а еще дальше — Старогладковская, Курдюковская и Каргалинская. Чтобы попасть в Дагестан, надо обязательно перебраться на другой берег реки. Лучше всего сделать это ночью, за Гребенской. Оттуда до границы уже рукой подать.

Станислав поручил Сослану, которого обычно использовали на грязных домашних работах, постоянно наблюдать за хозяевами. Если вдруг Гаджимурад или Султан останется в доме один, то он должен будет выйти во двор якобы по нужде и передать новость товарищам. Они приготовятся к нападению, а осетин, изобразив сердечный приступ, упадет прямо на землю и примется громко стонать, держась руками за грудь, кривя рот, морща лицо и глубоко закатывая для правдоподобия глаза. Оставшийся в доме чеченец выскочит наружу, и вот тут-то они его и схватят.

Долго спорили насчет того, что делать в том случае, если в доме останется один из мужчин, но при нем будет еще и жена Султана Фатима. Ведь пока они будут расправляться с мужчиной, женщина может успеть выскочить на улицу и поднять тревогу. Или просто схватить автомат и начать палить из окон во двор.

— Здесь трудно что-либо придумать заранее. Надо действовать по обстоятельствам. Поживем — увидим. Может, ее тоже будет реально завалить. Главное, с мужчиной управиться. Если это получится по-тихому сделать, то баба — не проблема. Войдем в дом да шею ей свернем, — говорил солдат.

Своим уверенным спокойствием он заразил остальных. В невольниках тлела надежда.

— Фатима ходит дома не сидит, — продолжил Сослан. — То она на базар ведет, то к соседям. Поэтому вполне может так произойти, что лишь один чех останется. Хотя бы минут на двадцать. Я верю, что мы справимся. Знаешь, Стас, когда ты всерьез нас убедил, что побег возможен, и предложил план, я даже как-то по-другому жить начал. Смысл появился. Теперь хожу, смотрю по сторонам, все вижу, все замечаю. Мозги зашевелились. А раньше просто камни таскал как ишак. Ни одной мысли в голове не было. Даже счет времени потерял. Не знал, какой день теперь, какое число.

— Нам главное — кандалы снять и хоть какое-то оружие захватить. У них в доме, поди, арсенал целый. Кажется, «Муха» даже есть. Я раз видел, как Гаджимурад выходил с ней на улицу. Минимум три автомата, один из них с подствольником. И гранат валом. Я ведь ничего не забыл. Стреляю метко, с оружием на «ты». Хозяева наши — лохи. Сразу видно, что не воевали, не боевики они. Просто автоматы нацепили и думают — крутые. Я боевика в человеке сразу чувствую.

— А как ты чувствуешь?

— Блин, это трудно словами передать. Но я это чувствую, — Станислав хищно ощерился. — Понимаешь, Сослан, у боевиков все другое. Они как звери дикие. Как волки. Настороже, начеку всегда. И движения, и глаза, и слова. Все не то, короче. А ты на Султана посмотри. Тварь жирная, мешок с дерьмом. Брюхо прямо из штанов вываливается. Да такой триста метров пробежит с полной разгрузкой, а потом упадет и подохнет тут же. Он — не боевик, а барыга. Людьями барыжит. Даже сам их не захватывает, а покупает. Чтoб тебя, Колек, с армянном захватить, других уродов нанял. Или Гаджимурада взять: дебил вообще. Он только и умеет: посадить человека на цепь и палкой дубасить. Здесь он мастер. А у боевиков все не так. Они вроде и не смотрят за тобой особо, и не сказать, что бьют просто так — но хрен убежишь. У них все четко, все продумано.

Все замолчали. Последние капли, срывающиеся с уносимых порывистым ветром на восток тяжелых туч, гулко падали на деревянные створки, закрывающие зиндан сверху. В затхлом воздухе ямы посвежело.

— Так значит, реально убежать? А, Стас? — Тонкий голос Николая прорезал тишину.

Этот вопрос он теперь задавал мотострелку каждый день.

— Реально. Колек, не дрейфь. Бог не выдаст, свинья не съест, как говорится. Все у нас получится.

— Да, блин, я не боюсь. Просто как бы это сказать... Блин, трудно сказать... — И он замялся, не досказав фразы.

Станислав понимающе улыбнулся:

— А ты и не говори ничего. Ты делай.

Утром следующего дня в доме началось какое-то движение. Султан суетливо сновал по двору, созванивался с кем-то по мобильнику, сплевывал от нетерпения под ноги и скреб толстыми, точно сардельки, пальцами, обильно свисающее брюхо.

То и дело с гулким скрежетом открывались ворота — приезжали все новые и новые родственники. За воротами вдоль улицы выстроилась целая кавалькада машин. Человек пятнадцать чеченцев, с нацепленными на плечи автоматами, топтались посреди двора, громко гогоча и смеясь. Один низкорослый, приземистый и кургузый тип, с круглыми, совиными, навывкате глазами и обильной жесткой щетиной на квадратном подбородке, меланхолично грызя подсолнечные семечки, сидел на корточках возле дома, привалившись спиной к стене. На его коленях лежала труба «Мухи».

Из дома выволокли Ашота. Погоняемый сыном Султана, он брел вперед, безвольно опустив голову и вяло переставляя отяжелевшие, плохо слушающиеся ноги. Его измученное бледное лицо выглядело пустым и бессмысленным. Протащившись через двор, армянин не поднял глаз ни разу. Даже мельком не взглянул на мешавших цемент для очередной стройки Николая и деда Богдана. Его остановившийся отрешенный взгляд был устремлен в землю. Гаджимурад с ругательствами энергично поддавал невольнику коленом под зад. Собравшиеся во дворе чеченцы довольно ухмылялись, понимающие и одобрительно прищелкивая языками.

Накануне отец Ашота сообщил Салаеву, что выкуп собран. Султан назначил ему время и место встречи на границе, куда тот должен был прибыть с деньгами. Пригрозил, что если тот не придет или как-нибудь попытается нарушить условия договора, то вместо сына он оставит в условленном месте его отрезанные уши.

Полтора десятка чеченцев быстро расселись по машинам, запихав на заднее сиденье одной из них Ашота, почти утратившего рассудок от голода и страха, набросили ему на голову мешок, и, возбужденно гогоча, тронулись в путь. Машины тряслись по ухабам не асфальтированной проселочной дороги. В салонах курили, выставляя за окно хваткие, цепкие руки с сигаретами. Небрежно развалившийся на мягком сиденье рядом с Ашотом полноватый грузный чеченец высу-

нул из окна наружу ногу, обутую в мягкую спортивную обувь. Припекало солнце. От дерюжной ткани мешка в нос армянину бил прелый запах гнилой картошки.

Николай, работавший во дворе, проводил жутким мученическим взглядом уехавшие машины. И долго стоял безмолвно и неподвижно, вяло опустив обессилевшие руки и тупо уставившись на затворенные железные створки ворот, пока его не обругали матерно и не запустили от крыльца маленьким острым камешком.

Стеречь рабов остался Гаджимурад с двумя молодыми чеченцами. Вскоре к ним присоединился русский парень Сергей, белобрысый, высокий, весь нескладный и рыхлый, с вечно блуждающей по губам трусоватой заискивающей улыбкой.

Вскоре после отъезда старшего Садаева он притащился с дальнего конца станицы, где обитал, и постучал в ворота. Когда Гаджимурад открыл, то, подлю ослабившись, подбостранно и торопливо суя ему руку и бормоча приветствия по-чеченски, вполз змеей во двор, странно вихляя телом при ходьбе и неловко подволакивая ноги. Отсыпал сидевшим на корточках возле крыльца чеченцам подсолнечных семечек и протянул им пакетик с травой. Парни разморенно жмурились на ярком солнце и, прищулив глаза, что-то говорили ему, брезгливо цедя слова. Сергей улыбался и, повинуясь небрежно-повелительному движению руки Гаджимурада, торопливо уселся на корточки прямо напротив них, посматривая на парней, словно собака на хозяев.

Он был станичник, из местных. Когда его родителей убили года четыре тому назад, он принял ислам и взял новое имя — Салаутдин. Встал на колени перед десятком еще не оставших от кровавой расправы с русской семьей, возбужденно галдящих чеченцев, сбивчивым голосом произнес шахаду, после чего стянул вниз штаны и собственноручно откромсал себе туповатым кухонным ножом крайнюю плоть. Так и стоял на коленях, прижимая к остро ноющему паху руку с мокрой тряпкой и кривясь от боли. Переводил взгляд, полный дикого животного желания жить, с одного на другого, улыбаясь гадко и двулично. И в его голубых, полубезумных глазах светился страх подлой собаки, подползшей на брюхе к хозяину и еще не знающей, что тот с ней сделает: почешет за ухом или поддаст ногой.

Чеченцы качали головами, одобрительно улыбались и небрежно трепали его по плечу:

— О, хороший мусульманин будешь! Давно бы так.

Они разрешили Салаутдину-Сергею жить в сарае во дворе принадлежавшего когда-то их семье дома. В самом доме поселился теперь сосед-чеченец.

Во время войны Сергей под видом несчастного русского беженца приползал в расположение российских воинских частей, плакал и кланчил еду, всячески стараясь вызвать к себе жалость. Униженно благодарил за каждый кусок хлеба, рассказывал, хлюпая носом, о резне казаков в его станице. Прося помощи и защиты, заводил знакомства с солдатами и офицерами. От него боевики узнавали наиболее точные сведения о численности и дислокации армейских подразделений, их вооружении и передвижениях. Иногда предателю, жадно ловившему обрывки разговоров военных, удавалось выведать, будет ли в ближайшее время операция против боевиков.

Если приносимые Салаутдином сведения оказывались неточными, чеченцы тыкали его лицом в кучи свежего, наваленного посреди разбомбленных развалин дерьма и нещадно били ногами и прикладами автоматов. Он с воем перекатывался по земле, даже не думая защищаться, и выл гадко и протяжно:

— Вууу! Вуууу!!! Не надо! Я все сделаю!! Пожалуйста! Я сделаю!

Чтобы повязать Салаутдина кровью, боевики потребовали, чтобы он лично отрезал головы трем попавшим в плен солдатам 131-й Майкопской бригады.

— Давай, Салаутдин, докажи, что ты стал настоящим мусульманином и воином Аллаха. Убей этих трех кафиров, посмевших ступить на священную землю Ичкерии, — криво усмехаясь, торжественно приказал горбоносый полевой командир с хищными раскосыми волчьими глазами.

Салаутдин судорожно сжал протянутый ему нож и иступленно кинулся к пленным, беспомощно лежащим на земле со связанными за спиной руками. Схватил и рванул одного за волосы, с силой оттягивая голову назад. Приставив лезвие к глотке жертвы, принялся торопливо пилить кадык.

— С-сука!! — надрывно и жутко хрипел солдат, выкатив глаза и пуская изо рта кровавую пену. — Сука-а-а!!!

Салаутдин пилил горло долго и неумело. Взвизгивал с радостным ожесточением. Тело солдата дергалось в страшных конвульсиях, пальцы связанных рук впивались в землю, ноги бешено метались, вздымая стоптанными сапогами пыль. Убийца, весь перемазанный кровью, пускал длинную, противно тянущуюся с раскрытых губ слюну и визжал от восторга. Наконец, он с торжествующим бесноватым воплем

вскинул кверху руку с отрезанной головой, а обезглавленное тело солдата все еще дергалось, жутко суча по земле ногами.

— Аллах Акбар! Аллах Акбар! — рывкнули чеченцы и дали пару очередей в воздух.

— Дальше, Салаутдин, — хладнокровно приказал командир, слегка покривившись.

Предатель, теперь уже деловито и решительно, резал двух оставшихся солдат. Расправа тщательно снималась на видео. Довольные чеченцы трепали его за уши и хлопали по плечу, а он заискивающе, по-шакальи, улыбался, обнажая ряд ровных, но желтоватых зубов. И тоже надрывно кричал: «Аллах Акбар»! И вскидывал вверх перепачканную алым правую руку с крепко зажатым в ней окровавленным ножом.

Теперь, короткая время до возвращения старших, трое чеченцев и русский ублюдок часами сидели на корточках возле крыльца, грызли подсолнечные семечки, покуривали анашу и плевали на землю, растирая слюну ногами.

Молодые надсмотрщики, старшему из которых едва исполнилось двадцать, были изуверски жестоки. Они с бесноватой упоительной радостью глумились над скованными изможденными беззащитными людьми. Султан хотя бы не избивал свои «живые вещи» беспричинно. Не из человеколюбия, конечно же, а из жадности. Раб стоил денег, а уже имевшиеся рабы, по его мнению, не отработали еще до конца затрат на покупку. Увечить их было невыгодно.

Рабов они мучили со скуки, ради дикого животного развлечения. Особенно усердствовал Салаутдин, постоянно подбивая остальных на новые и новые издевательства. Он испытывал сладострастное физическое наслаждение, когда его жертва, громко воя и взвизгивая, корчилась от боли в пыли двора.

С возбужденным хохотом и свирепым блеском молодых карих глаз, парни поднялись на ноги, шупая хищным жестоким взглядом, кого из рабов выбрать первым. Началась злая потеха.

Сослан стал первой жертвой. Сначала чеченцы заставили осетина, ползая на коленях по двору, собирать повсюду руками овечий помет и складывать в одну кучку. Сослан собирал старательно, шаря в пыли руками. Один из чеченцев время от времени запускал в него камнем. Когда посреди двора вырос небольшой темный бугорок свежего кизяка, Гаджимурад потребовал, чтобы он начал его есть, загребая пригоршнями катышки из кучи.

— Давай, козел! Жри баранье г...!

Сослан сидел на корточках молча, не двигаясь.

— Ты что, козел, не понял?! — резкий удар ногой в грудь опрокинул его на спину.

Осетин тяжело приподнялся и, жестко сцепив губы, уселся снова. Он поднял голову и, глянув на мгновение в лицо Гаджимураду, выдавил из себя едва слышно:

— Я не буду.

— Че?! — зарычал Гаджимурад.

— Я не буду.

Пинками его свалили на землю снова, потом пустили несколько автоматных пуль у него прямо над головой. Сослан, сдавленно застонав, снова сел на корточки. Сжавшись в неуклюжий, костлявый комок, он зажмурил глаза и закрыл руками голову. На обнаженных до локтя руках зияли свежие кровавые ссадины.

Салаутдин, заливаясь гадким тонким смехом, придумал новую забаву: осетина поставили спиной к забору на колени, на голову водрузили пустую бутылку и устроили соревнование по стрельбе. Каждый чеченец одиночным выстрелом из автомата пытался ее разбить.

— Дайте мне! Дайте мне! — вертелся возле них Салаутдин, подпрыгивая от нетерпения.

Гаджимурад дал ему выстрелить пару раз, предупредив тихо, сквозь зубы, чтобы не услышал раб:

— Попадешь в голову — тебе башку прострелю. Понял?

Салаутдин боязливо шмыгнул носом и быстро дал два одиночных выстрела, нарочито целясь явно выше горлышка стоящей на голове Сослана бутылки.

Пули свистели возле его лица. С надсадным визгом впились в каменный забор. Щеки Сослана больно царапали разлетавшиеся осколки битого кирпича. Он съежился, сжался до боли, зажмурил глаза, в нечеловеческом ужасе стиснув зубы.

Наконец, кому-то из чеченцев удалось попасть в бутылку. Осколки звенящими стеклянными брызгами прыснули по сторонам. Один из них глубоко взрезал правую щеку невольника. Но Сослан, застывший и оцепеневший, даже не почувствовал заструившейся по щеке крови.

Гаджимурад приказал ему собрать все кусочки стекла руками и сказал, что если он потом обнаружит на этом месте хоть один, то заставит Сослана его проглотить. Тараша бессмысленные глаза, раб возил одеревеневшими руками по земле и изрезал пальцы в кровь. Чеченцы, наслаждаясь мучениями жертвы, громко ржали, перемежая грубый гогот матерной бранью.

После этого они погнали Сослана опять работать, но тот, стиснутый стальным тяжелым обручем ужаса нависшей над

ним смерти, не мог уже двигаться и лишь бестолково топтался на месте, тараша расширенные, ничего не видящие глаза. Злыми, жестокими пинками его загнали в зиндан.

Совершив дневной намаз, чеченцы вместе с Салаутдином принялись за Николая.

— Эй, свинья, сюда иди!

Невольник, замирая от страха, засеменил к ним. Гаджимурад брезгливо скривил губы:

— От тебя воняет как от свиньи. Потому что все вы русские — свиньи. Мой брат вашим головы в Грозном резал. Когда ты сегодня закончишь работать, я тоже тебе отрежу башку. Отвечаю, отрежу.

Чеченцы довольно заулыбались и закивали головами.

— Э, ты в какого бога веришь? — спросил троюродный брат Гаджимурада Иса — низкий, коренастый с глубоко сидящими глазами.

— Я... я не знаю, — заикаясь, пробормотал Николай.

— Как не знаешь? Ты разве не знаешь, что на свете только один бог — Аллах! И ты смеешь в него не верить?

Николай застыл от ужаса. «Сейчас, сейчас начнется. Мне — все. Мне — конец», — бешено заколотилось где-то внутри него.

Он молчал, дыша часто через нос, с тоненьким свистом.

— Э, если ты не веришь в Аллаха, то ты грязный идолопоклонник. Да ты радоваться должен, что здесь рядом с тобой правоверные мусульмане. Ты сам должен был уже давно попросить нас научить тебя исламу. Научить тому, как делать намаз. На коленях должен был умолять, — заявил, не спуская преданных глаз с чеченцев, Салаутдин. — Я благодарю Аллаха за то, что мне в жизни встретились эти благородные люди, которые объяснили, как надо правильно жить по исламу.

Чеченцы перемигнулись меж собой, радостно скалясь.

— Вот видишь, Салаутдин тебе все правильно сказал, — поддержал Иса. — Он тоже когда-то был гяуром, таким как ты. Но потом обратился в истинную веру. Если ты не веришь нам — чеченцам, то поверь своему — русскому, который встал на путь истины. Веришь ему?

— Ве... ве..., — мямлил Николай.

— Что? Не понял?

— Ты потому животное, что Аллаха не считаешь, — хохотнув, встрял третий чеченец. — Потому и сидишь на цепи как собака.

— В натуре, собака.

— Так ты в Аллаха веришь или нет? — настырно допытывался Иса.

Он грыз семечки и плевал кожуру в белое, словно посыпанное мукой, лицо раба.

Николай не знал, что отвечать. Он съезжился и, втянув голову в плечи, ожидал смерти.

— Веришь или нет? — зло, с хрипотцой в голосе, рявкнул чеченец.

— Ве... Верю.

— А намаз делать умеешь?

— Нет.

— А суннат тебе делали?

— Что? — пролепетал Николай.

— Суннат не знаешь? — с наглой ухмылкой спросил Салаутдин.

— Нет.

— Вот баран! Ты же из Города Ветров, а даже не знаешь, что такое суннат. Суннат — это обрезание. Там ведь тоже мусульмане живут. Они тебе этого разве не говорили?

— Ну... э-э-э, — едва ворочал языком раб.

— Э, штаны снимай, позырим, — Гаджимурад матерно выругался и, подойдя к рабу, пнул его ногой.

Салаутдин уже принялся проворно стягивать с него изодранные, перепачканные землей, превратившиеся в грязную дерюгу брюки, но Иса остановил его жестом руки, плюнув при этом длинной слюной себе под ноги.

— Не делали, — дрожащие руки Николая блуждали в области брючной застежки.

— Сейчас сделаем, не переживай, — Иса степенно поднялся, не спеша, достал из кармана и раскрыл нож. — Салаутдин, сделай ему суннат, — протянул он нож Сергею.

— Э, тормози Иса, — вмешался третий чеченец. — Если он ему суннат сейчас сделает, то этот русский уже мусульманин будет. Так ведь? А Гаджик уже не может мусульманина как раба держать. Тогда придется его отпустить.

«Отпустить... Придется отпустить», — буравило уши. С трудом соображая, что делает, Николай начал расстегивать брюки. Он был готов уже на что угодно, лишь бы все прекратилось, лишь бы исчезли, провалились куда-нибудь эти четверо жестоких, зло хохочущих, всесильных над ним мучителя.

Из дальнего угла двора исподлобья смотрел Станислав, возившийся возле хлева. Его тяжелый свинцовый взгляд был переполнен ненависти к чеченцам и отвращения к Николаю. Зло выругавшись вполголоса, он плюнул на землю и резко отвернулся.

— Э, смотри, смотри, Гаджик! — скалясь, перебил Иса. — Отвечаю, он, в натуре, по ходу суннат хочет сделать. Уже

штаны снимает. Ха, б...! Хитрый! — Он грязно изругался. — Думает, что в натуре от этого мусульманином станет, и мы его отпустим.

— Э, ты, ишак! Чтобы стать мусульманином, надо встать на колени, обратиться в сторону Мекки и произнести шахаду. И при этом должны быть два свидетеля-мусульманина, — и Гаджимурад дал ему звонкую пощечину. — А ты — грязный гяур. Ты недостойн нашей веры. Ты даже стоять здесь перед нами не достоин. Ты, свинья, на коленях нас благодарить должен, что мы тебя кормим и жить пока оставляем. Понял? Вы — русские — вообще идолопоклонники. Мне отец говорил, что в ваших, как их там, церквях идола стоят. Вы их кровью мажете и им молитесь.

Захрипев, Иса смачно харкнул в лицо Николаю. Салаутдин, подражая ему, тоже плюнул, целя Николаю в пах. Слюна растянулась в воздухе, затрепетала длинной противной нитью. С грязной руганью он обтер губы. Чеченцы смеялись, изошряясь в скотском остроумии.

— Че стоишь? Давай быстро работай. До пяти считаю. Если не начнешь работать, то пристрелю на месте, — Иса щелкнул предохранителем автомата.

Уже не понимая, что надо делать, чтобы выжить, Николай топтался перед чеченцами, словно пьяный, и на его отупевшем лице вдруг заиграла бессмысленная полоумная улыбка. Иса громко считал по-русски.

— Ты че, «ха-ха» ловишь? — третий чеченец ударил раба по лицу, но, измазав руки в плевке, выругался, вытер руку об одежду Николая и ударил его снова, но на это раз ногой.

— Четыре! Пять! — окончил счет Иса. — Все, ты — труп. Сейчас тебя щелкну, — он демонстративно поднял автомат и прицелился в невольника.

По белым, дрожащим щекам Николая потекли густые слезы. Он затрясся всем телом и завывал по-щенячьи, тонко и противно:

— У-ууу-ууу! Уу-ууу-у-у!

— Заткнись.

— Не надо... Пожалуйста, не надо... Не надо... Не надо, — рыдая, без конца повторял он, глядя вперед отупелыми дикими глазами.

Чеченцы тащились от удовольствия.

— Ладно, козел. Пока живи. Давай резко беги теперь до ворот и обратно. Бежишь на время. Если в пять секунд не уложишься, то я тебя убью. Понял? Так. На старт! Внимание! Марш! — скомандовал Гаджимурад и выстрелил одиночным из автомата в воздух.

Николай мелкими шажками бесчувственных, заплетающихся ног засеменял к воротам, дико оглядываясь через плечо. Чеченцы вновь уселись на корточки вдоль стены дома и довольно ржали.

Скоротав так время до следующей молитвы, они теперь взялись за солдата. Его, работавшего у пристройки, Гаджимурад привел к дому.

— Э, «калинку» станцуй! — нагло выкатывая глаза, потребовал он.

— Давай, козел, быстро! — Иса выстрелил из автомата под ноги Станиславу. Пуля, взвизгнув, взметнула облачко пыли. — Пошел вприсядку!

— Давай, как там тебя мама танцевать учила, — хохоча, выкрикнул Салаутдин.

Но Станислав стоял, не двигаясь.

— Ты че, не понял?

— Вы только над закованными в цепи измываться можете? — ответил он, не шевелясь и смотря упрямыми светлыми глазами чеченцам в лицо.

— Ва-я, дерзкий, да? — Услыхав такой ответ, Иса аж присел от изумления.

— Да он ишак тупой.

— Э, ты че много разговариваешь? Язык отрежу.

Салаутдин тут же подскочил к нему и ударил кулаком в челюсть. Но Станислав только плотнее стиснул зубы и со злобой посмотрел на чеченцев. Они, предвкушая жестокое веселье с очередной «живой вещью», слегка оторопели. Но этот закованный в кандалы высокий русоволосый солдат с клочковатой бородой вокруг исхудалого лица, не выказывал страха. Он стоял, не двигаясь, сверля глаза хозяйского сына острым немигающим взглядом.

— Че ты так смотришь?! — не выдержав, Гаджимурад нервно подошел к нему вплотную и резко, силой хрястнул прикладом автомата в челюсть. — Моргалы выколю!

Голова Станислава резко дернулась в сторону. Однако он не упал, а, выпрямившись, снова с ненавистью вперился в чеченцев.

Те торопливо переглянулись. Иса пробормотал что-то не по-русски. Салаутдин перестал скалиться.

Гаджимурад ударил сильнее. Резко, со злобным выкриком. Солдат, измученный голодом и непосильным трудом, упал. Салаутдин, радостно взвизгнув, тут же добавил ему ногой по ребрам.

— Суки! Суки чеченские! — выдохнул невольник.

Из уст Исы хлынул поток грязной матерной ругани. Этот русский парень в рваном солдатском хэбэ с разбитыми и

окровавленными, но плотно сжатыми губами и твердым взглядом, вызывал в нем бешеную злобу. Солдат не боялся их. Их — своих хозяев. Вооруженных автоматами, от легкого движения чьих пальцев на спусковых крючках зависела его жизнь. Русский невольник их не боялся — это приводило чеченцев в неистовство.

Раздувая ноздри, Иса подскочил к нему и изо всей силы ударил носком ноги по ребрам. Станислав молчал.

— Ты че сказал?! А?! Че сказал?! — прорычал Гаджимурад и тоже с остервенением принялся пинать лежачего.

— Суки вы! Уроды вонючие! Шакалье! — кричал Станислав, вертясь ужом на земле и закрывая руками голову. — Не волки — шакалы! Я ваших пятерых на войне положил!

— Заткнись, свинья!

— Наши вернутся сюда! Рано радуетесь, чехи поганые! Вернемся — всех вас замочим! А тебя — мразь обрезанская — я лично за яйца вздерну! — и солдат плюнул в сторону Салаутдина.

Предатель, брызжа слюной и рыча от ярости, бил солдата кулаками, топтал, и с разбега прыгал на него обеими ногами.

— Убью, падаль! Зарежу! — визжал он в бешенстве, дико перекосив лицо.

— Да твою армию мы как свинью порвали! — ревел третий чеченец, отплясывая на теле Станислава в бесноватом хороводе.

Иса вдруг случайно попал ногой по кандалам, вскрикнул, запрыгал на месте, держась руками за правую ступню.

— Это мы вас рвали и рвать будем! Русский солдат — лучший в мире! — выхаркивая густую кровь, выкрикивал, не помня себя, Станислав. — Нас свои предали! И всю войну предавали. А то давно бы вас раздавили. Чехи трусы все! Вы не мужчины! Только и умеете, что роддома захватывать, за беременными бабами прятаться.

Чеченцы озверели. С ревом, рычанием, визгом, они топтали Станислава ногами и били прикладами. Солдат попытался встать, но его повалили опять. Со скованными ногами, он был практически беспомощен и не мог даже обороняться. Он перекатывался в пыли, хрипел и исступленно крыл чеченцев дикими ругательствами.

А те снова и снова пинали, били, топтали избитое, изуверенное, окровавленное тело. Возможно, забили бы до смерти, но Гаджимурад вовремя спохватился. Он вспомнил, как сокрушался отец по поводу цены на этого раба, и решил, что убивать его сейчас пока нельзя. Ему удалось с трудом оттащить от солдата беснующихся от злобы товарищей.

Избитого, грязного, окровавленного и почти неживого Станислава бросили в зиндан. Салаутдин смачно плюнул вниз.

Через четыре дня Садаев с родней вернулся обратно. Ашота с ними не было. Еще только подъезжая к дому, чеченцы с радостным ревом принялись палить из автомата в воздух, высовывая из автомобильных окон жилистые мохнатые руки. Услышав крики и стрельбу на улице, Гаджимурад опрометью бросился растворять настежь ворота. Возбужденные бородачи гогочущей гурьбой повалили в дом. Сделка прошла успешно.

— Пошел к черту! — закричал Станислав.

Сознание понемногу прояснялось. Вместе с сознанием в тело вбегала, вкатывалась волна боли. Казалось, его недвижимую, тяжелую, словно налитую свинцом, плоть кромсают на части тупыми скальпелями. Ныло, саднило, выворачивало наизнанку все: грудь, спину, живот, руки, ноги. Тело казалось бесконечным и безвольным, податливым, словно пластилин. В гулко гудящей, точно медный колокол, голове крутились, бурлили, наплывали друг на друга воспоминания, образы, лики. В рвущихся от боли висках жарко пульсировала кровь.

Бородатые, остроносые чеченцы появились на фоне разваливающихся гнилых заборов и бревенчатых изб его села. Их взгляды пылали ненавистью.

Потом мелькали курносые, загорелые на солнце, изъеденные бордовыми юношескими прыщами лица солдат его мотострелковой разведроты.

Он слышал стрельбу. Ожесточенную автоматную стрельбу — били как очередями, так и одиночными. Рвались гранаты. Надсадно свистели мины. Уробно фырча и лязгая траками, «восьмидесятки» упрямо пробивали себе путь в городских руинах. Из их орудийных стволов иногда вырывалось пламя. Весь этот грохот, свист, вой, лязг отдавался в его голове дикой нестерпимой болью. Казалось, она, давно отделенная от тела, лежит на наковальне, и ее плюшат пудовые железные молоты.

Перед глазами вставал силуэт расстрелянного, разбомбленного, истерзанного Грозного с полуразрушенными, изрешеченными, зияющими черными провалами выгоревших окон, домами. По грудам битого кирпича, ржавой погнутой арматуры, звонких осколков стекла, по россыпям стреляных, потускневших под дождями гильз носились стаи обезумевших бродячих собак с бесновато мерцающими глазами. Они пожирали трупы.

Снова наплывал, накатывался грохот ожесточенного смертельного боя. Станислав слышал возбужденные крики распалившихся солдат и густую матерщину вперемежку с очередями.

Опять чеченцы. Но он уже не в Грозном и не среди развалин. Он вдавликает, вжимает свое тело в узенькую неглубокую расщелину на крутом склоне горы и пытается поймать в прицел боевика, бьющего частыми очередями из-за каменного выступа метрах в двухстах от него, ниже по склону. Пули ложатся совсем рядом. Он кожей ощущает их полет над собой. Станислав, глухо рыча сквозь стиснутые от боли зубы, жмурит глаза и еще плотнее жмется к холодному камню, мечтая буквально врасти, влиться в него.

Автомат чеченца смолкает. Может, рожок меняет? Солдат на сантиметр приподнимает голову. Приподнимает ровно настолько, чтобы каким-то краешком, уголком глаза увидеть врага. Тот скрылся за выступом. Наверное, действительно меняет рожок.

Но вот снова мелькает чернобородая голова в вязаной шапке, затем из-за каменного выступа начинает выползать, нацеливаясь в его сторону черным круглым нутром, труба «Мухи». Сейчас боевик выстрелит, и граната разорвет Станислава в клочья. Почти машинально солдат прицеливается. Руки движутся ужасно медленно. Лениво. Он словно видит себя со стороны в замедленной съемке.

Чеченец опять высовывается из-за выступа, и его голова теперь идеально ложится на мушку. Он «Муху» сжимает обеими руками, оперев на правое плечо. Палец чеченца ложится на спуск. Но Станислав успевает выстрелить первым. Бьет короткая очередь. Приклад резко отдает в натертое, мозолистое плечо.

Из головы чеченца вырываются красные брызги. Он неловко взмахивает руками и валится на спину. Его тело куврыкается вниз по склону горы сотню метров, пока не застревает в кустах. Так и не успевший выстрелить РПГ-18 катится следом. Автомат боевика остается лежать возле каменного выступа, и его ствол тускло мерцает на утреннем солнце.

«Третий, — считает солдат. — Третьего чеха завалил». И, снова спрятавшись за камень, отерев рукавом лоб, он достает нож и, не спеша, делает аккуратную зарубку на прикладе.

И снова все плывет и кружится. Солдату кажется, что его оторванное от земли тело тоже летает, носится где-то, вертится в диком, надрывном вихре. Свет меркнет, сознание погружается во тьму.

Опять Станислав видит родное село, ветхое облупленное здание школы, изможденные, морщинистые лица родителей. В нос бьет крепкий запах хлева. Лес, поле, опять лес...

Снова война. Снова он бежит и стреляет. Горы, аулы, лица чеченцев, грозящих кулаками танковым колоннам, снова руины Грозного.

Затишье. Боя нет. Тепло. Даже жарко. Печет летнее солнце. В разрушенном городе деловито снуют люди. Мелькают грубо размалеванные вульгарные лица чеченских проституток, предлагающих себя за автоматные рожки, гранаты, выстрелы от гранатометов. Солдаты понимают, что все это пойдет боевикам и будет стрелять в них же, но денег у них нет и ничем иным они расплатиться не могут. Проститутки хохочут гортанными голосами, подмигивают и матерятся.

Станислав словно проваливается куда-то. Видения наползают друг на друга. Все перемешалось, перепуталось. Развалины вырастают посреди поля за его родным селом, а соседская девка Танька, полнотелая и мордастая, залегла с гранатометом над обрывом, под которым петляет узкая горная дорога. По ней ползет колонна танков и БТРов с сидящими на броне солдатами. Где-то в голубой чистой выси стрекочет лопастями вертолет, похожий на большую черную стрекозу.

И опять он проваливается, летит куда-то стремглав, быстро, с пронзительным свистом, острой болью отдающимся в висках. Видения тают, бледнеют, теряют очертания. Он лежит неподвижно, закрыв глаза, и дышит тяжело.

Придя в себя, Станислав уперся мутным взглядом в склонившегося над ним Николая. Тот внимательно рассматривал его лицо, поворачивая голову руками из стороны в сторону, и говорил, обращаясь к кому-то:

— Живой, отвечаю. Даже глаза открыл.

Мгновенно в мозгу солдата вспыхнула сцена во дворе, когда этот долговязый, трясясь от страха, уже расстегивал штаны перед чеченцами.

— По-ш-ш-ш-ел к черту! — захрипел Станислав.

— Стас, ты чего? — враз оторопел тот.

— Вали отсюда, говорю. Я все видел. Видел, как ты уже штаны снимал...

Николай жалобно заморгал глазами. Ужас его прошел, и теперь, сидя на дне зиндана и глядя на изуродованного солдата, он радовался тому, что отделался легко.

— А что было делать? Я же ничего не мог поделывать, — бросил он недовольно, почти с вызовом.

— Мог! Мог, убудок! — Станислав попытался поднять

голову. — Я же сделал. Ты что, не мог им как мужик ответить? Язык проглотил?

— Ага, ответил! Тебя, Стас, там избили как собаку. В другой раз ты так им уже не скажешь, — уже со злостью в голосе огрызнулся Николай и отпрянул на всякий случай к стене.

— Скажу. Мне по фиг. Пусть хоть голову отрежут. Меня-то избили, но я человеком остался. А вот ты и есть собака. Сучонок трусливый.

— Ладно, Стас, будет тебе, — проворчал дед Богдан. — Радуйся, в самом деле, что жив остался. На тебе места живого нет.

Солдат приподнялся на локте, взял бутылку с водой и полил себе на лицо, смывая кровь и присохшую грязь. Вода отдавала затхлостью. Голова ныла и разламывалась. Губы вздулись кроваво-фиолетовыми пузырями. Левый глаз совсем заплыл. Станислав прополоскал рот, потом, прильнув к горлышку бутылки, жадно пил, стараясь залить, затушить в себе привкус солоноватой крови, грязи и подошв чеченских ботинок.

— Ничего, мужики, — сказал он. — Выберемся. Не бойсь.

— Теперь они тебя все время бить будут, — вздохнул Со-слан. — Им главное — человека сломать. Поняли, что ты сильный. Вот и будут ломать. Они прямо тащатся от этого. Однако, Стас, тебя хрен сломаешь, — вдруг добавил он, чуть помолчав.

Чеченцы гуляли. Обмывали шестьдесят тысяч долларов, полученных за Ашота. Зарезали двух баранов. Их освежеванные туши, прицепленные железными крючьями за ноги к дереву, висели посреди двора. Женщины закопали в углу огорода дурно пахнущие бараньи кишки.

В дом к Султану набилось человек сорок. Родственники, односельчане, друзья, несколько боевиков, которые лично знали его старшего сына. Чеченцы пили вперемешку водку и терпкое молодое виноградное вино, жевали шашлык, посыпая душистые куски мяса солью и с жадностью вонзая в них зубы. Хрустели свежей редиской, чавкали солеными огурцами. Свежих в конце апреля еще не было.

За столом царило веселье. Все гоготали, смеялись и говорили разом, оживленно размахивая в воздухе руками. Жена Султана и пришедшие ей на помощь родственницы не успевали ставить на стол все новые и новые тарелки с едой.

Султан уже в сотый раз рассказывал всем, как ему удалось проведать про богатство семьи Ашота, найти в Городе Ветров нужных людей и организовать похищение. Каждая деталь смаковалась и обсасывалась со всех сторон. Потом

он рассказывал о том, как умело вел торг с отцом армянина. Как он запугал его сына и тот, трясаясь от страха, рыдал в телефонную трубку и умолял отца поскорее заплатить выкуп. Султан даже сводил гостей в подвал и показал цепь, к которой был прикован невольник.

Бородатый, горбоносый с диким взглядом боевик, сидевший до того неподвижно, встал из-за стола.

— Уважаемый Султан! Мы собрались здесь, чтобы отпраздновать твою удачную сделку, — начал он, когда все смолкли. — Чтобы поставить отца этого ишака на колени и зарабатывать шестьдесят тысяч долларов, тебе хватило двух недель. Вот так и надо вести дела. Я знал твоего старшего сына Асланбека. Это был достойный сын чеченского народа. Мы вместе с ним сражались в Грозном два года назад. Защищали от русских родную землю. Он лично сжег из гранатомета два танка. Он дрался за консервный завод против десантников. Уже тогда я знал: у такого достойного сына есть такой же достойный отец. Твой тейп, уважаемый Султан, всегда рождал самых достойных мужчин. Так выпьем же за тебя и твоих сыновей! Пусть будет тебе удача во всех делах!

Чеченцы в сорок глоток одобрительно загалдели и опрокинули в заросшие бородами рты граненые стаканы с водкой. Зачавкали мясом, захрустели редиской. Султан, сидевший во главе стола, раздувался от важности. Взгляд его был полон торжествующего самодовольства. По покрасневшему мясистому лицу струились крупные капли пота.

Со всех концов стола раздавались громкие голоса:

— Вот это я понимаю. Вот это бизнес: армянина похитил — шестьдесят тысяч долларов заработал!

— Ну, правильно. Так и надо дела делать.

— Бараны существуют для того, чтобы волки всегда были сыты.

— Давай, Султан! Чтоб тебе всегда такая удача была во всех делах! — кричали чеченцы.

Вставали по очереди, произносили высокопарные, торжественные тосты, чокались, пили водку, залпом вливая внутрь жгучую жидкость.

Все были уже пьяны. Кто-то галдел, ржал, спорил, стараясь перекричать собеседника. Кто-то слушал молча, подперев головой руку. Иные сидели, поджав под себя ногу. Горбоносый боевик, облокотясь на стол, вдруг запел по-русски зычным голосом с сильным акцентом:

Пускай над городом клубится,
Пускай клубится черный дым.

Сорок глоток дружно подхватили:

Пусть город Грозный стал разбитым,
Хоть был когда-то молодым.

В конце каждой строфы чеченцы протяжно завывали пьяными гортанными голосами по-волчьи, жутко и тоскливо. Некоторые повскакивали со своих мест, опрокинув стулья. И пели теперь стоя, покачивая головами в такт мелодии.

У боевика был хороший голос и неплохой слух. Он сидел в той же позе, прищуривав отрешенные зеленоватые глаза, и старательно выводил каждое слово этой известной песни, которую помнил всю наизусть:

Здесь были красные береты,
Был СОБР, «Кобра» и ОМОН.
Вы все рыдали, словно дети,
Когда вас резали ножом.

Пропев «резали ножом», несколько человек хищно, с хрипотцой, вскрикнули и прищелкнули пальцами. Чеченцы, разгоряченные водкой, пели все громче и завывали сильнее:

Пускай бомбят нас самолеты,
И день, и ночь бьет миномет,
Пусть горд и смел «восьмидесятый» —
Его возьмет гранатомет.

О, город Грозный, мы уходим.
Но мы уходим, чтоб прийти.
Мы — волки. Волкам нужно в горы.
Но мы вернемся. Грозный, жди!

Допев последний куплет, горбоносый вдруг с диким выкриком сорвался с места. Схватил автомат с подствольником, прислоненный рядом к стене, и ринулся во двор. Остальные с гиком, свистом, громким ором кинулись за ним.

Боевик, остервенело и безумно крича, мешая русские и чеченские ругательства, сначала выпалил из подствольника в воздух, потом стал бить длинными очередями. Чеченцы хватили оружие. Сорок стволов открыли огонь почти разом. Горячие гильзы ливнем сыпались на землю, под ноги беснующимся людям. Никто уже ничего не видел, все кричали, скалили зубы, ругались, пели и поливали свинцом вечернее апрельское небо с первыми бледными звездами. Грохот стоял

адский. «Аллах Акбар! Аллах Акбар!» — орали чеченцы, тараща глаза и широко разевая рты.

— На! На! Вот так!! — ревел боевик.

Чеченцы пустились в пляс. Они вскидывали кверху стволы автоматов, хлопали в ладоши, подпрыгивая и притопывая. Кто-то, у кого еще остались патроны, давал редкие очереди. Человек двадцать, образовав круг, с воплями скакали друг за другом, подкидывая высоко вверх руки с оружием и стреляя на бегу одиночными. Остальные кричали, гикали, свистели, хлопали.

— Оба!! Оба!!

— Э!!! Э!!!

— Хопа!! Хопа!!

Пот катился со всех градом. Султан, не выдержав бешеного темпа пляски, выскочил из круга и теперь, пыхтя, как борз, стоял рядом и отирал жирный блестящий лоб.

Несколько человек, вставив в автоматы новые рожки, опять подняли стрельбу. Они подкидывали вверх пустые бутылки и палили в них. Стекло разлеталось в осколки звонкими брызгами разлетались по всему двору.

Одни танцевали и кричали, другие кричали и стреляли. Налитые кровью глаза блестели красными набухшими прожилками, губы покрылись пеной. Заливались надрывным лаем и рвались с цепей соседские псы. Человеческая каша. Неистовство. Люди-звери. Псы-звери. Автоматные стволы дымились и обжигали ладони.

Какой-то молодой чеченец, пошатываясь, отошел в сторону, нагнулся и шумно вытошнил на землю. Горбоносый боевик, дико выкатив глаза, продолжал танцевать один посреди возбужденной толпы. Он рычал как зверь, скалил зубы в дикой гримасе и все нажимал пальцем на спуск, хотя все патроны в рожках были давным-давно расстреляны. Султан громко орал, точно большая горилла и хлопал волосатыми руками. Его жирный живот колыхался студенистой медузой.

Рабы, сидевшие в зиндане, слышали чеченское веселье.

— Видать, армяна продали, теперь радуются, гниды! — проворчал Станислав.

Он поправлялся на удивление быстро — ссадины и синяки желтели, бледнели, заживали. Оставалась лишь боль — ноющая и саднящая. В груди, в спине, в пояснице. Солдат скрежетал зубами, с трудом поднимаясь на ноги, кусал припухлые, разодранные в разных местах губы. Но он был крепок, жилист, туг, как плоть, и живуч, словно кошка. Станислав, держась руками за стенку, вставал во весь рост. Понача-

лу его ноги подрагивали в коленях, а ладонь бессильно скользила по грубой кирпичной кладке вниз. Пошатываясь, солдат ворочал по сторонам злыми, жестоко мерцающими изпод рассеченных бровей глазами. И вполголоса матерился, с трудом размыкая одеревеневшие отечные челюсти.

Николай, прислонившись к кирпичной стене, угрюмо смотрел в землю и молчал. Он не смотрел на Станислава. Его тусклые глаза упирались в сырую глинистую грязь пола.

Чеченцы пропьянствовали четыре дня. В доме, во дворе, на улице возле ворот слышались возбужденные радостные крики, гогот, рев. В яме глухо отдавался топот десятков ног — чеченцы с гомоном и гиком танцевали посреди двора. Временами поднималась беспорядочная автоматная стрельба, звонко дребезжало битое стекло.

Иногда створки зиндана растворялись, и тотчас вниз била упругая горячая струя человеческой мочи. Невольники оторопело вскакивали на ноги и вжимались в стены ямы.

Султан держал рабов в эти дни в зиндане безвылазно. Работы для них не было. Иногда он подходил к яме, пьяно пошатываясь, и бросал вниз полуобглоданные кости и мясные объедки жеваных бараньих сухожилий. Голодные люди с жадностью грызли эти остатки чеченского пиршества. На костях еще кое-где сохранялись тонкие лоскуты мяса. От их острого запаха и вкуса сводило скулы.

На пятый день все стихло. Утром никто не подошел к зиндану, не открыл деревянные створки, чтобы спустить на веревке вниз пакет с едой. Рабы просидели некормленными весь день. Вечером полил дождь, и рабы, подставляя ладони рук, с жадностью наглотались воды, обильно сочившейся сквозь щели деревянных створок — их мучила жажда.

Дед Богдан был плох. Сильно простудившись во время недавнего ливня, он совсем ослаб, лежал на ворохе тряпья лицом вверх, тяжело, шумно дыша. Его пытались расшевелить, но он лишь бормотал едва слышным голосом что-то слабое, нечленораздельное. Болезненно кашлял с надрывной хрипотцой. Его крючковатые заскорузлые пальцы беспокойно шевелились, лихорадочно сжимаясь и разжимаясь, руки напряженно шарили вокруг, металась по телу. С трудом приподнимая голову, он обводил всех мутным, бессмысленным взглядом глубоко запавших глаз и снова ронял ее обреченно и безвольно. Сознание оставило старика, он стал заговариваться.

Видя его агонию и будучи не в силах ничем помочь, невольники, понурые и мрачные, сидели на мокрых от дождя тряпках вечером пятого дня.

— Может, чехов позвать? — задумчиво проговорил Сослан.

— Они его пристрелят сразу, — ответил Станислав. — Ясен пень, что в больницу не повезут. Да и нет тут, кажись, давно никаких больниц. Они, видать, перепились там как свиньи, теперь дрыхнут все. Хотя, нет. Я слышал, как машины днем отъезжали. Много машин. Значит, гости свалили, а Султан в ауте. Немудрено, бухать столько. Да еще бесились как.

— Да уж, бухали они конкретно. Я бы умер, наверное, если бы пил столько.

— Да ты хоть пил когда, Сос?

— Когда с родителями жил, то еще молодой был совсем. Так, пробовал вино пару раз. Да мне еще и не разрешал отец тогда.

— А у нас в селе мужики крепко бухали. И парни тоже. Самогонку все глушили. Бабы, девки тоже поддавать любили. Но я, знаешь, не любитель был этого дела. Так, если только на праздник или на чей-то день рождения.

Станислав откинулся к стенке. Тоскливо посмотрел вверх, туда, где со щелей створок все еще шумно срывались тяжелые капли. Потом досадливо плюнул на землю.

— Эх, блин. Какой момент, а мы тут сидим. Был бы я наверху там, обязательно бы на Султана прыгнул. Гаджимурад, кажись, тоже свалил. Я что-то давно его голоса не слышал. Да он ведь тот еще гаденыш был. Каждый день сюда заглядывал сверху. То скажет что-нибудь, то просто плюнет. Султан, боров жирный, сейчас пьянящий, никакой. Шанс был бы. Это ежу понятно. Все равно терять нечего.

— Посмотрим, что завтра будет. Может, поведут нас на работу, тогда и увидим, что к чему.

— Обязательно поглядим. Я уж осатанел гнить тут. Сам как волк стал. Я этих чехов уже зубами грызть готов.

— Лишь бы завтра наверх выпустили. Рискнем, в натуре.

— Рискнем. Лишь бы только Султан один был! Лишь бы!

Сослан и Станислав долго еще говорили про побег. Подбадривали друг друга. Вернее, подбадривал солдат. Он был уверен в своих силах и желал только одного — поскорее оказаться наверху. Уж тогда он справится с Султаном. Бросится неожиданно, зажмет рот, вырвет кадык или задушит. Это совсем нетрудно, надо только решиться. Станислав заразил осетина своей верой в спасение. Его слова, грубоватые и простые, смогли оживить душу невольника. И тот торжественно поклялся, что если только завтра действительно хозяин или Гаджимурад будет один, они бросятся на него оба. Станислав, как более опытный и сильный, зажмет ему рот и придушит, а Сослан в это время будет держать чеченца за ноги.

— Мы же не хотели его убивать, только придушить и связать. Он ведь нам живой пригодится. А, Стас? — вдруг вспомнил осетин.

— Посмотрим. Как получится. Мы слабые сейчас от голода. Учти это. А он сильнючий. Жрет как боров. Если тачка во дворе стоит, то, может, и не стоит рисковать. Короче, посмотрим.

Заснули они поздним вечером, жадно вдыхая весеннюю дождевую свежесть, пробивавшуюся сверху в мрачный смрад ямы, и слушая гулкий звук падающих вниз капель. Старик тяжело ворочался и хрипел в темноте. Неровно, с перерывами, из последних сил.

Когда ранним утром следующего дня проснувшийся первым Николай взглянул на него, то почти сразу понял, что старик больше никогда не заговорит, не встанет и не пошевелится. Понял инстинктивно, до жути просто и спокойно.

Дед Богдан лежал неподвижно, судорожно вытянув руки вдоль тела, лицом вверх, с полуоткрытыми глазами и ртом. Он весь был какой-то восковой, неживой, словно манекен. По уголкам рта старика ползали муравьи.

— Эй, эй! — толкнул он старика в плечо.

Тело туго качнулось точно деревянное полено. Старик умер ночью, не приходя в сознание, и уже успел окоченеть.

— Э! Э! Ты чего! — воскликнул Николай и тут же понял всю бессмысленность своих слов.

Разбуженные криком, приподняли головы другие невольники.

— Что случилось? — сразу спросил солдат, только оторвав от кучи тряпья грязную лохматую голову.

— Дед Богдан... Вот... — бессвязно мямлил Николай, указывая на труп.

Тот понял все без слов.

— Отмучился, старый, — Станислав вздохнул. — Эх, господи, прими его душу.

— Ты же неверующий, вроде.

— Да я просто сказал, не задумываясь.

Заглубевшему, привыкшему к смертям Станиславу, десятки и сотни раз видевшему их с начала войны, сделалось тяжело и мутно. Эта новая смерть была смертью обреченной, тоскливой, смертью без жизни. Старик не жил в понимании солдата.

Несчастный украинец, почти всю жизнь проведший в чеченском рабстве, тихо умер на дне зиндана. И кроме них троих, таких же рабов, никто не вспомнит о его жизни и смерти. В огромном, отчужденном, суетном мире, бесконечно дале-

ком от этой зловонной ямы, о существовании деда Богдана никто и не подозревал. Воспитанник интерната не имел родственников, а немногочисленные друзья молодости давно уже, наверное, считали старика мертвецом. Или все перемерли сами. Милиция, конечно, давным-давно сдала дело по его розыску в архив как нераскрытое, если, конечно, его вообще кто-то когда-то искал. От Богдана не останется ничего: ни документов, ни имени на могильной плите, ни самой могилы. Станислав был уверен, что Султан просто прикажет им оттащить тело к окраине станицы на свалку и бросить там, где труп объедают бродячие собаки. Обычно с умершими или замученными рабами поступали именно так. Чеченцам лень было копать могилы.

— Похоронить бы надо, — сказал солдат после долгого тягостного молчания. — Я чехам скажу, что сам могилу выкопаю. Пусть только лопату дадут.

Он набрал в легкие воздуха и зычно крикнул:

— Султан! Султан! Гаджимурад!

Никто не ответил.

— Султан! Иди сюда! Султан!

— Гаджимурад! Сюда иди! — тоже крикнул Сослан.

Минут десять они кричали вдвоем, без умолку. Никто не отзывался. И когда невольники начали уже хрипнуть, хлопнула, наконец, входная дверь в доме, раздалась грузные нетвердые шаги, и через распахнувшиеся створки рабы увидели толстое землистое лицо Султана, опухшее и смурное от водки. Солнечные лучи упали на дно зиндана, и люди, давно не видевшие яркого света, болезненно сощурились.

Чеченец тяжелым взглядом посмотрел вниз.

— Че стало? — спросил он.

— Султан! Дед Богдан умер.

Он глянул недоверчиво.

— Че, в натуре, что ли?

— Посмотри сам. Видишь, окоченел уже, — Станислав попытался разогнуть и поднять вверх руку старика, но она не поддавалась.

Султан взгляделся в восковое лицо покойника. У него развеялись последние сомнения.

— Похоронить бы надо, Султан!

— Негде его хоронить. Нету места, — чеченец, туго соображая, осовело скреб затылок пятерней.

— Я сам, один похороню. Разве за станицей нет пустой земли? Ты только лопату дай, — настаивал Станислав.

— Да, дай лопату. Хоронить надо, — поддержал Сослан. — А-то нельзя, чтоб здесь лежал. Вонять будет.

Султан молчал. Он с трудом соображал после пьянки, не протрезвев еще окончательно. Мысли, лениво и нехотя, словно выкопанные зимой из земли, вялые и окоченевшие черви, бестолково копошились в мозгу. Наконец он бросил вниз конец лестницы.

— Вытаскивайте Богдана. И сами тоже вылезайте. Хватит отдыхать.

Солдат полез первым, держа покойника за ворот. Сослан лез за ним, поддерживая труп за ноги. Тело вытащили из зиндана и положили на землю.

— Пока здесь оставьте. Сперва двор почистите, потом, когда Гаджимурад вернется, я скажу ему, чтоб отвел тебя к свалке. Там можешь закопать раба.

Станислав вздрогнул и впился глазами в чеченца. Неужели это тот самый шанс, в который он верил, которого ждал так долго? Неужели Султан сейчас единственный мужчина в доме? Чтобы не выдать своего волнения, он нарочито зевнул и многозначительно посмотрел на осетина. Тот понимающе прикрыл глаза. Но вдруг здесь есть кто-то еще? Это надо проверить немедленно. Сейчас же. И если все в порядке, то действовать, не медля ни минуты.

Султан действительно был один. Гости уехали еще вчера. Вместе с троюродным дядей в соседнюю станицу отправилась и его жена с сыном. Они должны были вернуться лишь к вечеру. Будь Садаев трезв, то он не выпустил бы в таком случае рабов, даже закованных в цепи, наверх. Но после четырехдневной дикой разнузданной пьянки у него трещала и раскалывалась голова. Мысли отяжелели, продолжая слабо шевелиться застуженными полуживыми червями. Поэтому Султан и разрешил им подняться из ямы, допустив ошибку, которой в другом состоянии ни за что бы не совершил.

Чеченцу стало жалко кандалов, которые были надеты на ноги покойника. Не хоронить же его вместе с ними. Еще пригодятся, чтобы заковать нового раба. Скребя затылок, Султан мучительно соображал, где находится ключ от оков.

— Здесь стойте, я сейчас приду. Цепи сперва снять надо, — бросил он невольникам и пошел в дом.

— Слышь, Стас. Он правда один. Если бы жена была дома, он сам бы ни за что не пошел, ей бы крикнул, чтоб ключ принесла, — судорожно прошептал осетин, едва хозяин прикрыл за собой дверь.

— А может, там еще кто-то в доме? Спят просто. Проверить надо.

Станислав, нагнувшись и придерживая кандалы рукой, чтобы не скрежетали, кое-как, враскоряку, нелепо приседая,

подобрался к двери и прислушался. Султан закрыл ее неплотно, оставив широкую щель.

Внутри все было тихо. Но вот раздалися шаги, потом неясное бормотание чеченца, снова шаги. Он ходил из комнаты в комнату и искал ключ. Больше никаких звуков изнутри не доносилось. Ни шума телевизора, ни звона посуды, ни голосов, только тяжелая поступь Султана.

«Эх, черт, рискнуть надо. Сына точно нет, жены тоже. Как машины уезжали, я слышал. С тех пор все тихо было. Да уж и пора бы им свалить было. Все же четыре дня тут бухали», — подумал Станислав, вслушиваясь напряженно, боясь пропустить малейший звук и подрагивая от радостного возбуждения.

Он прошелся вдоль стены и осторожно заглянул в окна. Это были окна как раз той комнаты, в которой пьянствовали чеченцы. Посреди нее стояли сдвинутые столы, заставленные бутылками и грязными тарелками. Мятая скатерть на столе была перепачканная, заляпанная жирными густыми пятнами. По всему столу были разбросаны огрызки жареного мяса, куски хлеба и недоеденная редиска. Но людей нигде не было. Станислав заглянул в другое окно. И эта комната была пуста.

Во дворе стоял одинокий хозяйский джип. Солдат решил действовать немедленно — он понял, что Султан совершенно один во всем доме. Эх, только бы в машине был бензин! Пошарил глазами вокруг. Поднял продолговатый камень и спрятал за пазуху.

— Сейчас как выйдет и нагнется, чтобы оковы снять, — я ему рот зажму и камнем по башке долбану. Ты тоже хватай и не давай ему вырваться. Главное, ноги держи, чтоб не убежал, — сказал солдат осетину, торопливо вернувшись на прежнее место.

Тот молча кивнул, закусив от напряжения тонкую губу. Николай топтался здесь же, бестолково переминаясь с ноги на ногу. Его нервный взгляд метался по сторонам.

— А ты, слышь, просто стой и не мешай, — обратился Станислав к нему.

— Я стою.

— Вот и стой. И не дергайся.

Потянулись минуты ожидания. Одна, другая... Тощие мускулы на теле Сослана свело судорогой. Напряженные, нервно сжавшиеся ладони были мокры от пота. Ноздри раздулись, выдавая страшное внутреннее волнение. Взгляд сделался сосредоточен и жгуч.

Станислав, встав метрах в пяти от входной двери, чтобы вышедший Султан сразу не догадался о его намерениях, на-

рочито небрежно позевывал и жмурился от яркого солнца. Он смотрел на прыгающего у крыльца взъерошенного воробья и одновременно боковым зрением фиксировал дверь. Камень под рваной солдатской курткой холодил тело, и он ощущал его приятную, тяжелую твердость. Вот оно, оружие. Сейчас оно обрушится на чеченца и сокрушит с одного удара его череп. Солдат верил в это. Был убежден, не сомневаясь ни секунды. Убьет! Обязательно убьет!

После того, как он разделается с рабовладельцем, они захватят в доме все оружие, какое только смогут найти, набьют машину едой и рванут на ней к границе. Ведь до нее, говорят, не больше двадцати километров. Ерунда, они промчатся за полчаса. В армии он научился водить, так что завести сможет. Только бы бензину хватило. Только бы...

Дверь внезапно открылась, и воробей, испуганно чирикнув, упорхнул прочь. Султан вышел, позвякивая связкой ключей. Он хмуро, исподлобья посмотрел на троих грязных, изможденных, оборванных и закованных в кандалы людей, пока еще бывших его рабами, плюнул на землю и тяжелой поступью направился к телу деда Богдана.

Чеченец не выказывал никакого беспокойства. Толстый, самоуверенный, он, казалось, не допускал и мысли, что эти рабы — его живые вещи — посмеют послушаться хозяина.

— Когда я цепи сниму, тело на свалку отнесете, — коротко распорядился Султан. — Может, найдете там место для могилы.

Станислав и Сослан переглянулись. Чеченец, тем временем, присел на корточки и вставил ключ в замок. С усилием надавил на него, стараясь повернуть в проржавевшей скважине.

Для солдата время замерло. Исчезло. Обратилось в ноль. Как и тогда, в горах, когда он успел на долю секунды опередить целищего в него из РПГ-18 боевика, движения собственных рук он увидел будто в замедленной съемке. Перед глазами стояла только массивная, коротко остриженная голова Султана с наметившейся лысиной. Правая рука до боли в пальцах сжала камень и занесла его вверх, в то время как ладонь левой уже зажимала ему рот и рвала длинными, отросшими когтями щеки.

Султан захрипел и неуклюже отмахнулся рукой назад. От этого движения он лишь потерял равновесие и неловко сел на землю, заваливаясь жирным телом на спину. Но продолговатый камень своим заостренным концом уже несся вниз. Несся и несся, почти бесконечно, с силой рассекая воздух.

Удар пришелся в самое темя. Страшный удар. Череп громко хрястнул и проломился. Рука, ощутив на мгновение ко-

роткое, жесткое сопротивление, ухнула вниз, проваливаясь в мягкую, податливую кашлицу мозгов. Они брызнули наружу вперемешку с кровью. Рука Станислава будто онемела, и на ладони, сжавшей шершавый камень, кожа была содрана до крови. Только сейчас он понял, с какой нечеловеческой силой нанес удар. Казалось, вся его воля, все существо влилось, вложилось в него.

«Убил! Убил, на хрен», — горячая кровь стучала, билась, пульсировала в мозгу.

Но он тут же поднял вверх онемевшую руку и ударил снова. В то же место. И потом опять. И опять. Бил дико и иступленно.

Садаев хрипел. Сослан стискивал еще дергавшиеся в конвульсиях ноги чеченца. Не давая телу завалиться на землю, Станислав буквально рвал отверделыми сведенными пальцами рот Султана, и продолжал бить. Алые брызги летели во все стороны. Но чеченец больше не вырывался, не хрипел и не дергал ногами. Его как-то враз обмякшее, безвольное тело медузой растекалось по земле. Он был мертв, и кровь из изувеченной головы лилась на землю.

Несколько мгновений люди стояли молча и смотрели на труп, залитый лучами яркого апрельского солнца. Все было тихо, все так же жужжали пчелы вокруг пышно цветущей у забора черешни, и лишь испуганные голуби резко, с шумным хлопаньем крыльев взлетели с крыши дома. Султан перед смертью не успел издать ни единого крика.

Выпущенный из расслабившейся руки камень, с глухим стуком упал под ноги. Несколько секунд невольники смотрели в упор на мертвого Султана, еще не в силах поверить в то, что именно они его убили.

Станислав опомнился первым. Нагнулся и быстро поднял ключи от кандалов. Пришлось повозиться, прежде чем он подобрал нужный и сумел сначала расковать себя, а потом остальных.

— Помоги, один я эту тушу не подниму, — попросил солдат, указывая на мертвое тело Султана.

Они с Сосланом не без труда подняли убитого, подтащили его к зиндану и тяжело, словно мешок, бросили на дно ямы. Туда же полетели и кандалы.

— Так, живо, парни. Сейчас еще рано. Надо сваливать отсюда, пока не пришел кто-нибудь. Пошли в дом. Я заберу оружие, а вы ищите ключи от джипа и едем. Только в темпе.

— Хоть бы там был бензин. Хоть бы там был бензин, — все время повторял Сослан.

— А ты глянь, нет тут нигде канистры?

Канистры не было.

— Ладно, сейчас некогда искать канистры. Нам бы ключи найти и оружие. Уж, наверное, машина у него не пустая стоит.

Все трое кинулись к дому. Николай, бывший до этого безмолвным и безучастным, опасливо покосился на зиндан, словно боясь, что Султан сейчас очнется и вылезет оттуда. Он вошел в дом последним, и бестолково топтался у порога.

Искать долго не пришлось. Ключи от машины лежали на небольшом полированном столике прямо у входа.

— Ага, вот они! — воскликнул солдат. — Ну, теперь уедем. Лишь бы бензина хватило.

Оружие тоже нашли почти сразу. Станислав, войдя в первую комнату, раскрыл раскладной диван и извлек из его нутра два автомата. Один из них был с подствольником. Проверил рожки. Они были полными. Тот, к которому был прикреплен подствольник, тут же повесил себе на плечо, второй дал Сослану. В углу комнаты, за диваном, лежала сумка с рожками и патронами.

— Надо еще пошарить. Здесь где-то гранатомет или РПП должны быть. Не верю, что у него их нет, — Станислав быстро ходил из комнаты в комнату, внимательно все оглядывая. — Сослан, собери чего пожрать. Про воду не забудь. А ты, Коллек, не стой столбом. Смотри из окна за воротами. Не дай бог, родственник к нему какой-нибудь сейчас припрется. Если заметишь кого, мне крикни сперва. Там посмотрим. Да не стой же ты столбом! Иди, смотри за воротами. Ну! — Станислав распоряжался быстро и толково, отдавая команды тоном, не допуская возражений.

Николай послушно встал у окна и уставился во двор. Мысли его бестолково металась, путались, напоздали друг на друга. Он подрагивал всем телом, тряся, словно в лихорадке. Горячий пот жег кожу.

«Свободны... Неужели? Неужели это все? Не может быть. А вдруг кто-то сейчас войдет? Что делать?», — путалось в голове бессвязно.

Если бы кто-то сейчас вошел во двор, он не смог бы издать ни звука. Стоял бы просто у окна и тупо смотрел на вошедшего, будучи не в силах и шевельнуться. Его челюсти конвульсивно сжались, а тонкие напряженные губы сцепились, склеились намертво, не в силах разомкнуться.

Станислав, переходя из комнаты в комнату, переворачивал мебель, открывал ящики, срывал ковры. Разбил резким ударом приклада телевизор. Экран треснул, и по его матовой поверхности побежали во все стороны зигзаги трещин. Он

ударил сильнее. Экран рассыпался с тихим осколочным звуком, и телевизор упал на пол. Солдат пнул по нему ногой и еще несколько раз ударил прикладом сверху по корпусу. Пластмасса крошилась с треском, ее куски разлетались по комнате.

Злобно хохоча, пинком сшиб с журнального столика видеомагнитофон и, приподняв обеими руками, швырнул о стену. Ударами ног разбил вдребезги стеклянные створки шкафчика с видеокассетами, перевернул его, повалил на пол. Разбросал по всему полу кассеты, с ожесточением ломая и топча их ногами. Многие метры тонкой черной видеопленки разлетались по всей комнате.

— Натe, суки! Получайте! — смеялся он радостно, счастливо.

После этого подбежал к музыкальному центру, стоящему в углу. Долбанул прикладом в динамики, в кассетник. Раздался глухой стук. Размахнулся и ударил по нему ногой. Центр опрокинулся, от него с треском отлетели ошметки пластмассы, стекла и металла. Солдат подхватил его обеими руками, поднял и изо всей силы ударил об пол, дробя корпус.

— Стас, ты чего крушишь? — крикнул Сослан из другой комнаты.

— Натe вам! Суки! Натe!

— Чем ломать, уж лучше бы с собой взяли, в машину погрузили.

— Ничего мне от этих чехов поганых не надо!

Станислав прихватил кинжал, лежавший в изголовье кровати. Вспорол им подушки и одеяла. Подбрасывал распотрошенные подушки в воздух, поддавая их ногами. Пух разлетелся повсюду.

— Ха! Вот вам! Вот! — выкрикивал он бесновато.

Солдат перебежал из комнаты в комнату, высматривая, что бы разбить, вспороть и сломать еще, вымещая, наконец, накопившуюся злобу.

Гранатомета нигде не было. Сослан уже сложил в пакет всю найденную в доме еду: несколько лавашей, куски сыра, лепешки, луковицы. Хлеб он жадно жевал на ходу и запивая остывшей водой из чайника.

— Пойдем, Стас. Слышишь? — торопил он.

— Да сейчас, блин. Граник никак не могу отыскать. Дайка мне тоже.

Станислав на ходу взял у него лепешку и, сложив втрое, быстро запихал ее в рот.

— Пойдем, быстрее.

— Ну, минуту еще. Ты пока воды в бутылки налей. Пить нам тоже надо. Да не бойся ты так, слышишь? Все нормаль-

но будет, — жуя, отвечал он. — Нам, может, отстреливаться по дороге придется. Тогда без «Мухи» никуда. Я мигом. Ага! — и солдат издал радостный крик.

Раскрыв шкаф с одеждой, и быстро вытряхнув из него на пол все содержимое, он увидел там задвинутую в дальний угол большую спортивную сумку, через которую проступали очертания продолговатого предмета. С радостным нетерпением вытащил ее на середину комнаты и расстегнул молнию. В сумке действительно лежала «Муха».

— Ну, теперь все, — крикнул солдат торжествуя и повесил РПГ-18 на плечо. — Давай, двигай. Слышишь, Колек, — и он сильно хлопнул стоявшего у окна Николая по плечу.

Тот испуганно вздрогнул.

— Да не бойся ты. Не съем. Во, дурак, тут радоваться надо, а он дрожит.

Станислав вышел из дома и направился к джипу. Открыл дверцы и велел Сослану закинуть на заднее сиденье мешок с едой. Туда же затолкали бестолково суетящегося Николая.

— Бензин есть. Доедем, — радостно крикнул солдат.

— Давай, Стас, открывай ворота, и поехали.

— Погоди. Деда Богдана с собой возьмем. Нельзя его так здесь оставлять. Эти гады вернуться, точно собакам скормят.

— Ну а мы что можем сделать?

— Надо с собой взять. Хоть похороним по-человечески, — повторил солдат упрямо и решительно вышел из машины наружу.

Сослан нехотя вылез из джипа и пошел вслед за Станиславом. Вдвоем они подняли тело старика и с большим трудом, сгибая его закоченелые конечности, буквально сложив пополам, засунули в багажник.

— Ну, все! Поехали.

— Эх, блин. Дом бы этот бензином облить да поджечь на хрен. Ишь, мразь жирная, хату какую отгрохал. Я у нас на Новгородчине таких отродясь не видал, — Станиславу вспомнились ветхие, потемневшие от времени и дождей деревянные избы его родного села, которые на фоне этого двухэтажного особняка из белого камня выглядели жалкими лачугами. — Да, блин, бензина тратить не стоит. Самим нужен. Я бы из «Мухи» долбанул, да, жаль, она одна. Да и услышат нас. Эх, блин, не судьба, видать, — снова вздохнул солдат.

Он, не торопясь, обошел машину, еще раз оглядел подворье, на котором был рабом, не спеша, снял засов с ворот, чуть-чуть приоткрыл их и выглянул на улицу. Не покидавший никогда пределов двора Султана, отгороженного высоким

кирпичным забором, Станислав увидел широкую станичную улицу впервые. Не асфальтированная, со многими ухабами и колдобинами, она была грязная после дождя, вся в глубоких лужах. В них резко отражались силуэты домов, заборов, деревьев. Вблизи дома никого не было, но где-то в отдалении слышался говор, громкий смех, детские крики.

Станислав быстрым рывком распахнул ворота настежь и сел за руль.

— Ну, поехали же. Скорее, — взмолился Николай.

— Заводи, Стас, — похожим тоном, хотя и спокойнее, поторопил Сослан.

— Вроде ничего не забыли. Все, что надо, взяли, — сосредоточенно пробормотал солдат, в последний раз оглянувшись на дом.

Он вставил ключ и повернул его. Мотор заработал. Фыркнув, джип двинулся с места и выкатил на улицу.

— Так, а куда нам ехать? Нам на восток ведь, если хотим к границе, — призадумался он. — Туда, точно. Восток там. Черт, ну и сложное здесь управление! Пока разберешься. Тоже мне, иномарка, мать ее.

Машина, повернув направо, быстро помчалась по улице. Она тряслась на колдобинах, поднимала тучи брызг, прорезая колесами глубокие лужи, и едва не давила колесами перебежавших прямо перед ней дорогу глупых кудахтающих кур. Чеченки что-то недовольно кричали вслед.

— Откуда ты знаешь?

— Что знаешь?

— Куда нам нужно ехать?

— Думаешь, я не определил направление, когда только думал, как нам сваливать? Не бойсь, на местности я ориентироваться умею. Офицеру у нас сто очков вперед дать мог. Заешь, я ведь в детстве любил по нашим лесам шариться. Все оружие с мужиками копали. Знаешь, у нас там в войну такие бои шли! В людных местах-то все давно повыкапывали уже. Ну, вот и забирались в глухомань всякую. Другие плутали. Но я не плутал никогда. Из любого леса, даже незнакомого, всегда выбирался.

Машина выехала за станицу и покатила по грунтовой дороге. Никто не обратил на нее внимания. Не попытался остановиться. Все думали, что это Султан куда-то едет по делам на своем новом джипе. Справа в полукилометре от дороги шумел Терек.

Несколько километров проехали молча. Станислав внимательно смотрел на дорогу, бросая время от времени взгля-

ды по сторонам. Степь была пустынна. Лишь пару раз где-то вдали замаячили стада овец с чабанами. На расстоянии овцы казались маленькими пухлыми белесыми комочками, раскиданными по ровной, зеленеющей земле.

Солдат держал заряженный автомат у себя на коленях. «Муха» лежала на соседнем сиденье. На задних расположились Сослан и Николай. Осетин нервно сжимал автоматный ствол и теребил пальцами рожок, обмотанный синей изолентой. Он беспокойно крутил головой и пристально вглядывался в окрестности.

Николай сидел неподвижно, сильно сутулясь, и с жадностью, с голодным блеском в глазах смотрел на мешок с едой, лежавший на сиденье рядом.

Станислав вспомнил, что до сих пор не объяснил осетину, как надо стрелять из автомата. На Николая он не надеялся вовсе. Не отрывая глаз от дороги и держа левой рукой руль, он взял в правую автомат и принялся объяснять Сослану что такое затвор, где расположен предохранитель, как переключать с одиночного выстрела на очередь.

Показал и объяснил дважды. Заставил повторить. Покосившись на Николая, подумал: «А этому ствол в жизни не дам. Все равно без толку. Этот слизняк и на курок-то нажать не посмеет».

— Ты, Сос, не бойся. Ты только, если стрелять придется, не стой никогда на месте. Если на земле будем, то падай сразу, прячься хоть за камень, хоть в рытвину, хоть куда. Лежи, головы не поднимай. И не высовывайся. Пали редко да метко. А если отсюда, из машины стрелять придется, то долбани прикладом в заднее стекло, потом очередь дай и сразу пригнись. Не смотри там, попал или нет. Сразу пригибайся, понял? Носом в пол уткнись. Потом снова пальни. И опять пригнись. Если чехи за нами погонятся, то им мало не покажется. Придется им петлять, вилять все время, чтоб пулю не словить. Я вести буду, а ты — знай себе — постреливай для острастки. Понял?

— Понял. Постараюсь попасть. Значит, это предохранитель, да? — Сощурившись, Сослан еще раз внимательно оглядел «калаш».

— Да, этот. Не забудь снять перед тем, как стрелять.

Станислав всеми силами пытался подбодрить своих товарищей, вдохнуть в них веру. То, что он говорил сейчас, с практической точки зрения было бессмыслицей. Вот так, на словах, за двадцать минут невозможно научить человека, ни разу не державшего ствол в руках, обращаться с оружием. Солдат говорил это, чтобы подстегнуть и осетина, и себя. Но при

этом прекрасно осознавал, что в случае столкновения с чеченцами рассчитывать ему придется лишь на себя, свой автомат с двумя полным рожками и с подствольником, и на гревшую взор «Муху» с одним зарядом.

Станислав не чувствовал ни слабости от многомесячного недоедания и тяжелого физического труда, ни боли от недавних побоев. Его захлестнула, накрыла горячая буйная волна возбужденной, упоительной радости. Убив Салаева и освободившись от кандалов, он почувствовал необыкновенный, бешеный, страстный прилив силы и теперь был готов хоть пешком бежать к границе.

Николай доставал из мешка куски хлеба, жевал их сам и давал товарищам. Все старались утолить вечно мучивший их голод и запивали хлеб водой из захваченных с собой бутылей.

— Блин, забыли мы шмотки новые взять, — заговорил Станислав, когда машина подпрыгнула на очередной колдобине. — Надо было переодеться сначала в доме, а потом уже ехать. А то такими оборванцами смотримся, что любой сразу поймет, кто мы такие.

— Думаешь, если бы переоделись, то не поняли бы? — не спеша, ответил Сослан, разжевывая хлеб. — Разве может русский по Чечне на джипе гонять?

Станислав криво усмехнулся и предложил:

— Ну, сам садись за руль, раз такое дело. У тебя-то рожа на чеченскую больше смахивает.

— Ничего не смахивает. Мы — осетины — на них совсем не похожи. Думаешь, они не поймут, кто я? А если будут сомневаться, то по-чеченски что-нибудь спросят. Тут я ничего им ответить не смогу.

— Ты их собачий язык совсем не знаешь?

— Ругательства знаю. Как и куда послать — это смогу сказать. И все.

— Хорошенький лексикон, — засмеялся Станислав. — Хотя больше и не надо. С этой падлотой не разговаривать, а мочить их всех надо.

Разговор оборвался. Солдат щурился от бьющего в лобовое стекло яркого солнца. Под ним, переливаясь, ярко зеленела вылезшая из коричневатой глинистой земли молодая, еще не успевшая выгореть трава. Вдали виднелись камыши, растущие по берегам реки. Ветер трепал их, и они глухо протяжно шелестели.

— Скоро станица будет. Кажется, Гребенская, — заговорил Станислав вновь.

— Нам туда нельзя, — беспокойно ответил Сослан.

— Ты погоди. Дай сообразить. Я к тому, что надо сейчас прикинуть, как дальше быть. Здесь, если километра четыре проехать степью к северо-западу, трасса есть. Асфальтированная. Она напрямиком на Кизляр идет. Только нам туда никак нельзя. Уж там-то машин полно. Чехи кругом. Нас враз запалят. Никак не проскочить. А эта грунтовка, я уверен, в соседнюю станицу ведет.

— Давайте следующую станицу быстро проскочим. Не заметят, — предложил Николай.

Он впервые заговорил членораздельно и внятно.

— Надо посмотреть сначала. Если есть объездная дорога, то рисковать не надо. Объедем, к черту. Но ее может и не быть.

— На трассу нельзя точно. Но и в станицу соваться опасно. Что, если они уже знают, что мы убежали?

— Надеюсь, не прочухали пока. Если кто и придет, то в ворота постучит, поорет, да свалит. Решит, хозяев дома нет.

Сослан вдруг резко вздрогнул и, изменившись в лице, крикнул отрывисто:

— Стас!

— Что?

— Мы же ворота забыли закрыть, когда уезжали.

Солдата как током ударило. Он даже застыл, впившись руками в руль. Мгновенно перед глазами пронеслась вся сцена выезда со двора. Он распахнул ворота настежь, сел за руль и сразу поехал. А ворота-то закрыть за собой совсем забыл. Так что можно было не сомневаться, что побег уже обнаружен, или будет обнаружен в самое ближайшее время. И тогда...

— Черт! — крикнул он. — Совсем из головы вылетело. Точно. Ворота-то распахнутые остались. Соседи сразу сообразят, что здесь что-то не так.

— Может, он не догадается? — со слабой надеждой спросил Николай.

— Чехи, и не догадуются? Ха-ха! Ты ж вроде из Города Ветров, а народ здешний не знаешь.

— В Городе Ветров чеченцев нет. То есть, есть, но мало.

— Да они через пять минут уже начнут в открытые ворота заглядывать. Рожи свои поганые туда совать. Мол, что здесь такое? Почему открыты?

Сослан помрачнел:

— Да, они сразу поймут. Хорошо еще, что Султана мы в яму сбросили. А-то такое палево было бы.

— И так палево. Без разницы, в принципе, найдут они его дохлую тушу сразу, или чуть погодя. Там во дворе кровящи было — мама, не горюй. Тут семи пядей во лбу не надо быть, чтобы сообразить, что к чему.

Николай от этих слов нервно поерзал на сиденье и тревожно шмыгнул носом.

— Может, они уже гонятся за нами? — предположил он вслух.

— Может.

— А может такое быть, что они сразу не поймут? — спросил он через минуту опять.

— Все может. Что ты, Колек, дурацкие вопросы задаешь? Как мы уезжали, кое-кто видел. Только думали, что это не мы, а Султан едет. Но теперь-то все поймут, конечно. Родственники его первыми в погоню бросятся. Тем более знают, в какую сторону мы поехали. Так что сам соображай. Или ты совсем от страха ошалел?

— Да он не от страха, а от счастья, — поправил с улыбкой Сослан. — Всего месяц как похитили его, а уже обратно домой едет. Отсюда так быстро никто еще не возвращался. Ну, разве только коммерческие. Которых ради выкупа похищали.

— Это точно. Дед Богдан вон, всю жизнь, считай, гнил здесь, на чеченцев горбатился.

— Да и я, Стас. Пять лет — не шутка. Я еще совсем молодой был, когда меня ингуши захватили. Это в 92-м было. Я как раз под Владикавказом жил, когда они напали. Наши их быстро выгнали, но меня ингуши с собой увели. Сначала в ингушском ауле рабом был. Потом через год чеченцам продали. Отца у меня нет. Он умер за год до той войны. Мать одна осталась с четырьмя детьми. Кроме меня только одна сестра старше была на два года. Бедно очень жили. И родственники тоже бедные. Поэтому я сразу сказал, что выкуп за меня не заплатят. И письма домой писать отказался.

— Да у меня та же байда. Ну откуда у деревенского парня тысячи долларов могут быть. Я еще когда только с дивизией заезжал в Чечню, то обалдел вообще. Тут такие дворцы везде понастроены, такие машины у людей есть, что нам на Новгородчине и не снились. И парни наши тоже рты все разинули. Откуда, мол, добра столько? Теперь-то я понимаю, откуда.

Впереди, километрах в трех, замаячили очертания приземистых одноэтажных домов на станичной окраине. Все трое напряженно вглядывались в них.

— Видать, Гребенская, — сказал Станислав, поджав губы.

Все встревожились еще больше, когда навстречу одна за другой проехали две машины. Люди, сидевшие в них, с интересом всматривались в джип.

— Хорошо, стекла тонированные. Нас они не могли раз-

глядеть. Я уверен, что они тут Султана все знают. И его самого, и его машину, — вздохнул Сослан.

— Это точно. На них посмотришь, так можно подумать, что все чеченцы друг другу родственники.

— Не скажи. Тейпы, то есть роды, у них, конечно, большие, по несколько сот человек. Но иные режутся между собой.

— Из-за чего?

— Да мало ли из-за чего. Они ведь и овец друг у друга угощают, и людей воруют за выкуп.

— Хотя, да. Когда я еще воевал тут, то некоторые чехи на боевиков стучали. Базы их в горах сдавали, командиров сдавали. Хотя я еще тогда понял, что верить им нельзя. В глаза тебе улыбаются, а как повернешься, так в спину стреляют. У нас так парень один с моей роты погиб. В Грозном, значит...

— Слушай, Стас, — перебил Сослан. — Давай решим сейчас, чего дальше делать. Станица близко. Никакой объездной дороги не видно. По любому придется через нее ехать.

Станислав еще раз внимательно оглядел окрестности.

— Пожалуй, так, — ответил он, наконец. — Мешкать нечего. За нами погоня может быть. Проскочим поскорее Гребенскую. А там уже легче будет. Проедем еще километров пять-шесть. Потом машину бросим и Терек переплывем. Граница там как раз по реке проходит. На тот берег переберемся и все — мы уже в Дагестане.

— А так, по полю станицу нельзя объехать? — спросил Николай.

— Если бы дорога была, мигом бы объехали. А так рисковать не стоит. До этого дожди лили. Ты посмотри, грязь какая кругом. Если бы еще земля ровная была. А-то все бугры какие-то, ямы, кусты. Если здесь влопаемся, застрянем, то вообще кранты.

Но Станислав все же остановил машину и, не выпуская из рук автомата, отошел метров десять в сторону от дороги. Почва была рыхлой, влажной. Ноги сразу же стали вязнуть в размокшей глине.

Он решительно вернулся назад и сел обратно в джип.

— Нет, объехать не получится. Через Гребенскую надо ехать. Ее проскочим, а оттуда до границы уже рукой подать.

Мимо них проехал «уазик», набитый чеченцами. Из раскрытых окон торчали волосатые руки с закатанными рукавами, державшими сигареты. Из окна задней дверцы высовывался автоматный ствол. До слуха беглецов донеслись громкие гортанные голоса. Станислав, держа руль правой рукой, палец левой положил на автоматный спуск. Но чеченцы не обратили никакого внимания на встречную машину.

Через десять минут джип уже въезжал в станицу. Недалеко от околицы, метрах в двадцати от дороги, уткнувшись тупым носом в яму, стоял ржавый и обгорелый корпус БТРа, подбитого в войну и брошенного здесь. Броня была размалевана надписями белой масляной краской на русском языке: «Смертного можно убить! Продажного можно купить! Но дух чеченцев не сломить!», «Аллах Акбар!», «Шамиль Басаев — мужчина!», «Смерть руским!» Причем, слово «русский» было написано через одно «с». Сожженный, почерневший, изрешеченный БТР зиял открытыми люками и дырами от разрывов гранат в броне. С рваными, развороченными в стороны острыми краями они напоминали застарелые, гноящиеся раны. Бросив на него тяжелый взгляд, Станислав вздохнул и отвернулся.

Желая миновать Гребенскую как можно быстрее, он поехал напрямик по центральной улице, которая оказалась заасфальтированной. На улице было много народа. Чеченцы: мужчины, женщины, подростки, дети с любопытством сворачивали головы, провожая взглядом неизвестную им машину, прищелкивали языками, галдели и плевали под ноги. Старики, важно восседая возле домов, немощно трясли головами, облаченными в папахи или тюбетейки, и тусклыми, выцветшими глазами разглядывали прохожих.

Нервы Станислава натянулись в тугие стальные тросы. Он намеренно сбавил скорость и ехал теперь не спеша, чтобы не вызывать лишних подозрений. Левая рука сжимала автомат. «Муха» в полной боеготовности лежал рядом.

Сослан тоже держал автомат наготове и беспokoйно вертел головой по сторонам.

— Если нас кто-нибудь попытается остановить, то стрелять начнем первыми и будем прорываться. Лучше уж пусть нас здесь всех положат, чем опять в яме на цепи у них гнить, — сказал он негромко, но с неожиданным металлом в голосе.

Никто не возразил. Никто не ответил. Все думали о том же самом. Николай, боязливо поежившись, еще плотнее вдавил худое костлявое тело в сиденье.

По обеим сторонам улицы тянулись ряды домов. На окраине попадались маленькие деревянные домики с крашеными наличниками. Или кирпичные, но тоже одноэтажные, неказистые и ветхие. Пространство перед ними было огорожено железной сеткой или дощатым забором, за которым виднелись разбитые грядки.

Чем ближе беглецы подъезжали к центру станицы, тем больше становилось мощных стен и каменных оград, утыканых

сверху крупными осколками искрящегося битого стекла, за которыми высились двух- и даже трехэтажные особняки из белого или красного камня. Это были массивные, роскошные, но аляповатые и причудливые строения с прилепленными к ним какими-то нелепыми верандами или башенками с остроконечными шпилями и железными орлами на крышах. Массивные железные ворота возле домов украшали литые металлические узоры. Сверху на воротах виднелись выгравированные черным арабские надписи. Возле одних ворот лежали тяжелые чугунные львы с хищно оскаленными клыкастыми пастьями. Их гривы были выкрашены в белый цвет.

«Странно, — машинально подумал солдат. — У львов — и белые гривы? И чего они зубы скалят? Вроде лежат, а не охотятся».

Подумал и подивился себе, что, несмотря на сильное нервное напряжение, продолжает фиксировать, казалось бы, ненужные детали.

В стороне, возвышаясь над строениями, поднималась острая башенка минарета с торчащими из узких окон репродукторами.

— Да-а. Понастроили тут дворцов, мать их! — протянул Станислав, невольно сворачивая голову в сторону.

Они доехали до центра станицы.

— Ты веди, не отвлекайся, — бросил Сослан.

— Не отвлекаюсь. Я все вижу.

Вдоль заборов и возле ворот стояли машины. По большей части легковые иномарки. Но попадались и старые советские «Жигули», «Москвичи», «Волги», «Нивы». Они стояли вперемешку с запыленными, заляпанными грязью «Кама-Зами».

Чеченцы, сидящие на корточках возле домов кучками по пять-шесть человек и оживленно говорящие меж собой, замолкали на миг, оглядывали джип внимательно, сворачивая вслед ему головы и ощупывая машину цепкими оценивающими взглядами.

Станислав свернул на повороте. Асфальт закончился, и машина снова затряслась на ухабах. Через минуту они должны были миновать последние строения. Впереди через какие-нибудь триста метров опять открывалась чистая степь.

— Хоть бы проскочить! Хоть бы проскочить! — бормотал Николай на заднем сидении.

— Ты чего там бубнишь?

— Хоть бы проскочить!

— Проскочим! Куда, на хрен, денемся?

Впереди медленно, будто нехотя, полз «уазик». Не желая,

на всякий случай, обгонять его в пределах станицы, Станислав снова сбавил скорость и поехал следом за ним, держа расстояние метров в сто.

— Ну, давайте, уроды, езжайте! — проворчал он нетерпеливо.

Однако «уазик» хода не прибавлял. Отъехав сотню метров от последнего дома, он вдруг встал. Дорога в этом месте была узкая, и остановившаяся машина закрыла своим корпусом едва ли не весь проезд. Объезжая ее, Станислав рисковал слететь в кювет.

— Вот гнида! — выругался он. — Ну, чего ему надо.

Из машины вылез бородатый крепкий человек в спортивной куртке и, присев на корточки, начал внимательно оглядывать колеса. Голова другого высунулась из окна.

— Черт! — Сослан до боли стиснул автомат.

Станислав нахмурился и озабоченно посматривал вперед. Джип, попадая в лужи на дороге и поднимая грязные брызги, приближался к заглохшей машине. Обочины дороги по обеим сторонам скатывались в глубокие канавы, наполненные затхлой стоячей водой. Объехать «уазик» было нелегко. Но останавливаться и ждать, привлекая к себе внимание, было нельзя.

— Ладно, попробую объехать, — сказал солдат. — Если эти будут кричать и просить остановиться, то сделаем вид, что не слышим.

Из «уазика», тем временем, вылез второй чеченец и, увидев подъезжающий джип, поднял вверх правую руку и что-то кричал. Очевидно, он просил помощи.

Станислав, как ни в чем не бывало, продолжал ехать вперед и, приблизившись к стоящему «уазу», уже приготовился повернуть руль вправо. Канавы здесь были не столь глубока, как в других местах, и ее скат выглядел пологим. Чеченец продолжал кричать и размахивать рукой. Его товарищ оторвал взгляд от колес «уазика», встал во весь рост и, обернувшись навстречу, тоже что-то кричал.

Но в этот момент сзади, со стороны станицы, раздались громкие крики, визг колес и шум быстро приближающихся машин. И тут же простучала автоматная очередь. Пули взметнули дорожную пыль в нескольких метрах от джипа. Чеченцы на дороге быстро пригнулись и устремили взгляды вперед, пытаясь определить, кто и откуда стреляет.

У Станислава, Сослана и Николая сердце екнуло одновременно и, захолонув, сжалось болезненно. Одинаковая мысль мелькнула во всех трех головах сразу: «Гонятся! За нами!» Станислав опустил стекло и, выглянув наружу, посмотрел назад. Их догоняли три машины. Передняя была уже

метрах в ста пятидесяти. Из нее нетерпеливо выглядывали бородатые лица, а один, высунувшись в окно чуть ли не по поясу, целился в джип из автомата. Увидев Станислава, он громко закричал. Одновременно с ним раздался громкий рев десятка глоток. Солдат тоже узнал чеченца. Это был Идрис — родной брат Султана Садаева. Из второй иномарки тут же высунулся человек с гранатометом и взял их на прицел.

Идрис дал очередь. Одна из пуль попала в левое зеркальце и разбила его вдребезги, другая с визгом царапнула по крыше салона. Люди из «уазика» легли на землю ничком. От машины, в которой ехали Станислав, Сослан и Николай, их отделяло не более десяти метров. Один из них торопливо подполз к своей машине, втянул тело в раскрытую настежь дверь, швырнул оттуда автомат товарищу и через мгновение скатился в кювет дороги сам, держа «калаш». Они оба залегли на скате и нервно поводили стволами с джипа на наступающие его машины, не понимая еще, кто в кого стреляет, и не зная, в кого стрелять им самим.

— Пригнитесь! Сос, стреляй назад. Прорвемся! — Солдат что есть мочи вцепился в руль и нажал на газ.

Машина поравнялась с «уазиком», резко свернула с дороги и, зарывшись передом вниз, с трудом сползла в канаву. Сзади уже били не переставая, по крайней мере, из четырех автоматов сразу, как определил Станислав на слух. Сослан, выставившись из окна, направил ствол в сторону преследователей и судорожно нажал на спуск. Но очереди не последовало. Джип сильно тряхнуло. Осетин, ударившись головой о крышу салона, испуганно нырнул обратно и вжался в сиденье.

— Стас! Не стреляет! — закричал он.

— С предохранителя снимите!

— А где он?

— Я же тебе показывал!

— Забыл уже!

Но Станислав не мог оторваться от дороги. Момент был критический. Если бы чеченцы из «уазика» сейчас открыли огонь в упор по объезжавшему их джипу, то у них, попавших под перекрестный обстрел, шансов уцелеть бы не было. Но они, очевидно, не сразу сообразили, что происходит, поэтому все не стреляли, ошалело направляя стволы своих «калашей» то на джип, то на преследующие его машины.

Станислав, с грудным рыком, перекосив лицо, вцепился руками в руль. Он знал, что стоит чеченцам из «уазика» влечь по ним пару очередей в упор — и им конец. Они за пару секунд изрешетят джип насквозь. Знал и выкручивал руль,

наваливаясь на него всем телом, не желая умирать. Машина, пробуксовывая облепленными грязью колесами и осыпая рыхлую землю, упрямо вылезла из канавы обратно на дорогу. Несколько пуль ударили в капот, оставив в нем ровные круглые дырки.

— Ну! Ну же! — кричал солдат.

Объехав «уазик», с жутким натугом джип выбрался на дорогу и на полной скорости понесся вперед. Она была свободна. Сзади неслись автоматные очереди и громкая ругань. Впереди, метрах в шести-семи по диагонали бухнул яркий взрыв, за клубилось облако едкого дыма. Гранатометчик поспешил и промахнулся. Машину тряхнуло. В лобовое стекло ударил целый смерч из комьев земли и мелких камешков.

— Руль держи! Руль! Прямо держи! — крикнул Станислав.

— Что?

— Руль держи, говорю!

Солдат изогнулся ужом и высунулся из окна с автоматом. Сослан вытянулся вперед, схватил руль и с напряженным, блестящим от пота лицом, со вздувшимися на висках и шее жилами, пытался его удержать прямо.

Станислав глянул назад. Преследователи теперь сами объезжали вставший посреди дороги «уазик». Передний «Мерседес» как раз въехал, зарываясь капотом, в канаву. Две другие машины напирали сзади. Чеченцы из «уазика», поняв, наконец, в чем дело, били с колен одиночными вслед джипу.

Станислав целился секунд шесть. Струдившиеся на небольшом пятачке машины превратились в почти идеальную мишень. Дорога стала ровнее, тряски почти не ощущалось. «Мерседес», фырча, как раз выбирался из канавы, и его передняя часть высоко задралась над дорогой. Поймав машину в прицел, солдат нажал на спуск подствольника. Через секунду в том месте, где сидел водитель, сверкнула яркая вспышка, жарко полыхнуло рыжее пламя. Громкий хлопок взрыва смешался с диким, нечеловеческим криком. Из салона «Мерседеса» повалил густой черный дым. Станислав тут же дал наугад короткую очередь в сторону «уазика» и поскорее скрылся в машине.

Почти тут же стекла джипа брызнули фонтаном осколков во все стороны. От стеклянного звона и визга царапающих железо пуль заложило в ушах. Станислав инстинктивно пригнулся, стараясь завалиться едва ли не под сидение. Вжимая лицо в колени, весь изогнулся, буквально сложился вдвое в дикой нечеловеческой позе. Сверху на него градом сыпались осколки битого стекла и летели ошметки дорогой отделки салона. Станислав почти физически ощущал над собой полет жарких стремительных пуль. Он вцепился зубами в рукав и зажмурил гла-

за. Вжаться в пол! Слиться с ним! Пули летели в сантиметрах от него, прошивали насквозь сиденья, царапали руль.

«Только бы не в бензобак попали! Тогда конец», — мелькнуло у него в голове.

Но чеченцы, громко крича, стреляли по окнам салона. Они даже не пытались целиться в колеса. Расстреливаемый джип продолжал нестись вперед.

Когда автоматные очереди на мгновение прекратились, солдат поднял голову и судорожно схватил руль. Оставшаяся на эти секунды без управления машина катила по самому краю дороги. Еще мгновение — и она съехала бы в канаву.

Станислав вырулил обратно на середину дороги. Надавил ногой на педаль, стремясь увеличить скорость. Набегающую на него неровной коричневой лентой дорогу он видел теперь еще более отчетливо, чем раньше. Видел все камешки, все бугорки и рытвинки. Лобового стекла больше не существовало. Передние сиденья были сплошь изрешечены, их спинки превратились в труху.

— Сос, пугни их! — крикнул Станислав.

Ответа не последовало.

Не оглядываясь, солдат из всех сил давил на педаль снова и снова. Очередей больше не было слышно. Опасливо выглянув из окна, он увидел, что теперь их преследуют лишь две машины. Да и от них он сумел оторваться уже метров на четыреста. Сидевшие в них люди больше не рисковали высываться из окон и не стреляли. Сзади вдалеке маячил густо чадающий подбитый «Мерседес». Из его искореженного салона вместе с дымом вырывались языки пламени. «уазик» стоял на прежнем месте. Вокруг него копошились несколько чеченцев, наклонявшихся над телом, лежащим на земле.

Погоня продолжалась. Две машины неотрывно следовали за джипом, держа прежнее расстояние. Преследователи не стреляли — попасть в движущуюся цель на такой дистанции было почти невозможно.

Немного успокоившись, Станислав заметил, что на руле от его рук остаются кровавые следы. Оторвал одну руку, поднес ее к глазам, с немym растерянным удивлением оглядывая окровавленную ладонь. Она вся была покрыта мелкими, но глубокими порезами от битого стекла.

«Перевязать бы надо, — отчего-то подумал он и усмехнулся этой мысли. — Куда там! Дадут они перевязать. Лишь бы уйти, оторваться от них».

Еще раз оглянувшись, он увидел, что чеченцы продолжают упрямо гнаться за джипом. Но расстояние не сократилось. Даже немного увеличилось. Их разделяло теперь более четырехсот метров.

Но взгляд солдата, скользнув по чеченским машинам, на них не задержался. Он несколько мгновений неотрывно смотрел на два окровавленных, нелепо скорчившихся, словно сломанные, распотрошенные куклы, изрешеченных пулями и засыпанных осколками стекла два тела на заднем сиденье. Сослан повалился набок и неуклюже ткнулся лицом вниз. Так ни разу и не выстреливший автомат его валялся на полу. Тонкое тело Николая сползло с сиденья вниз, и он сидел так, нелепо подтянув к подбородку острые, худые колени. Его безжизненная голова упиралась затылком в край сиденья. Рот был открыт, и с его уголка стекала красная струйка. Вспученный пакет с едой был пробит пулями в нескольких местах. Их тела тряслись и подпрыгивали в такт тряски самой машины. Они оба были мертвы.

Изловчившись, Станислав дотянулся свободной рукой до автомата и, притянув к себе, положил на кресло рядом. Сзади опять раздалась автоматная очередь, затем еще одна. Он снова пригнулся. Но пули пролетали мимо. За исключением одной, с визгом царапнувшей по крыше.

«Надо еще немного оторваться от чехов. Впереди станица, но туда ехать нельзя. Нечего и думать. Они наверняка уже связались с тамошними, — быстро соображал он. — Оттуда даже могут двинуться навстречу, чтобы перехватить меня здесь. Зажать с двух сторон. Надо еще чуть-чуть оторваться, а потом бросить машину и бежать к Тереку. Переплыву реку — все закончится. Дальше они не сунутся. На том берегу уже Дагестан».

Русло Терека пролегало справа, в полукилометре от дороги. Станислав видел из окна верхушки тростниковых зарослей по берегу реки. Они были густы и широки, разбегаясь по обе стороны на сколько хватало глаз. По кромке тростника, там, где почва была посуше, из глинистой земли торчал густой и колючий кустарник. Настоящие дебри из переплетенных между собой шершавых стволов и корявых шипастых веток.

«Надо бежать туда. Сейчас плыть нельзя. С берега увидят и расстреляют. Но я там спрячусь. Без собак не найдут. Спрячусь и отлежусь в тростнике. А ночью переплыву на тот берег», — решил он мгновенно.

Впереди показался небольшой поворот, миновав который, джип на некоторое время вообще исчезал из глаз преследователей, скрытый кустарником, подбиравшимся к дороге почти вплотную. Мгновенно приняв решение, Станислав еще сильнее надавил на газ. Стрелка, показывающая скорость, резко дернулась в сторону. Ветер сквозь выбитое лобовое стекло со свистом и гудением, упруго и хлестко бил в лицо. Солдату приходилось жмурить глаза и упирать подбородок в грудь. Машина промчалась за поворот.

Здесь Станислав повернул в сторону реки, проехал сотню метров и резко затормозил. Он торопливо вынул рожки из автомата Сослана и засунул их в карман. Потом свой автомат надел на плечо, подхватил трубу «Мухи» и рваный пакет с провизией, открыл дверь и изо всех сил бросился к кустам.

Бежал быстро, с отчаянной решимостью, прижимая пакет к груди. Автомат болтался на плече и бил в спину прикладом. Ноги, долго таскавшие на себе кандалы, были теперь легки, почти невесомы.

Добежав до кустов, он присел, в последний раз оглянулся на дорогу, и упав на четвереньки, не помня себя, стал продираться вперед сквозь чашу. Ладони натыкались на колючки и острые камни. Сучки обдирали тело, едва укрытое драной солдатской курткой, ветви с отяжкой хлестали по лицу, оставляя на нем красные припухлые полосы. Автомат и гранатомет то и дело цеплялись за сучья, и он рвался вперед, безжалостно обламывая ветви. В ушах стоял такой треск и хруст, что, казалось, его можно услышать за километр. Станислав, матерясь под нос, упорно лез вперед. Шума подъезжающих машин позади не было слышно, и он понимал, что чем быстрее доберется до тростниковых зарослей, тем выше его шансы спастись.

Заросли были очень густы, почти непроходимы и на километры простирались по берегу в обе стороны. Наверное, здесь действительно когда-то была старица. Он затаится среди этих бесчисленных коленчатых, нудно шелестящих на ветру, тростниковых побегов до ночи. Если понадобится, то он сорвет тростинку, полую внутри, нырнет под воду, и будет лежать на дне, дыша через нее до тех пор, пока облава не кончится.

Станислав добрался, наконец, до тростника и рухнул на землю. Потное, взмокшее, изодранное тело упало на мокрую болотистую почву. От нее отдавало сырым холодом. В нос ударил запах тины и гниющих растений.

Не останавливаясь ни на минуту, солдат пополз вперед, стараясь двигаться осторожно и шуметь как можно меньше. Он полз по диагонали влево, стараясь не находиться на прямой линии с брошенной машиной. Если чеченцы сразу же откроют огонь по кустам и камышам, то они инстинктивно будут стрелять прямо перед собой.

Станислав до боли в локтях вжимался в вязкую, тягучую почву. Извиваясь всем телом, он полз как змея. Пакет, чтобы не мешал, взял в зубы. Ему казалось, что, несмотря на все его старания, тростник вокруг него ходит ходуном. Он каждую секунду ожидал автоматной очереди или выстрела из гранатомета. Временами останавливался, прислушивался.

Но все было тихо. Резкий ветер пригибал тростник к земле. Пахло затхлой стоячей водой. Сухие прошлогодние побе-

ги чередовались с молодыми и зелеными. Справа вдруг затрещал тростник, что-то живое завозилось в зарослях и бросилось напролом прочь. Станислав вспугнул лысуху. Ее черные перья на мгновение мелькнули перед глазами солдата.

Он полз уже по мелкой воде. Весь перемазанный в жидкой грязи. Руки проваливались почти до локтей. Но солдат продолжал упорно ползти и ползти вперед.

Вдруг со стороны дороги раздался шум фырчащих машин и громкие чужие крики. Станислав понял, что чеченцы доехали до брошенного джипа. Он приник к земле, затих и прислушался.

До слуха Станислава долетали обрывки чужих нерусских фраз и громкая ругань. Чеченцы меж собой говорили на своем, но ругались матерно по-русски.

Солдат очень осторожно, фиксируя каждое свое движение и стараясь не задевать, по возможности, тростниковые стебли, снял с плеча автомат и положил прямо перед собой. Опустил лицо ничком, коснувшись горячей, распаленной щекой воды. Она была холодная. Осторожно зачерпнув, Станислав набрал ее в ладонь и провел по щеке. На ладони осталась темная грязь. Потом так же осторожно ополоснул ее, набрал воды и провел теперь уже по другой щеке. Затем очень медленно, стремясь не задеть и не пошевелить ни одного стебелька, обмыл лицо и шею.

Чеченцы тем временем по-прежнему топтались возле джипа на дороге и о чем-то возбужденно переговаривались. Станислав ожидал, что вот-вот затрещат автоматы, зло загавкают громкие гортанные голоса, и его враги начнут поливать все вокруг очередями, сбивая пулями тростник и выкашивая проплешины в зарослях.

Но выстрелов не было. Очевидно, чеченцы опасались, что он залег в кустах где-то у дороги и сейчас рассматривает их, столпившихся у изрешеченного джипа, через свой прицел.

Быстро попрятавшись за машины, они лишь поводили стволами во все стороны, стремясь уловить малейшее движение в кустах или в тростнике, и напряженными волчьими глазами шарили по «зеленке». Тростник монотонно шумел, пригибался от ветра, шелестел метелками. По зеленой чаще бежали крупные волны.

Напряженное ожидание длилось несколько минут. Чеченцы не стреляли. Тростник все так же шелестел, шуршал, колыхался. Послышался отдаленный глухой плеск крупной рыбы.

Станислав лежал не шевелясь. Он смотрел вперед и видел, как в просветах между побегам блестят мутноватая, стре-

мительно текущая на восток вода, совсем близко, метрах в десяти от него. Замерев и боясь дышать, он вслушивался, изо всех сил напрягая слух, стремясь уловить хоть малейший звук, малейшее движение. Но ветер стих внезапно, и теперь он не слышал даже тростникового шелеста. Внезапно повисшая, давящая тишина резала слух острыми бритвами.

Чеченцы, не приметив ни в тростнике, ни в кустах никакого движения, тихо переговаривались между собой. Выйти на открытое место они не решались. «Мерседес», подоженный метким выстрелом из подствольника, и изуродованные человеческие тела, вытащенные из него, врезались им в память жуткой картиной внезапной нежданной смерти. Ведя преследование, они не особенно старались сократить дистанцию до джипа. Не столько из-за того, что не могли этого сделать, сколько из-за страха перед вторым метким выстрелом.

Наконец, не вытерпев, кто-то рявкнул громко, отрывисто, и семь человек разом открыли огонь. Стреляли прямо перед собой, вперед. Прошивали сначала кустарниковые заросли. С испуганным криком прыснули в разные стороны птицы. Кусты трещали, ломались, отбитые пулями ветки падали на землю.

Как только поднялась стрельба, Станислав сразу же стал отползать по диагонали в сторону, пробираясь при этом ближе к воде. Когда до нее осталось метра четыре, его руки, а затем и тело резко провалилось. Он, стоя на четвереньках, ушел в водянистую жижу по шею. Руки неприятно стыли, тело передернула зябкая судорога. Стараясь согреться, Станислав попеременно вытаскивал руки из мягкой, чавкающей студеной массы воды, ила и гнилых тростниковых стеблей и, подержав их немного на воздухе, опускал вновь. Руки вязли в податливой жиже, проваливаясь в склизкий ил почти по локоть.

Со стороны дороги гроыхали автоматы. Расстреляв кусты, чеченцы теперь выкашивали пулями тростник. Однако их пули ложились вдалеке от того места, где затаился солдат. Видя, что никто не стреляет в ответ, чеченцы приободрились и, повысовывавшись из-за машин, кричали громко, во весь голос и матерились по-русски.

«Как хорошо, что я отполз в сторону. Если бы прямо полез, они б меня положили сейчас», — подумал солдат, опустив голову и коснувшись щекой воды.

Чеченцы опустошили рожки и теперь вставляли новые. Гулко гроыхнуло несколько выстрелов из подствольника. В зеленую гущу врезались гранаты, жарко разорвавшись среди тростника. Тихо потрескивая, занялись несколько сухих стеблей — по ним, не спеша, поползли маленькие языч-

ки пламени. Жахнул гранатомет. В месте взрыва липкая грязь взметнулась в стороны тяжелыми комьями. Снова поднялся ор, и опять загремели очереди.

Теперь они стреляли веером во все стороны. Встав в полный рост, с остервенением в лицах косили тростник. Несколько сбитых побегов свалились недалеко от того места, где скрывался Станислав. Он еще сильнее вдавил тело в мягкий, проседающий под тяжестью его тела ил и почти совсем скрылся под водой, оставив на поверхности только голову. Оружие было тут же, под ним. Он с силой зажал автомат ногами меж коленей.

Время шло. Солдат сидел неподвижно. Он совсем закованел, но не решался выползти на сухое место. Били теперь не сплошным шквальным огнем, а изредка, короткими хлесткими очередями. Чеченские голоса слышались гораздо ближе. Станислав понял, что они принялись рыскать среди тростника, надеясь отыскать его в зарослях. Он поднимал над водой то одну, то другую руку, яростно дул на стылые, закованные побледневшие ладони, стараясь хоть как-то их отогреть. С изодранных перепачканных глинистой грязью рукавов с шумом стекали ручьи. Станиславу казалось, что журчание этих ручьев слышно за сотни метров, и он быстро совал нестерпимо стынущие руки в воду и, поскрипывая зубами, сидел неподвижно.

Чеченцы, идя по двое, углубились в заросли, и теперь постреливали сквозь них, прямо. Их шаги, шум ломающегося тростника и голоса раздавались справа, слева, сзади, из-за спины. Он почти совсем нырнул под воду и, перевернувшись на спину и оставив на поверхности только нос и рот, осторожно нагреб над собой кучу из желтых сухих тростниковых стволов. И лежал так неподвижно, вжимаясь мелко подрагивающей спиной в склизкое илистое дно. Впрочем, чеченцы лишь раз подобрались близко к его убежищу и шумно продрались сквозь тростник метрах в десяти от него. Разглядеть Станислава в этом желто-зеленом хаосе тростниковых побегов было практически невозможно.

Прошло часа два. Чеченцы пробрались к воде и оглядывали Терек пытливыми хищными взглядами, размышляя, не успел ли солдат его переплыть. На всякий случай исполосовали пулями кусты на противоположном берегу.

Потом они вылезли из тростника и долго бродили где-то возле дороги. Сзади слышался сухой хруст выдираемого, вытаптываемого кустарника. Теперь его искали там.

Выстрелы гремели теперь редко, хаотично, недружно. От дороги вдруг потянуло едким чадящим дымом, гарью. Станислав догадался, что чеченцы пытаются поджечь тростник.

Но он, живой и напитанный влагой, горел плохо. Пламя, объедая облитую бензином площадь, натывалося на свежую зеленую стену и, шипя, гасло.

«Как хорошо, что у них нет огнемета. Как хорошо. А-то выжгли бы тут все «Шмелями» на хрен», — засверкала в голове бодрая радость.

Наконец облава закончилась. Чеченцы расстреляли почти весь свой боезапас. Перепачканные грязью, усталые и злые, с изрезанными в кровь руками от жестких, узких, с острыми краями листьев, они поплелись к машинам. Там еще долго возились, прицепляя к джипу трос, чтобы тащить его на буксире обратно во Внезапную.

Тела убитых они выбросили из машины наружу. Нашли в багажнике и швырнули наземь труп деда Богдана. Сложили всех троих в ряд. Обильно полили бензином и подожгли. Обгорая, тела чернели, скукоживались. Человеческое мясо трещало, жирно чадило черным густым дымом, распространяя вокруг гадостный сладковатый запах.

«Убитых жгут, суки», — догадался Станислав.

Чеченцы смотрели на огонь долго, не отрываясь. Зло шурили волчьи глаза, переговариваясь вполголоса.

Когда пламя почти совсем догорело, оставив на почерневшей земле обугленные скелеты, опутанные спекшейся паутиной сухожилий, чеченцы уехали, зацепив тросом джип и дав на прощанье еще несколько очередей по зарослям.

Станислав, едва живой от холода, выполз из воды и лег на сухие побеги. Так он лежал несколько часов, почти не в силах пошевелиться. Припекающее весь день почти полетнему солнцу уже готовилось свалиться за горизонт, распространяя длинные, красноватые предзакатные лучи. Солдат, стуча зубами, поднимал к нему лицо, вытягивал посиневшие руки. Он сбросил с себя мокрые лохмотья, ловил лучи своим иззябшим, продрогшим до костей телом. Чувствовал их каждой клеткой. Напрягал, сжимал мускулы, стремясь унять холодную дрожь. Тепло, наконец-то тепло.

Станислав открыл пакет. Лепешки и хлеб с сыром, пропитавшиеся насквозь водой, превратились в противное и свалывшееся месиво. Но он загребал его горстями, запихивал в рот и глотал, почти не жуя. Оно отдавало затхлым болотным запахом. Однако он не обращал на него внимания и глотал торопливо и жадно. Вместе с едой к нему понемногу возвращались силы.

Он слышал, как чеченцы возились возле разбитой машины, слышал треск костра и чуял запах горелой человеческой плоти — запах, источаемый сожженными танками, такой

знакомый ему с войны. Станислав все понял. Но ползти обратно не стал. Ему хотелось запомнить товарищей в обличье живых людей, а не обгорелых обугленных кусков мяса.

«Эх, дед Богдан, — подумал вдруг солдат. — Не быть тебе похороненным по-людски. Я-то думал, хоть могила у тебя будет, а эти гады даже тела твоего не оставили. Сожгли и бросили. Кости теперь собаки обгложут». Он вспомнил старика, умершего ночью, потом изрешеченных, искромсанных пулями Сослана и Николая, и ему стало тоскливо.

«Хоть ты, Колек, и трус был позорный, но человек все ж», — Станислав поднял глаза к небу и вздохнул протяжно, устало.

Он доел все содержимое пакета и отбросил его прочь. «Муха» и автомат лежали рядом. Но он уже почти не смотрел на них, будучи отчего-то уверенным, что они больше не понадобятся.

Солнце село, но воздух был еще теплый. Мысли солдата путались. Он впал в какое-то полузабытье. Лежал на спине. Иногда приподнимал голову и прислушивался. Но не мог уловить ничего, кроме шелеста тростника и криков птиц.

Так он пролежал до темноты. И когда черная южная ночь накрыла Терек словно буркой, он, собрав силы, встал и пошел к воде. Ему оставалось совершить последнее усилие — переплыть на другой берег. Станислав довольно долго бродил по мелководью вдоль тростника, шлепая ногами и пытаясь почти на ощупь отыскать какую-нибудь корягу. Плыть без нее через быстро текущую реку с еще холодной водой он не решался.

Взошла краюха луны и посеребрила дорожку на речной ряби. В этом причудливом свете он видел темную шумящую стену зарослей, в которых просидел весь день, видел бегущую мимо него воду и жадно смотрел на точно такие же заросли тростника на другом берегу Терека, отделенного от него сотней метров водного потока. Станислав, напрягая зрение, вглядывался себе под ноги и шарил по мелкой воде руками. Наконец, они наткнулись на что-то сырое, шершавое. Старый сухой ствол какого-то небольшого дерева прибило течением здесь, и он застрял в тростнике.

Закинув на левое плечо «Муху» и автомат, сбросив ботинки, солдат с шумом и плеском вытащил корягу из зарослей. Она была легкая. Он смело пошел вперед, в реку, и толкал корягу перед собой. Вода достигла его пояса, потом груди. Ствол сносило течением, но он всякий раз выправлял его и толкал вперед, будто таран. Наконец, когда вода уже залила плечи, а он сам едва шел на цыпочках, Станислав резко оттолкнулся от дна обеими ногами и поплыл. Он изо всех сил загребал правой рукой, обхватив древесный ствол левой, от-

чаянно болтал ногами. Высоко поднимал голову над водой и громко, словно тюлень, отфыркивался. Быстрое бурлящее течение крутило его вместе с корягой, несло прочь. Но он упрямо продолжал загребать рукой. Древесный ствол был легкий и плыл как кусок пенопласта.

Еще, еще. Станислав греб. Ствол сносило. Он ухитрялся толкать его под водой ногами, наваливаясь всей массой тела, возвращал прежнее направление — вперед, к берегу.

До него оставалось уже немного. Метров пятьдесят до стелы тростника. Он греб с остервенением, греб, не помня себя. Труба «Мухи» соскользнула с плеча и теперь бултыхалась где-то в районе локтя, мешая ему плыть. Он отбросил ее прочь, и она сразу пошла ко дну.

Перед глазами в лунном свете проплывали очертания берега. Он был высоким, прямо у воды начинались ровные отмели, песчаные или галечные. Прямо за ними возвышался небольшой обрыв.

Станислав опять начал коченеть. Ночью вода казалась еще более холодной, чем днем. Он яростно работал ногами, плескал ими по воде, фыркал и плевался, но течение, особенно быстрое на середине реки, с неумолимой силой влекло его дальше. Надо было плыть, плыть к берегу. Он чувствовал, что силы уже покидают его и конечности деревенеют, набухают, наливаются тяжестью. Все труднее грести, все труднее продвигаться к берегу, все труднее дышать. Бревно несет по течению. И ему уже не хватает силы, чтобы его преодолеть.

И тогда Станислав решился. Он сбросил с левого плеча автомат. Потом, изловчившись, содрал с себя лохмотья хэбэшной куртки. И, оттолкнувшись из последних сил от коряги, он поплыл крупными саженками прямо вперед.

Сила, которую придало отчаяние, позволила самостоятельно держаться на воде. Станислав, надрываясь, греб. Глотал воду. Уходил в нее с головою. Но всякий раз упрямо выныривал, ощущая от жесткой пресной воды резь в глазах. Плевался с хрипом. Снова греб. От напряжения он уже не мог вздохнуть и лишь, как рыба, хватал ртом воздух. Его легкие разрывались.

Последние взмахи руками он совершал неосознанно, уже почти не чувствуя их. Шлепал ими по воде, будто деревяшками. И когда силы совсем уже его оставили и ноги безвольно стали погружаться вниз, ко дну, он внезапно почувствовал облегчение. Станислав даже не сразу понял, что произошло. Он стоял. Просто стоял во весь рост, упершись ногами в дно. Вода плескалась где-то на уровне груди. Он переплыл Терек.

Ничего не чувствуя и ничего не соображая, солдат побрел вперед. Вода шумно стекала по его голому, блестящему торсу.

Дошел до берега. Почти на ощупь полез на обрыв. Глина мягко осыпалась под ногами, и он пару раз срывался, съезжал вниз. Но поднимался и снова упрямо карабкался вверх. Наконец поднялся и пошел вперед. Продрался через кусты, росшие сразу же за обрывом крутого берега. Их ветки царапали, обдирали тело, а босые ноги кололи острые камешки и сухие сучки. Но он не чувствовал боли.

Станислав упрямо шел вперед. Коченел от холода и дрожал всем телом. Мокрые штаны липли к ногам, холодили кожу. В его голове мелькали обрывки мыслей. Он почти ничего не видел перед собой в густой непроглядной мгле. Луна спряталась за тучи. Солдат брел и брел вперед, ощущая под ногами то жесткую траву, то острые камни, то затвердевшую глину. Подошвы ступней превратились в раны.

Иногда, чтобы хоть немного согреться, пробовал бежать. Но, спотыкаясь о кочки, бугорки или вылезшие из земли корни растений, почти сразу же тяжело падал и лежал ничком.

Однако страх замерзнуть, умереть здесь, уже на этом берегу, всякий раз заставляла его подниматься и продолжать путь.

Станислав попробовал крикнуть.

— Э-э-э-э! А-э-а-э! — жутко раздалось в ночной тиши его хрипение.

Челюсти свело болезненно, глотка заоченела. И он не смог их больше разомкнуть, как ни старался.

Солдат уже не понимал, куда он шел и как долго. Просто шел, чтобы не упасть тут и не умереть.

«Упадешь — умрешь. Замерзнешь — умрешь», — буравило мозг.

Перед глазами все расплылось. Ночная мгла куда-то постепенно отступила, рассеялась, растворилась в блеклых серых сумерках. В ушах звенело. Он остановился и потряс головой. Звон не прекратился. Прислушался, с трудом соображая. Вместо звона ему теперь отчетливо слышались крики птиц.

«Откуда птицы, сейчас ночь», — подумал Станислав машинально.

И сам удивился тому, что еще способен думать. Он снова затряс головой. Сумерки не исчезли. Окрестности проступали серыми, тусклыми, расплывающимися очертаниями. Тьмы больше не было.

Он глянул вперед и увидел метрах в пятидесяти от себя огни. Они, ярко-желтые, словно чьи-то огромные глубокие глаза, медленно приближались, напоздали на него в этом сером туманном мареве. А может, это не глаза, а просто свет фонарей? Хотя, какие здесь фонари...

Солдат пошел навстречу. Под разбитыми и ободранными в кровь ногами он больше не ощущал ни камней, ни шипов. Он шел по чему-то ровному, твердому и влажному.

Станислав остановился и посмотрел вниз. Наклонился и потрогал руками. Пальцы ощутили гладкую непроницаемую поверхность.

«Асфальт», — догадался он.

В предрассветных сумерках с выпавшей за ночь росой он брел по шоссе. Ярко-желтые огни впереди были фарами едущей прямо на него машины. Они сверкнули теперь совсем близко, почти ослепив его, и остановились, замерли на месте.

Из «уазика» выскочили люди в серой, мышинового цвета форме и обступили солдата. Станислав тарашился на милицкий патруль и с радостью увидел на рукавах людей шевроны с российским триколором.

— Оттуда... Бежал... Двое в джипе... Станица Внезапная... Чечня... — ворочал он бессвязно ватным языком. — Я один... Там деда Богдан... Остался... В багажнике... Соса и Колька чичи завалили... Сожгли... Я из-под Новгорода... Мотострелок... Переплыл Терек... Младший сержант... Бежал...

Люди бестолково топтались вокруг него, удивленно переглядывались. Трясли его за плечи и переспрашивали.

— Бежал... Из Чечни... Мотострелок... — упрямо повторял он, с трудом расклеивая заочневшие губы.

Но его уже никто не слушал. Громко и возбужденно галдя и торопливо бормоча что-то в трещащую рацию, милиционеры набросили на его посиневшие плечи бушлат, и повели к машине. Цокали языками и качали головами. Улыбались, хлопали по спине.

Но Станиславу было уже все равно. Он втиснулся на заднее сиденье «уазика». Тепло. Наконец-то тепло. Сиденья согреты сидевшими на них людьми, в салоне прокурено, крепко надышано табаком. Над головой водителя тускло мерцает слабенькая лампочка.

В рот ему вставили горлышко бутылки. Глотнув, он ощутил ожог и чуть не задохнулся от водки.

—пей, согреешься, — кричал ему кто-то в самое ухо.

И он пил. Понемногу приходил в себя и несмело улыбался.

— В Кизляр! — коротко бросил водителю русоволосый и широколицый лейтенант.

Машина тронулась.

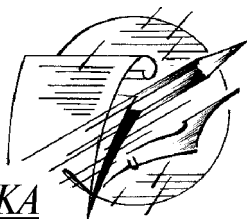
Виктор ИЛЮХИН,
депутат Государственной думы

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

О коррупции и мерах по ее обузданию сегодня говорят почти все, и даже сами жулики, казнокрады и мздоимцы, но со своих позиций, со своими оценками и интересами. Смею утверждать, что масштабы российской коррупции таковы, что она реально стала национальным бедствием, в отношении ее необходимо принимать жесткие и радикальные меры.

Однако замечу, что в России больше говорят и совершенно мало делают для пресечения этого зла. Видимо, тоже не случайно. Не хочу быть голословным, сошлюсь на факты.

11 мая 2006 года президент России, в то время В. Путин, обратился с очередным посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации. Надо отдать должное, он был откровенен в своих оценках происходящих в стране процессов. С одной стороны, по его утверждениям, успешно реализуются национальные проекты, с другой — низкий уровень доверия граждан к государственной власти, погрязшей в коррупции, и к крупному бизнесу, которые не оправдали надежд, возникших у миллионов людей в начале 1990-х годов. Такая оценка, в первую очередь, связана с тем, что представители власти и бизнеса, как выразился президент, «пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан».

Казалось, власти и бизнесу вынесен суровый приговор, за которым должны последовать не мнимые, а реальные жесткие меры, в том числе и по изменению государственного устройства, форм собственности и присвоению произведенного национального продукта. Но нет, ничего подобного не последовало, все осталось в прежнем состоянии.

Надо отметить, что президенту Д. Медведеву досталось тяжелое наследие, которое трудно, но, думаю, можно уменьшить, если, конечно, он будет последовательным в реализации своих намерений.

Дело в том, что коррупция получила наибольший размах за последние 10 лет. В этот период были подобраны и расставлены министры, руководители иных федеральных ведомств и департаментов, определен губернаторский корпус, сформированы суды различных уровней, высшее руководство прокуратуры, следственных подразделений, то есть те люди, при власти и во власти которых и произошел расцвет коррупции. Одни стали откровенными предателями государственных интересов, другие не смогли этому воспрепятствовать.

Это огромная чиновничья инертная масса, которой невозможно или весьма трудно задать новое направление в движении. Она-то, фактически, и стала завалом на пути обнаруженных президентом предложений.

Власть, во многом отказываясь выполнять свои прямые обязанности, резко стала деградировать. Рубль для определенной категории людей оказался не заработанным, а присвоенным, и это разращение достигло невиданных доселе масштабов. В России произошла утрата многих нравственных ценностей и устоев.

Мы пока констатируем, что большинство людей с осуждением относятся, например, к взяточничеству. Это хорошо. Плохо другое — опять-таки большинство в обществе считают взятку самым эффективным способом решения вопросов, возникающих у людей во всех сферах жизни. В стране нет и, думаю, долго не будет обстановки всеобщей нетерпимости к мздоимству. В этом во многом виновато государство, которое нередко само провоцирует чиновников на поборы. Давайте вспомним еще недавние времена, когда месяцами не выплачивалась зарплата сотрудникам милиции, учителям, врачам, аппаратным работникам. Нельзя забывать и о тех мизерных окладах, которые являются просто унижительными.

Необходим комплекс мер по государственному и общественному контролю за поведением чиновника. К сожалению

нию, этот механизм пока не выработан. С другой стороны, смею утверждать, что власть, коррумпированная снизу доверху, сама с собой бороться не будет. Однако у президента Д. Медведева есть определенные основания рассчитывать на успех хотя бы в некотором кадровом очищении. Но об этом чуть ниже, а пока остановимся на понятии «коррупция». Ее определение в международном праве в основном сводится к тому, что коррупция обозначается как злоупотребление государственной, муниципальной (местной) властью для получения выгоды в личных целях чиновника. Российское законодательство в принятом в декабре 2008 года пакете законов определяет коррупцию примерно так же, как злоупотребление властью, должностным положением в корыстных целях и вопреки интересам государственной и муниципальной службы. Если говорить проще, коррупция — это продажность чиновника, управленца, в том числе и в сфере коммерческой, банковской деятельности.

Понятие коррупции никогда не сводилось и не отождествлялось только со взяточничеством. Оно гораздо шире. В пакете законов выделены группы преступлений, имеющих коррупционную направленность. Если говорить о международно-правовых актах, направленных на усиление противодействия коррупции, то их достаточно много. Они носят финансовый, административный, гражданско-правовой и уголовно-правовой характер. Назову лишь важнейшие документы в хронологии их одобрения.

8 ноября 1990 года была принята Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности. К сожалению, Россия ратифицировала ее лишь 28 мая 2001 года. Наверное, не надо объяснять, почему так поздно. Ответ прост. Ельцинской команде, в которой главной фигурой был Б. Березовский, растаскивающей национальное достояние страны по частям, конвенция в случае ее ратификации была бы пусть небольшим, но все же препятствием для казнокрадства и жульничества.

27 января 1999 года Совет Европы принял Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, а 4 ноября 1999 года Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за нее.

И одним из самых весомых актов является Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, которая является комплексным универсальным международным договором, препятствующим развитию и распространению коррупции во всех сферах жизнедеятельности.

Все названные конвенции ратифицированы Российской Федерацией, являются для нас обязательными в исполнении.

Ряд их положений учтен в нашем отечественном законодательстве.

Теперь о российских законах, направленных на усиление противодействия коррупции. Традиционно мы начинаем говорить о Конституции Российской Федерации, потом приводим законы, регулирующие порядок прохождения государственной службы, о судеустройстве, прокурорском надзоре, называем уголовный и административный кодексы, иные законодательные акты, ведомственные нормативные документы и многое другое. А теперь у нас есть специальное законодательство по противодействию коррупции. Законодательных, нормативно-правовых актов тьма, а коррупция как процветала, так и продолжает процветать.

Почему? Ответ на поверхности. Во-первых, как уже отмечалось, продажный чиновник никогда не обеспечит неукоснительного исполнения законов. Во-вторых, по злому умыслу тех же чиновников из президентских, правительственных структур, некоторых народных избранников многие российские законы несовершенны. Они — полумеры и даже хуже того в предупреждении беловоротничковой служебной преступности. Из этого следует один очень важный вывод — без великой кадровой революции невозможно нанести ощутимый удар по коррупции.

Обратимся к Основному закону страны. Его отдельные конструкции, на мой взгляд, носят незавершенный характер, а сам закон, ориентированный в своей сути на демонтаж прежней системы, так и не стал надежной базой для развития истинного народовластия.

Совет Федерации систематически потрясают коррупционные скандалы. Не в последнюю очередь и потому, что он формируется не путем прямых тайных выборов всем населением страны. В нем находятся представители руководителей исполнительной власти субъектов Федерации и «посланцы» законодателей тех же регионов. Их выдвижение в Совет Федерации фактически происходит кулуарно, зачастую по подсказке из Кремля, а побудительными мотивами назначения нередко становятся корыстные интересы отдельных должностных лиц. Вот почему представителями республик, краев, областей в Совете Федерации нередко становятся люди, ранее не имевшие никакого отношения к региону, который они представляют.

И еще один серьезный конституционный изъян — концентрация огромной власти в руках президента, власти, переходящей в абсолютизм. Этим, несомненно, злоупотребляют люди из его окружения.

Процедура отрешения президента от занимаемой должности за неблагоприятные поступки, предусмотренная ст. 93 Конституции РФ, является громоздкой и фактически нереализуемой. Отсюда проистекают бесконтрольность и вседозволенность. А где есть безответственность, безнаказанность, там и разложение власти.

Конституция не содержит положений об императивном мандате, о праве избирателей заявить о досрочном прекращении полномочий депутата Госдумы. Само Федеральное Собрание фактически лишено какого-либо реального контроля за исполнительной властью. Разрушает независимость прокурорского надзора и та часть ст. 129 Конституции РФ, где закреплено, что прокуроры республик, краев, областей, Москвы и Санкт-Петербурга назначаются Генеральным прокурором РФ по согласованию с субъектами Федерации, в том числе и главами исполнительной власти.

В этих условиях специальное законодательство по противодействию коррупции просто необходимо, хотя, повторюсь, по сравнению с началом 90-х годов у нас есть законы, регулирующие порядок пребывания на служебной стезе, законы о судопроизводстве, а также законы, регулирующие ведомственную деятельность, есть административный, уголовный кодексы и т.д.

Необходимость в специальном законодательстве проистекает из того, что оно является базой, вокруг которой и на основе которой должны разрабатываться и приниматься все правовые нормы по противодействию коррупции и в первую очередь те, что в сути своей носят предупредительный характер. Применение уголовного кодекса — это последнее воздействие, к которому прибегают только тогда, когда не сработали все остальные меры. К сожалению, у нас в стране все наоборот.

Мы должны иметь специальное законодательство, ибо этого требуют и международные конвенции, к которым Россия присоединилась. Если говорить о содержании президентских инициатив, то они какой-либо радикальности не несут. Хотя, как уже отмечалось, они ценны уже потому, что именно президент стал инициатором их принятия. В блоке четыре закона. Закон о противодействии коррупции содержит не только определение коррупции, но и предусматривает в обязательном порядке внесение деклараций о доходах для всех чиновников и еще раз закрепляет понятие конфискации имущества виновных лиц. Внесены изменения в закон о правительстве, обязывающие всех членов правительства представлять декларации о своих доходах. Два других закона приня-

ты в связи с ратификацией Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 31 октября 2003 года. Они уточняют порядок прохождения службы в правоохранительных органах, в прокуратуре и на судебном поприще, уточняют порядок внесения деклараций о доходах, наделяют финансовые, оперативные службы дополнительными полномочиями по проверке достоверности заявленных деклараций и по отысканию имущества, незаконно нажитого или не указанного в декларациях.

При обсуждении законопроектов в первом чтении споры развернулись по ряду существенных моментов. Например, по кругу лиц, которые обязываются представлять декларации. Президент ограничился чиновниками, их супругами и несовершеннолетними детьми. Считаю, что декларации должны подаваться в обязательном порядке супругами и в отношении всех лиц, находящихся на иждивении государственного и муниципального служащего. Социальное положение несовершеннолетнего ребенка мало чем отличается по доходам от студента вуза или иного учебного заведения. Такая поправка мною была внесена ко второму чтению по законопроектам, но она не нашла поддержки у нынешнего думского большинства в лице фракции «Единая Россия», и прошел президентский вариант.

Состоялась большая дискуссия по самому понятию «конфискация имущества». В законопроекте оно сводилось к изъятию только незаконно полученного, в том числе и от ценных бумаг, запущенных в оборот чиновником. Моя позиция заключается в другом. Конфискация подлежит все имущество виновного лица, за исключением того, что остро необходимо для проживания находящихся на его иждивении несовершеннолетних детей, престарелых родителей и инвалидов. Иными словами, конфискацию надо рассматривать как дополнительное наказание. Только тогда можно получить реальный успех в противодействии коррупции. Однако опять это предложение не нашло поддержки у того же думского большинства, как и предложение о недопустимости нахождения в правительстве лиц, состоящих в любом родстве.

Несколько слов о развитии российского антикоррупционного законодательства за последнее десятилетие. Предложения Медведева по преодолению коррупции — это знаковое событие, ибо на протяжении ельцинско-путинского правления с такими инициативами выступали депутаты Госдумы, а президенты страны их успешно проваливали.

Еще в 1995 году мною были заявлены два законопроекта: «О борьбе с коррупцией» и «О борьбе с организованной пре-

ступностью». Почему два законопроекта? Да потому, что коррупция является «крышей» для организованной преступности в силу продажности чиновников, и в первую очередь сотрудников правовых ведомств. Поэтому наступление должно идти одновременно по двум направлениям. К сожалению, об этом частенько забывают как в правительстве, так и в Генеральной прокуратуре, в правоохранительных органах.

Проекты тяжело проходили в Госдуме, еще тяжелее в Совете Федерации, тем не менее они были одобрены законодателями. Но бывший президент Б. Ельцин отказался их подписывать. Законопроекты были доработаны с учетом ряда высказанных им замечаний и вновь одобрены Федеральным Собранием, но их постигла та же участь, что и первые варианты. А потом настала очередь Путина, который через своих представителей в Госдуме дал понять, что он против данных законодательных инициатив.

Что не нравилось в них команде Ельцина? В первую очередь то, что они предусматривали создание специальной парламентской комиссии по проверке фактов коррупции, иных нарушений законов высшими должностными лицами, в том числе и президентом. Почему и президентом? Все дело в том, что ст. 93 Конституции РФ закрепляет положение, что президент может быть отрешен от должности в случае совершения им только государственной измены или иного тяжкого преступления. Все остальные негативные моменты в поведении главы государства не берутся во внимание. Формулировка ст. 93 Конституции РФ при абсолютной неприкосновенности президента фактически выдает ему индульгенцию на совершение преступлений.

Что еще не понравилось ельцинскому окружению в нашем законопроекте? Это те же декларации о доходах в отношении чиновников высокого ранга и членов их семьи. То, что сегодня в определенной мере присутствует в законах Медведева.

И еще один оспоренный момент. Команда Ельцина во всеуслышание и не стесняясь заявила, что под действие антикоррупционного закона не могут подпадать помощники президента. Их логика сводилась к тому, что президент является главой государства, но не является должностным лицом. А коли так, то и они не являются таковыми. Очевидная нелепость, но ее приводили в качестве аргумента против принятия закона «О борьбе с коррупцией». На самом деле все было гораздо проще. Президентская власть отвергала саму идею принятия антикоррупционного законодательства. В условиях варварской приватизации понятие «законность» было выброшено на свалку.

Безусловно, в то время господствовал криминал. Его влияние на экономику, общественную жизнь в настоящий момент несколько ослабло, но не настолько серьезно, чтобы люди чувствовали себя свободными, защищенными от насилия и воздействия денежного мешка. В связи с этим хочу остановиться на главных причинах коррупции в России. Они во многом базируются на происходящих процессах, той ситуации, в которой оказалась страна. В 90-е годы в России произошел отход от прежней системы власти, прежних жизненных устоев. Создался определенный вакуум, который и заполнили лица с криминальной ориентацией. Они проникли как во власть, так и в сферу экономики, социальной жизни.

Не будем вдаваться в подробности, чего больше хотели и чего не предвидели творцы так называемых демократических реформ. В одном уверен, что лозунги о демократии, о политических и прочих свободах, о правах человека оказались всего лишь ширмой, за которой произошел передел собственности, породивший класс крупной буржуазии. Что касается прав и свобод человека, то о них почти тут же забыли. Жизненные процессы проистекали в состоянии всеобщего хаоса и невиданного доселе правового разложения власти и общества, что и стало питательной средой для коррупции и организованной преступности. О чем тут рассуждать, когда один из творцов перемен Г. Попов, будучи мэром Москвы, в начале 1990-х годов фактически ратовал за легализацию взяточничества. По его выражению, ему было неудобно, когда он не знал, сколько и кому надо дать денег, чтобы решить тот или иной вопрос.

Еще один творец псевдоперестройки А. Яковлев провозгласил и двигал тезис: «Разрешено все, что не запрещено законом». Прежние законы выбросили на свалку, а новые еще не появились. Все запреты были сняты. Хоровод вели безнравственность, безответственность, вседозволенность и безнаказанность. Правовой нигилизм в 90-х годах достиг невиданного масштаба, и из его пропасти нам придется выбираться не один десяток лет.

Прежние причины коррупции продолжают существовать, а некоторые из них отяготились еще сильнее. Речь идет о семейственности во власти. Это было при Ельцине, усилилось при Путине и остается при президенте Медведеве. Государственная власть как на федеральном, так и региональном уровне зачастую строится по принципу землячества, клановости, кумовства, личной преданности руководителю, но не по принципу знания дела, профессионализма и честности. Все это, очевидно, не требует каких-то расшифровок, как и

подтверждения того, что подобный процесс формирования «элиты» федеральной власти «из питерских» стал уже оскорбительным для всей остальной России. В стране фактически не задействован механизм ротации кадров в сфере управления, что лишь усиливает коррупцию. А если ротация и происходит, то опять в пользу представителей северной столицы.

Должен отметить, что между ветвями судебной власти, между ними и прокуратурой, между прокуратурой и следственными комитетами неизбежно возникают споры и противоречия по поводу правоприменительной практики, сути законов, регулирующих их деятельность, полномочий и компетенций. Могу утверждать, что эти споры у президента и председателя правительства, в Федеральном Собрании решаются в основном в пользу тех ведомств, которые возглавляются питерскими однокашниками. Однако принятые по спорам решения зачастую бывают необъективными и не в интересах общества и государства.

Не в последнюю очередь уровень коррупции зависит и от работы правоохранительных органов, судебной системы. А здесь, как говорится, вопросов хоть отбавляй. Беспокоит укоренившаяся торговля сотрудников профессиональными интересами, низкий уровень подготовленности следственных кадров, разобщенность, постоянные конфликтные ситуации между руководством следственных подразделений и прокурорами.

Я был и остаюсь противником создания Следственного комитета при прокуратуре РФ. Это стратегическая ошибка, которую допустили в первую очередь президент и Федеральное Собрание. Следствие фактически поставили над надзором, а это всегда сопряжено с печальными последствиями. Они уже есть. Ежегодно тысячи людей арестовываются незаконно.

Я против образования единой федеральной следственной службы. Ее создание неизбежно вызовет новые противоречия в правоохранительной системе, конфликтность и волокиту в реагировании на совершенные преступления, безответственность ведомств в предупреждении правонарушений. К тому же Следственный комитет при МВД России уже и сейчас расследует более 80% уголовных дел.

Как компромиссный вариант можно рассмотреть вопрос о передаче по подследственности в МВД всех дел о посягательствах на жизнь и здоровье граждан. За прокурорскими же следователями необходимо сохранить расследование дел о должностных преступлениях, о преступлениях, совершенных судьями и работниками правоохранительных органов, прокуратуры.

По ранее действовавшему законодательству, если не брать во внимание некоторые трагические периоды жизни общества и государства, можно сказать со времен судебной реформы Александра II, главной целью и обязанностью судебного рассмотрения считалось установление истины, поиск правды. Ныне же — чуть ли не создание судом равных условий для спорящих сторон, для обвинения и защиты. Мы хорошо знаем, что в споре истина не только рождается, она может в нем и утонуть. Особенно при пассивной роли судьи в процессе.

К сожалению, на законодательном уровне произошло и закрепление обвинительного уклона на стадии дознания и предварительного расследования, с чем мы в свое время активно боролись. Мы исходили из великого постулата, что следователь и дознаватель должны быть исследователями. В равной мере собирать доказательства как обвинения, так оправдания, защиты невиновного лица. Теперь все это перечеркнуто тем, что следователь и дознаватель включены в сторону обвинения (ст. 5 УПК РФ) и могут даже поддерживать государственное обвинение по находившимся в их производстве делам.

Что касается в целом судебной деятельности, то ее необъективность, возможности для злоупотребления служебным положением, на мой взгляд, были заложены базовыми законами о судостроительстве в России. Судебная система, сформированная по принципу замкнутого круга, в котором корпоративная солидарность стала подавлять все остальные принципы, оказалась без внешнего контроля. Пожизненность, несменяемость судей — это хорошо, но мы забыли о негативных моментах, позволяющих в условиях недостаточного контроля широко злоупотреблять судебской защищенностью. И здесь хочу отметить неэффективную работу квалификационных судебных коллегий. На мой взгляд, в них надо до минимума сократить присутствие самих судей и пересмотреть порядок обжалования их решений судами, обеспечив большую весомость решений, принятых коллегиями.

Судебная система является частью государственной власти. И сколько бы мы ни говорили о ее самостоятельности, она не будет независимой от государства. К сожалению, так уж сложилось в России, суды сначала обслуживают эту власть, а потом защищают интересы и права законопослушного гражданина, который, как правило, в споре с государством терпит поражение. На мой взгляд, поиск гарантий объективности судебной системы следует искать в ее выводе из структур государственной власти. Она должна функцио-

нирывать как независимая самостоятельная власть. Государство же должно обеспечивать ее финансирование и исполнение судебных решений. Такое предложение, которое выглядит неприемлемым только на первый взгляд, базируется на конституционных положениях, в частности, провозглашающих народ единственным источником и носителем власти. Он и должен формировать судебную власть, независимую от государственных органов.

Теперь о системе прокурорского надзора. Она должна создаваться также без всякого участия в этом президентской и исполнительной власти. Совет Федерации самостоятельно подбирает кандидатуру на должность генерального прокурора РФ и назначает ее на пленарном заседании. Его заместители, члены коллегии Генеральной прокуратуры РФ назначаются и утверждаются опять-таки на пленарном заседании Совета Федерации по представлению генерального прокурора. Назначение прокуроров субъектов Федерации осуществляется тем же генпрокурором и согласовывается только с законодательными органами республик, краев и областей. Было бы предпочтительнее исключить вообще любое соглашение.

Говоря о прокурорском надзоре, считаю необходимым отметить следующее: он должен быть объявлен высшим государственным надзором со всеми вытекающими последствиями. Предложение жесткое, но оно вынужденное. Прокурору необходимо вернуть право на принесение хотя бы надзорных протестов на вступившие в силу судебные решения и приговоры, право на возбуждение уголовных дел, отмену незаконных процессуальных решений, принятых следствием и дознанием. Одно это уже будет гарантом повышения дисциплины и ответственности за обоснованность и объективность принимаемых решений при отправлении правосудия. Необходима система взаимного контроля, тем более в этот сложный период, в котором оказалась наша страна.

Я сторонник того, чтобы меры по предупреждению коррупции были всеохватывающими, жесткими, а действия решительными. У нас нет времени на раскачку, нужна реальная политика, а не увещевания и длинные речи с экранов телевидения. Коррупция представляет угрозу национальной безопасности. Она, как ржа, и дальше разлагает власть, все российское общество. Не нанесем ощутимого урона коррупции — не сможем реализовать ни одну социально-экономическую программу, ни один национальный проект.

По экспертным оценкам, коррупционный оборот денег в России колеблется от 240 до 300 млрд. долл. США. Это мно-

го, но опасность коррупции многократно увеличивается по причине совершения чиновниками предательских решений, которые могут нанести и наносят удар по национальному суверенитету и независимости страны. Не деньги, а именно разрушительные последствия от продажности чиновников должны в первую очередь волновать нас, хотя и криминальный оборот денег, ценностей — это тоже своего рода яркий показатель разложения российской власти.

Например, Березовский и Абрамович в свое время приобрели нефтяную компанию «Сибнефть» за 100 млн. долларов. Нещадно ее эксплуатировали, не вложив в развитие компании фактически ни рубля. А потом ОАО «Газпром» выкупило у них фирму за 14,6 млрд. долларов, принадлежащих в том числе и государству. Я думаю, даже незрячий видит масштабы аферы, от которой денег, видимо, хватило многим правительственным чиновникам. И не только им. Я вообще бы отметил, что существующая система хозяйствования, распределения и перераспределения произведенного продукта, система власти устроены так, что они, за небольшим исключением, не работают на российское общество и государство.

Давайте опять обратимся к примерам из жизни. На первую половину 2008 года золотовалютные резервы Центробанка страны составляли примерно 560 млрд. долл. США и во столько же оценивалось состояние 100 самых богатых людей России. Напомню, что путинское правление начиналось с того, что в стране было 7 валютных миллиардеров, а закончилось тем, что их стало более 100. Все остальные как влачили, так и продолжают влачить почти нищенское существование. Поэтому вопрос вполне справедливый: «На кого работаем?». Ответ очевиден: на кучку олигархов и казнокрадов.

В условиях, когда «теневая экономика» занимает почти 40% в валовом внутреннем продукте страны, искать финансовую, материальную основу коррупции и организованной преступности нет необходимости. Они могут скупить всю государственную власть.

Выскажу свое опасение по поводу того, что новые усилия президента России по противодействию коррупции могут свестись к формальному написанию деклараций о доходах, которые со временем станут опять предметом торга чиновников. Власть, коррумпированная снизу доверху, сама с собой бороться не будет. Она будет имитировать борьбу, и не более того. И опять-таки настолько, насколько даже сама имитация не будет ей опасна. Вопрос о коррупции давно перерос в вопрос о власти, и только народ сможет и должен решительно расставить все на свои места. Это историческая необхо-

димось. Сегодня ему надо помочь разобраться в том, кто есть кто и что происходит с Россией.

Хотелось бы верить в искренность намерений нового российского президента навести в стране порядок, обуздать чиновничий, судебный произвол, но Медведеву, как никогда, важно после пустопорожных заявлений его предшественников вдохнуть в народ надежду и уверенность в том, что борьба с коррупцией началась. Небольшой шанс у него все-таки есть. Что для этого надо? Предлагаю немедленно существенно изменить состав администрации президента, освободить от занимаемых должностей 3—4 нечистоплотных губернаторов, обратив особое внимание на Дальний Восток и юг страны. Освободить не только за нечистоплотность, но и за их вмешательство в судебную и прокурорскую деятельность.

Начинать надо с верхов. Путин, например, сформировал российское правительство из родственников, где один находится в служебной зависимости от другого, как это произошло с министром обороны А. Сердюковым и бывшим председателем правительства, а ныне его заместителем — В. Зубковым. Дурной пример весьма заразителен для региональной управленческой «элиты» — от верхов и до самых низов. Перед выработкой комплекса мер необходимо, как уже и отмечалось, глубоко разобраться в причинах того, почему коррупция стала российским национальным бедствием. Не сделав этого, невозможно лечить больной организм.

В ельцинское правление началась утрата всех нравственных устоев, совести, существовавших традиций, дружбы, взаимопонимания и поддержки друг друга. Основным мерилом человеческих ценностей обществу навязали денежный мешок, уничтожили всякие устремления по совершенствованию единой среды обитания. Человеческий эгоизм, его пороки, как «мертвая вода», стали уничтожать все живое и здоровое.

Кризис власти, ее нравственное разложение — вот то, с чем необходимо сейчас бороться и что преодолевать. Власть перестала защищать людей, государственные интересы, она стала своей противоположностью, пожирая общество, умышленно отторгая народ от участия в решении больших и малых вопросов управления. Она сделала все, чтобы разрушить последние остатки государственного и общественного контроля за чиновником. Вот почему и необходим комплекс политических, социально-экономических, законодательных, правовых, организационных, воспитательных, просветительских, кадровых и прочих мер. Гарантом от произвола людей во власти должна быть хорошо продуманная и отработанная

система мер. Работа по их подготовке, а тем более по реализации, невероятно сложная, требующая длительного времени. И, как я уже отмечал, вряд ли исполнима в российской действительности.

Надо признать, что сама Конституция, ориентированная на демонтаж прежней советской системы, содержит множество положений, способствующих коррупции. Она, в первую очередь, закрепила безответственность и бесконтрольность власти, а многие конструкции государственного здания так и остались незавершенными.

Совет Федерации российского парламента должен формироваться путем прямых, тайных выборов всем населением страны. Это позволит повысить уровень и значимость народного представительства в органах государственной власти, снизит уровень коррупционности. Не дал какого-либо оздоровления и новый порядок формирования губернаторского корпуса. Напротив, он удалил народ от власти и сделал ее фактически бесконтрольной и безответственной. К тому же назначение губернаторов, иных глав исполнительной власти по представлению президента не случайно в народе окрестили бизнес-проектом Кремля. В связи с этим следует вернуться к существовавшей практике выборов глав исполнительной власти регионов. Сделать это будет несложно, достаточно реанимировать ранее действующее избирательное законодательство, и исключить всякое воздействие и вмешательство в выборы исполнительной и муниципальной властей.

Пришло время упразднения федеральных округов. Они выполнили свою задачу по ослаблению центробежных сил в Российской Федерации. У нас избыток власти и чиновников. Вместе с этим необходимо сохранить межрегиональные оперативные, следственные структуры МВД и российской прокуратуры. Сохранить и межрегиональные арбитражные суды, выполняющие роль кассационных инстанций. Высвободившиеся профессионально подготовленные и незапятнанные кадры направить на укрепление министерств и ведомств, региональных органов власти.

Пожизненность и несменяемость судей в совокупности с недопустимо высокой неприкосновенностью сделали судебную власть фактически бесконтрольной. Тем более что правосудие у нас в основном стало единоличным. Неприкосновенность должна быть, но только при исполнении лицами, наделенными ею, своих служебных обязанностей, а не тогда, когда они, например, дебоширят, в пьяном состоянии управляют автомобилем или вовсе застигнуты на месте совершения преступления.

К сожалению, за годы судебной реформы мы так и не подошли к реальной независимости судей, и в первую очередь — социальной, их самих, а также близких родственников. Вот почему власть «телефонного права» большого начальника не уменьшилась, а напротив — усилилась. В сфере отправления правосудия остались неразрешенными многие прежние проблемы, к ним добавились новые. Поэтому для повышения объективности и независимости судей необходим комплекс мер. Часть из них выношу на всеобщее обсуждение.

Считаю, что судебная система и прокурорский надзор должны формироваться без всякого участия в этом органов исполнительной власти и президентских структур. Судьи всех верховных федеральных судов, а также областных, краевых и республиканских, должны назначаться Федеральным Собранием на пленарных заседаниях. Порядок подбора кандидатов в судьи и голосования определяется федеральным законом.

Что касается судей городского, районного уровня, мировых судей, они должны избираться на 5–7-летний срок, на всенародных выборах путем прямого тайного голосования, на альтернативной основе. Отбор кандидатов должен производиться законодательными органами власти субъектов Федерации с утверждением списков кандидатов в судьи на пленарных заседаниях.

Совет Федерации самостоятельно подбирает кандидатуру на должность генерального прокурора РФ и назначает его на пленарном заседании. Таким образом Федеральное Собрание формирует судебную власть, прокуратуру и контролирует их деятельность. Для этого создаются специальные комитеты (комиссии), которые готовят необходимые материалы для обсуждения на пленарных заседаниях, организуют и проводят проверки заявлений о злоупотреблениях, недостойном поведении высших судебных и прокурорских чинов. Сейчас же все это взяла на себя администрация президента.

Уже отмечалось, что Путин несет прямую ответственность за то, что при его правлении так и не были сформированы развитые надежные механизмы государственного и общественного контроля за деятельностью лиц, находящихся во власти. Созданная по его инициативе Общественная палата — скорее всего увод российского общества от решения острых вопросов. Общественная палата заведомо была обречена на свою недееспособность в силу порядка ее формирования и состава.

В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос о создании на федеральном уровне с наличием составных частей на

местах общественного комитета по контролю за поведением чиновников с наделением его некоторыми государственными полномочиями. Такая постановка вопроса не будет противоречить конституционным положениям.

Необходимо восстановить конституционные полномочия Государственной думы по подбору и назначению председателя Счетной палаты без всякого участия в этом президента страны. Существенно изменить Федеральный закон «О парламентском расследовании» с тем, чтобы каждая палата Федерального Собрания могла самостоятельно формировать свои комиссии по проверке тех или иных недостойных деяний, совершенных высшими должностными лицами, с возможностью взаимного включения в них (при желании) своих представителей.

Коррупция во многом базируется на искаженном порядке формирования руководства президентских, федеральных структур власти и управления не по деловым качествам, а по принципу знакомства, личной преданности, угодливости и кумовства. Система клановости породила атмосферу затхлости и вседозволенности. В этой ситуации было бы целесообразным одновременно поменять на федеральном уровне руководящее и среднее звено управленцев в правоохранительных органах, судах и прокуратуре. Новое комплектование надо провести из числа периферийных работников, в частности, сибирских, северных регионов, исключив любое выдвижение из «питерских», «московских», «южан» и «дальневосточников». Убежден: результат будет положительный. Ради этого государству стоит потратиться, деньги для этого найдутся.

Как утверждают эксперты, на подкуп чиновников ежегодно используется сумма, равная примерно 1/3 расходной части федерального бюджета, львиная доля в них принадлежит «теневой экономике», которая дает почти 40 % валового внутреннего продукта страны.оборот этих денег фактически не контролируется и не отслеживается государством. В сфере «теневой экономики» отмываются и грязные доходы, используемые в последующем на взятки.

Принятый пять лет назад Федеральный закон о противодействии в легализации преступных доходов оказался неэффективным, повязал по рукам и ногам правоохранительные органы в противостоянии этому злу. И не случайно. Законопроект был подготовлен бывшим депутатом Госдумы А. Шохиним в соавторстве с банковскими работниками. Госдумой был проигнорирован мой альтернативный законопроект о «противодействии в легализации незаконно нажитого». Одно

из главных расхождений в проектах: в шохинском — «преступные доходы», в моем — «незаконные». По шохинскому варианту нельзя препятствовать отмыванию до тех пор, пока не будет установлена преступность деяния, пока не будет приговора. На это уходят годы. Конечно, от имущества и денег при этом ничего не остается. Шохин полностью вывел из-под ответственности банки, отмывающие деньги, ибо наше законодательство не предусматривает уголовного наказания в отношении юридических лиц. Мой законопроект предлагал противостоять отмыванию любых грязных доходов, полученных незаконно, в том числе и преступным путем, любыми физическими и юридическими лицами. Надо в срочном порядке внести существенные изменения в действующий закон или отменить его, приняв новый, с иной концепцией противодействия отмыванию незаконно полученных доходов.

Необходимо разобраться с посредническими фирмами, частным лицами, особенно в сфере снабжения населения товарами, торговыми продуктами. Мало того, что они искусственно взвинчивают цены и обирают производителей, но еще и многие вопросы решаются здесь через подкуп чиновников. В этой связи следовало бы оказать всяческую поддержку потребкооперации, в первую очередь на селе, деятельность которой можно подправлять и в разумной мере осуществлять за ней государственный контроль. Ведь речь изначально идет о защите интересов российских граждан.

Значительная (большая) часть населения страны занята трудом не в сфере государственных, муниципальных учреждений и предприятий, а в бизнесе, в коммерческих структурах, в которых распространенный характер получили подношения, подкуп, материальная благодарность, оказание услуг руководителям за совершение тех или иных действий в интересах дающего. Именно здесь, в гуще людских масс, и укореняется, крепнет психология того, что надо «дать» и только таким способом можно решить социальные, бытовые, производственные и прочие вопросы. Эта искаженная психология людей потом переносится и на отношения с представителями власти.

Однако государство имеет ограниченные возможности правового воздействия на столь опасные явления в сфере бизнеса и коммерческой деятельности. В связи с этим есть необходимость внести в наше законодательство единое понятие должностного лица со всеми вытекающими из этого последствиями.

Следует существенно расширить число преступлений, за совершение которых в виде дополнительного наказания мо-

жет применяться конфискация имущества. И в первую очередь — за преступления экономической, финансовой, банковской направленности. Надо незамедлительно принять меры по существенному ограничению при поступлении в ведомственные высшие учебные заведения (МВД, ФСБ, прокуратуры) детей высоких должностных лиц этих ведомств, обеспечив расширенный приток способных абитуриентов с периферии.

Государство должно взять на себя все расходы по обучению молодых специалистов для работы в судебной системе, правоохранительных органах и в иных органах исполнительной власти. Надо обеспечить идеальный подбор абитуриентов, бесплатное обучение студентов и выплату им стипендий с установлением определенных обязательств выпускников перед государством. Обучение на платной основе можно сохранить для финансовой, банковской, иной коммерческой деятельности, но никоим образом не для государственной службы.

В совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, наряду с прочими вопросами, находится обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности. Исходя из этого, необходимо установить практику проведения комплексных проверок состояния законности, борьбы с преступностью, иными правонарушениями в регионах страны с последующим их обсуждением по ведомствам или на координационном совете при Генеральной прокуратуре РФ. При необходимости результаты докладывать президенту страны. Координирующую роль при проверках должны взять на себя органы прокуратуры.

Поводом и основанием для проверок могут быть общее неудовлетворительное состояние законности и правопорядка в республике, крае, области или конкретные письма граждан, выступления средств массовой информации о злоупотреблениях властью, недостойном поведении ответственных должностных лиц.

Судебные, правоохранительные органы необходимо ограждать от семейственности и клановости, а там, где они уже достигли угрожающих масштабов, принять незамедлительные меры. Конечно, для судей, прокуроров, работников правоохранительных органов необходимо вводить порядок декларирования не только доходов, но и расходов при осуществлении крупных покупок.

Это далеко не полный перечень предложений в сфере государственного устройства и правоохранительной деятельности, однако даже его частичная реализация, уверен, даст оздо-

рвление. Конечно, не все высказанные предложения вписываются в Российскую Конституцию. Но что делать? Смахивать пыль с Основного закона как со священной реликвии или все-таки защищать интересы страны, права и свободы честных людей. Ответ очевиден. К тому же, во-первых, заявленные предложения не затрагивают базовых конституционных принципов, а во-вторых, президент Медведев проявил государственную волю и, по его предложению, уже внесены поправки в действующую Конституцию.

Коррупция — это величайшее зло, и в борьбе с ним надо использовать все возможности, действовать решительно и бескомпромиссно. Но главный вывод заключается в том, что нынешнее государственное устройство в России не позволяет эффективно противостоять коррупции и организованной преступности, не обеспечивает эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина, защиту национальных интересов страны и подлежит радикальной смене. Россия должна вернуться на социалистический путь развития.

Сергей КОМКОВ,
доктор философских наук

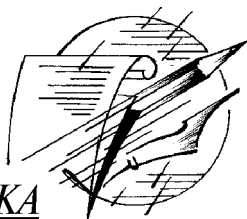
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — БЕЗДОННЫЙ СОСУД КОРРУПЦИИ

Россия является самым коррумпированным государством из стран «Большой двадцатки». И, похоже, это давно уже никого не удивляет. А объявленная руководством страны кампания по борьбе с коррупцией даже самими чиновниками воспринимается не более как очередная забавная игра в «балду».

На первом месте по уровню коррупции, как и полагается, находятся правоохранительные органы. А вот вторую позицию уже на протяжении многих лет устойчиво занимает система образования.

И это вполне объяснимо. Ибо не хлебом единым сыт человек. Во-первых, в условиях господства дикого неуправляемого рынка, усугубляющихся неимоверным ростом числа чиновников административно-полицейского государства, резко возрастает цена любой «корочки», дающей право на часть бюджетного пирога и приобщение к «касте неприкасаемых». А во-вторых, каждый гражданин, не попавший в эту самую «касту», мечтает о том, чтобы хотя бы его дети смогли получить такую возможность. И не жалеет на это никаких средств.

Таким образом, создается замкнутый круг всеобщей тотальной корруп-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ции, попав в который однажды, мы не можем вырваться из него до самой своей смерти.

Из чего же складывается образовательная коррупция?

Очень часто, рассуждая о высоком уровне коррупционной составляющей в системе образования, мы даже не представляем её реальных размеров. И даже простые подсчеты могут привести обывателя в трепет.

Всё начинается с детского садика. В период 90-х годов, когда Россия в результате развала СССР оказалась в неимоверно трудной ситуации, в стране резко упала рождаемость и также резко повысилась смертность. Мы начали умирать со скоростью до миллиона человек в год. К тому же подоспела варварская приватизация «по Чубайсу», инициированная американскими советниками в соответствии с «Русским проектом», утвержденным Конгрессом США еще в 1987 году для полного и окончательного уничтожения России. С молотка пошли не только промышленные предприятия, но и объекты социального назначения. Среди них самыми лакомыми «кусочками» оказались здания детских садов, за которые борьба шла не на жизнь, а на смерть. И уже к началу 2000-х годов большая часть детских садииков оказалась в руках банков, разнообразных коммерческих структур и просто частных лиц.

Но русский народ на протяжении своей многовековой истории неоднократно преодолевал трудности лихолетья. Так получилось и в этот раз. С началом XXI века ситуация с рождаемостью стала понемногу исправляться. В семьях опять появились дети. (В Москве это так, но столица страны — совсем не Россия, да и львиную долю прироста «москвичей» составляют дети мигрантов. Страна же продолжает вымирать. — Ред.) Но вот беда: необходимого числа детских учреждений для этих детей уже не стало. И начались новые мытарства.

Сегодня очередь в детские сады только по Москве составляет более 16 тысяч. А в целом по стране она уже зашкаливает за 100 тысяч. И это означает, что многие дети так никогда и не узнают, что такое дошкольное воспитание.

Но кое-кому все же удастся прорваться. За приличное (даже по московским меркам) подношение соответствующему чиновнику. Так, место в детском садике сегодня может стоить от 20 до 40 тысяч рублей в Москве и от 5 до 25 тысяч рублей в провинции. То есть средняя цена попадания в детский сад сегодня составляет 20 тысяч рублей. На круг выходит около 2 миллиардов рублей или порядка 70 миллионов американских долларов в виде чистой прибыли в карманах российских чиновников (хотя это самая гнусная, но не са-

мая значимая статья доходов наших российских мздоимцев в системе образования).

Далее маленький гражданин страны, занимающей одну седьмую часть земной суши, поступает в школу. И вот здесь начинаются настоящие чудеса. Несмотря на то, что официальные бюджетные расходы на образование в России составляют мизерную часть — всего 3,5% ВВП, доходы чиновников ежегодно исчисляются десятками и сотнями миллионов долларов. Одной из главных афер, приносящих баснословные доходы, является организация детского школьного питания.

По Федеральному Закону № 94-ФЗ от 21 июля 2005 года проведение конкурсов на выбор поставщиков школьного питания возложено на руководителей бюджетных образовательных организаций. То есть, на директоров школ. Но на практике всю работу за них «делают» чиновники соответствующих управлений, департаментов или региональных министерств образования. Именно они «выбирают» будущих поставщиков детского питания. Конечно же, не задаром. Средняя величина «откатов» может составлять до 30%. Адиректора выступают лишь в роли статистов, которые подписывают заранее подготовленные чиновниками документы об уже фактически проведенных «конкурсах». И не дай Бог кому-либо из них проявить «вольницу» и вздумать самостоятельно провести выбор поставщика. Это может закончиться немедленным увольнением под любым надуманным предлогом.

Так правительство Москвы направило на закупку детского школьного питания в 2009-м году 6,5 миллиарда рублей. Путем простых подсчетов можно установить размер «вознаграждения», полученного чиновниками различных рангов в Москве только по данной позиции за 2009-й год. Это около 60 миллионов долларов США.

В целом по стране эта цифра годовых «доходов» российских чиновников может составлять до 600 миллионов долларов.

При этом наших детей продолжают травить некачественной пищей, приготовленной из просроченных продуктов. Время от времени то в одном, то в другом регионе страны возникают ситуации с массовыми пищевыми отравлениями школьников. Но никому даже не приходит в голову разобраться с истинными причинами столь массового и столь опасного явления. Потому что все оказывается завязанным на вполне конкретных чиновников, имеющих обыкновение делиться «добычей» с сотрудниками правоохранительных органов. Именно поэтому любые попытки возбудить по данным фактам уголовные дела неизменно оканчиваются провалом.

В системе школьного образования есть еще несколько не менее доходных статей для российских чиновников. Более 100 миллионов долларов кладут они себе в карман ежегодно за подписание договоров на охрану школьных зданий. Примерно 150 миллионов долларов ежегодно являются «откатом» в процессе приобретения мебели, оборудования, учебных пособий. И почти 200 миллионов долларов — за организацию ремонтных работ.

В условиях экономического кризиса расходы на ремонт школьных зданий стали наиболее лакомым куском. За подряд на производство капитальных ремонтных работ в некоторых регионах готовы отдать до 50% цены договора. Потому что других вариантов получения бюджетных денег у многих ремонтно-строительных организаций сегодня просто нет.

Таким образом мы имеем парадоксальную ситуацию: российская школа сегодня буквально задыхается от своей нищеты и недостатка бюджетных средств. Но это же самое обстоятельство помогает чиновникам обогатиться, не прикладывая к данному процессу никаких усилий.

Для многих в стране было загадкой, почему при столь тяжелом материальном положении руководство министерства образования и науки России в 2008 году пошло на беспрецедентную акцию по подключению всех школ к Интернету. Мероприятие, прямо скажем, довольно дорогостоящее и довольно бесперспективное с точки зрения обеспечения образовательного процесса. Потому что российская часть Интернета сегодня не наполнена образовательными программами. Зато чрезмерно наполнена порнографией, сексом, экстремизмом и насилием.

Ларчик на самом деле открывается довольно просто. В целом при проведении кампании по подключению к Интернету чиновниками различных уровней было положено в свои карманы в общей сложности более 50 миллионов долларов. Игра, как говорится, стоит свеч. Вот только обыкновенная школа ничего, кроме головной боли, от этой акции не поучила.

Вся эта неприглядная картина усугубляется нищенским положением самого главного человека в системе среднего образования — школьного учителя.

Но и здесь чиновники придумали «выход» из ситуации. Начиная повсеместное внедрение единого государственного экзамена (ЕГЭ), руководители системы образования не только положили себе лично в карман огромные деньги (на ЕГЭ за годы «эксперимента» было израсходовано из бюджетов различного уровня более 1 миллиарда долларов), но и заманили школьного учителя возможностью заработать на этом все-

общем оглушении подрастающего поколения россиян. Следовало тем самым своим фактическим соучастником в крупномасштабном преступлении.

ЕГЭ подтолкнул всех школьных учителей и вузовских преподавателей к мздоимству через систему репетиторства.

Общий объем репетиторства в 2009 году по стране составил около 1,4 миллиарда долларов, превысив все мыслимые пределы последних 15 лет. Но это не спасло высшую школу от некачественных студентов. Повторные испытания, проведенные в ряде вузов в сентябре-октябре 2009 года, показали, что до 60% принятых по результатам ЕГЭ студентов не обладают элементарными знаниями школьной программы. А это означает, что коррупционный рынок в вузах будет расти. Теперь за каждую контрольную работу, за каждый зачет, за каждый экзамен новоиспеченный студент будет нести деньги преподавателю или руководителю факультета, постепенно превращая их в злостных коррупционеров.

Опрос общественного мнения, проведенный рядом социологических исследовательских центров в 2008 году среди студентов, показал, что 90% из них давали «на лапу» преподавателю хотя бы один раз в течение учебного года. Средняя «цена» взятки составляла 1 тысячу рублей. Таким образом, коррупционный рынок преподавательских услуг в вузах в год составляет 300 миллионов долларов.

Но руководители вузов смотрят на эти явления сквозь пальцы. Потому что сами, в свою очередь, обкладывают данную преподавателей и факультетских руководителей. Ибо, им приходится делиться «доходами» с чиновниками другого уровня. С теми, кто периодически проводит проверку их деятельности, выдает им лицензии и аккредитации.

Рынок услуг при проведении проверок всех уровней составляет 25 миллионов долларов в год. Рынок лицензионных услуг — тоже равен 25 миллионам долларов ежегодно. А вот государственные аккредитации обходятся вузам ежегодно уже в 50 миллионов долларов.

Но особо значимой статьей «доходов» сегодня является продажа дипломов о высшем образовании. Эта торговля идет на всех станциях метро, на рынках и площадях. И, конечно же, в Интернете. Сегодня более 2 миллионов страниц в мировой паутине предлагают купить диплом о высшем образовании. Разброс цен от 10 тысяч рублей до 30 тысяч долларов. Это обусловлено тем, что ряд дипломов просто «изготавливаются» на кухне или в подвале. Часть имеет натуральные гознаковские бланки, но поддельные подписи и печати. А часть наиболее дорогих дипломов делается «с проводкой». То есть,

человек, никогда и нигде не учившийся, по воле «заказчика» и при возможностях мошенников оказывается вписанным во все официальные документы соответствующего вуза.

И после этого мы удивляемся тому, что у нас падают самолеты и идут вразнос турбины гидроэлектростанций.

По данным независимых экспертов, в России ежегодно продается до 100 тысяч поддельных дипломов на общую сумму до 2 миллиардов долларов.

Не меньший интерес для мошенников всех уровней представляет и рынок научных должностей и научных званий. Ежегодно в нашей стране продается до 10 тысяч кандидатских степеней и до 5 тысяч дипломов доктора наук. Что составляет в общей сложности до 350 миллионов долларов чистейшего дохода. И не факт, что все это делается, минуя чиновников ВАК и Минобрнауки.

Подводя краткий, но вполне впечатляющий итог, можно сказать, что ежегодный рынок коррупционных «услуг» в сфере образования в России значительно превышает 5 миллиардов американских долларов. Что вполне сопоставимо со всем годовым бюджетом системы образования. И это еще раз доказывает, что главной фигурой всей коррупционной системы в области образования является ненасытный, наглый и беспардонный чиновник, выращенный и выпестованный нынешней системой власти. И борьба этой власти со своим собственным порождением является делом совершенно бессмысленным. Ибо, побороть самого себя никогда, никому и ни при каких обстоятельствах в истории не удавалось.

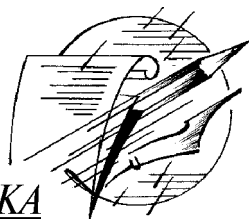
Единственная надежда здесь на гражданское общество. Которое пока еще, увы, в России прозябает в стадии социального беспамяත්ства...

Владимир БОЯРИНЦЕВ,
доктор физико-математических наук, профессор,
Александр САМАРИН,
кандидат философских наук,
Людмила ФИОНОВА,
доктор физико-математических наук

ТРЕБУЮТСЯ ДЕБИЛЫ

Кризис показал, что Россия «имеет сырьевую экономику, что делает ее крайне уязвимой». Эти *прозренческие открытия* зазвучали из уст высших чиновников, напоминая детский анекдот о плененных индейцах, замысливших побег: «Через две недели Зоркий Глаз заметил, что у дома, где содержат пленников, нет одной стены».

«Чтобы преодолеть кризис, надо переходить на инновационную экономику!» По частоте повторения эта фраза — безусловный лидер в устах президента, премьера и чиновников помельче. Все правильно, надо. И что же? Автозавод в Тольятти сокращает число рабочих на треть, депутат Государственной думы, член фракции «Справедливая Россия» Иван Грачев, выступая по телевидению 13 октября, утверждал: «В 2009 году максимальный спад производства произошел именно в области высоких технологий — оптики и электроники (40%)». Да и вообще присутствуют инновационные технологии только в разговорах, на деле они практически отсутствуют. Это подтвердили недавно президент Д. Медведев и премьер В. Путин: всего 10% наших предприятий как-то связаны с инновационными технологиями, их продукция составляет только 5% в общем объеме производства.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Чтобы развивать инновации, надо увеличить финансирование науки. «Развитые» и «цивилизованные» страны так и делают. А как у нас? Газета «Аргументы и факты» (№43, 2009 г.) задает вопрос: «Остались ли в России умные люди? Или все они переехали в Америку, Германию, Великобританию...» и приводит данные: доля затрат в общей сумме бюджетных расходов 2008 года в США — 6—7%, в европейских странах — 4—5%, в России — 0,8%! При этом не будем забывать, что ВВП России, по данным агентства РиФ, не намного превышает экономический продукт американского округа Лос-Анджелес. Но, по словам академика Ж.Алферова, в проекте Государственного бюджета на 2010 год по сравнению с 2009 годом ассигнования на науку урезаны на 10%.

И уже ученые, уехавшие за рубеж, обращают внимание российских руководящих чиновников на то, что пренебрежение интересами фундаментальной науки представляет стратегическую угрозу для России. Они считают, что если ситуация не будет меняться в лучшую сторону, то через 20 лет Россия по своему научному потенциалу скатится до уровня стран третьего мира.

Газета «Аргументы и факты» помещает рисунок, на котором изображены две стелы — одна с ракетой наверху и лозунгом: «Слава Советской науке», другая — с нефтяным насосом наверху и лозунгом: «Слава Российской нефтянке!» Действительно, с начавшимся увеличением цен на нефть обо всех пожеланиях развивать инновационные технологии можно забыть. Тем более что для развития высоких технологий России не хватает около полумиллиона специалистов — говорят эксперты. При этом осенью 2009 года на одно рабочее место претендовало 17 выпускников колледжей и институтов. Выходит, России специалисты не нужны?

14 октября прошлого года Москва проводила ярмарку вакансий. Ее посетили 20 тысяч молодых безработных, очередь жаждущих получить работу растянулась на километр. Об этом московские власти рапортуют как о своем достижении. В нервной базарно-вокзальной толчее измученные молодые люди должны были выбрать дело своей жизни и проникнуться мыслью, что их новенькие дипломы никому не нужны. Да и где им работать, если в цехах бывших заводов сегодня рынки, автомагазины, а здания научно-исследовательских институтов стараниями министра науки и образования А.Фурсенко частично сдаются в аренду под офисы или стоят полупустыми, дожидаясь новых хозяев.

Умные, образованные молодые люди России не нужны, значит, их надо отсеять на дальних подступах к ярмарке ва-

кансий, и государство в лице министра А. Фурсенко берется за среднее образование. Для этого в школе внедряется Единый Государственный Экзамен — ЕГЭ — в духе телевизионной игры «Что? Где? Когда?». Но в данном случае это не игра, а фактически преступление перед страной, целью которого является — отучить мыслить, анализировать, делать выводы, творчески работать, то есть готовить людей, способных только открывать газовые и нефтяные задвижки и покорно голосовать на выборах за правительственную партию.

Еще в декабре 2007 года «Независимая газета» опубликовала статью «Это забытое слово «труд»», начинающуюся словами: *«В России — острейший кадровый дефицит во всех сферах деятельности, не приносящих быстрых денег. Выборы в Государственную думу 2007 г. поставили множество вопросов. Но на далекой периферии остались ключевые проблемы: какова стратегия развития России на ближайшие десятилетия и какова программа действий на ближайшие годы? Ответа не дано...»*

Тот факт, что современная политика исходит из интересов отдельно взятых потребителей, нетрудно доказать... Поразительно откровенно высказывание министра образования и науки Андрея Фурсенко, который, выступая перед участниками движения «Наши» на озере Селигер, говорил, что главное — «взрастить потребителя, который сможет правильно использовать технологии, придуманные другими»... При таких взглядах крупного деятеля неудивительно, что тема разумной организации труда (и рынка труда в частности) выпала из общественного сознания, а само слово «труд» вошло в разряд архаизмов. В эпоху экономики знаний и высоких технологий главный ресурс развития — люди. Сегодня вновь актуален лозунг «Кадры решают все». Каковы кадры, таково и все — как настоящее, так и будущее...»

И газета делает общий вывод: «Необходима решительная смена курса во внутренней политике. Если, конечно, руководствоваться здравым смыслом».

С момента опубликования этой статьи прошло почти два года, которые показали, что наши руководящие чиновники не имеют понятия о здравом смысле, руководствуясь в своей деятельности сиюминутными и политически корыстными соображениями.

А пока свернули изучение русской истории, русского языка и литературы, роман «Война и мир» отжали до тоненькой брошюрки. Преподавателям русского языка, как и прочих предметов, дали зарплату меньшую, чем учителям английского языка, — показали, кто хозяин в «этой стране».

Министр наметил для школы новые рубежи: «Я глубоко убежден: не нужна высшая математика в школе. Более того, высшая математика убивает креативность» (февраль, 2009 г.). В переводе на русский язык это значит, что высшая математика убивает творческие способности. Кажется, министр не слышал призывов президента страны и премьера о переходе к инновационному развитию, которые невозможно осуществить без знания математики. А может быть, такова и задумка: одни обещают горы золотые, другие от них оставляют только холмики (иногда — могильные).

Видимо, считая ЕГЭ неким статистическим исследованием и большим достижением чиновничьей мысли, министр сказал: «ЕГЭ при всех его недостатках показал, что 25% школьников не знают математики и примерно столько же — не знает русского языка».

Послушаем В.Путина в бытность его президентом: «Мы приступили к реализации масштабного национального проекта в образовании. Необходимо поддержать школы, вузы с инновационными программами, дать фору талантливым преподавателям и одаренным ученикам» (2005 год).

А теперь дадим слово писателю В.Губареву: «Знаете, что показали результаты ЕГЭ? Уровень образования наших детей упал до уровня 1928 года. Впору говорить не о развитии науки, а о развитии безграмотности». И появился анекдот: «Мама, я получил сертификат по ЕГЭ. Прочти мне его, пожалуйста!»

Как теперь говорят, реальное ЕГЭ — это система блокирования творческого мышления у детей, приучающая к зубрежке, настраивающая мозг на деятельность в режиме магнитофона — записанная информация в точности воспроизводится без малейшего анализа или осмысления.

И вот как это делается. Предмет «русская литература» и история исключены из списка обязательных предметов ЕГЭ. Зачем? А затем, чтобы воспитать «безродного космополита», не помнящего своих корней, своей культуры. Что будет с этой армией молодых людей, павших жертвами «реформы» школьного образования? Куда пойдут учиться молодые люди, оставшись без аттестата зрелости, не сдав ЕГЭ, что перечеркивает их школьные годы? В безработные. На улицу.

В советское время существовала стройная система образования: не сдал экзамены в институт, можешь поступить в техникум, в специализированные училища, готовящие рабочих высокой квалификации, можешь продолжить образование в бесплатных вечерних и заочных учебных заведениях. Теперь понятие «рабочий» равносильно понятию «не-

удачник», это человек, которого можно безнаказанно выбрасывать на улицу с любого бывшего передового инновационного предприятия.

Недаром родился анекдот: «Поступающим на рабочие специальности в бывшие ПТУ, ныне «колледжи», задается только один вопрос: «Ты хорошо подумал, сынок?»»

Навязанное нам западными советниками непрерывное реформирование школы в направлении ее коммерциализации при нынешних материальных условиях большинства народа будет неминуемо означать отбрасывание России за порог культурной революции 30-х годов прошлого столетия.

Говорит протоирей Андрей Кураев: «У меня такое ощущение, что последние 20 лет наше правительство и реформаторы, экспериментирующие над школой, ставят своей задачей сделать ее фабрикой по производству быдла...»

ЕГЭ, как болезнь, породила осложнение: прием в вузы летом прошлого года превратился в кошмар — сотни заявлений на одно место, липовые результаты ЕГЭ, липовые справки об инвалидности.

Вот как характеризует ситуацию академик АПСН С.Котов: «Такого кошмара, как в 2009 году, российское образование еще не переживало... Как определить «по бумажкам», кто лучше? При равных баллах ЕГЭ? Да — никак! Особенно в той ситуации, когда сами «проталкиватели» ЕГЭ признаются, что многие результаты этого экзамена — не более чем вранье.

Глава Рособрнадзора Любовь Глебова заявила, что специалисты перепроверили 370 стобалльных работ из 2336. Четверть результатов оказалась липой! Но если четверть 100-балльников — дутые, сколько же тогда дутых 85—90—95-балльников? Не говоря уже о 80—75-балльниками?»

Введение ЕГЭ убивает способность мыслить, анализировать, делать выводы, что и проявилось в 2009 году, когда впервые прошел набор студентов с использованием результатов ЕГЭ. Читаем статью Елены Данилевич в газете «Аргументы и факты» (№30, 2009) под названием «Хочу быть фелологом», которая начинается словами: «*Очередной скандал в сфере образования*». Далее на примере Санкт-Петербурга автор показывает, чем обернулась новая система приема в высшие учебные заведения на основе конкурса аттестатов и сертификатов с итогами ЕГЭ: «*По действующим правилам, сегодня достаточно даже по почте отправить в любой вуз копии аттестата об окончании школы и сертификата с результатами ЕГЭ — и ты абитуриент*».

В Петербурге «рекорд поставил выпускник, подавший документы одновременно на 18 направлений СПбГУ». Отме-

тим, что существуют и другие высшие учебные заведения, куда он также мог отправить копии документов с заявлением о приеме. Приемные комиссии вузов были завалены, фактически, липовыми заявлениями, которые никак не отражали желание бывшего школьника учиться именно в этом высшем заведении. Кроме того, эта система открывает широкие возможности для поступления в вузы людей, имеющих хорошие деньги для покупки лучших аттестатов об окончании школы и результатов ЕГЭ.

В результате институты берут «кота в мешке» со справкой о ЕГЭ. Каковы реально знания абитуриента? Определить это невозможно. ЕГЭ наполнил институты неграмотными, обеспечив профессорам головную боль, а стране — дальнейшее падение уровня образования. Теперь уже высшего. Профессор-историк в телевизионной программе рассказал, что, используя принцип ЕГЭ, он задал вопрос своим студентам: «Какой журнал (альманах) издавали декабристы — «Огонек», «Полярная звезда», «Крокодил»? Часть студентов ответила: «Огонек», а на другой вопрос: «Какое событие революционного характера имело место в 1825-м году», некоторые ответили: «Кровавое воскресенье!» И уже есть данные, показывающие, что больше 20% опрошенных считают, что Солнце является спутником Земли.

Главный редактор газеты «Аргументы и факты» Н.Зятьков пишет: «Участники процесса поступления (абитуриенты, их родители, члены приемных комиссий, руководство учебных заведений) оценивают сложившуюся ситуацию одним словом — «дурдом!»» Редактор отнюдь не оппозиционной газеты, какой является газета «Аргументы и факты» недоумевает: «...а для чего все это затевалось?» И продолжает делать открытия: «Систему образования СССР, одну из лучших в мире, сломали под лозунгом: «Даешь справедливое поступление в вузы талантов из глубинки!» Без взяток и без дискриминации... Но получилось-то только хуже! Справки об инвалидности покупаются, результаты ЕГЭ — тоже. Второй лозунг касался необходимости сделать дипломы российских вузов котирующимися в Европе. При этом умалчивалось, что и со старыми, наши мозги как утекали, так и продолжают утекать за рубеж. И вообще, с какой стати мы должны помогать западному рынку труда переманивать наши молодые таланты?!»

Но Н.Зятьков не задает главные вопросы. Кем проплачено введение ЕГЭ в России? Почему, несмотря на многочисленные протесты общественности, А.Фурсенко остается на посту министра? Впрочем, ответ на последний вопрос ясен:

доверенное лицо правящей бюрократии выполняет стратегическую задачу: с помощью ЕГЭ и реформы высшего образования решается проблема превращения умного от природы русского ребенка в потребителя, в «специалиста» по обслуживанию газовых и нефтяных задвижек.

Н.Иванова-Гладильщикова в статье «Буйство коррупции» пишет: «ЕГЭ-2009 возвел коррупцию в квадрат, а образование свел к нулю. В этом году экзамен провалился не менее оглушительно, чем в прошлом. Он не выполнил ни одной из предписанных ему задач: не стал объективным измерителем качества образования, и не решил проблем коррупции. В эпицентре коррупции оказались как школьные учителя, так и вузовские преподаватели, готовящие школьников к олимпиадам. Бороться с этим начальство не может и не хочет...»

Президент Д.Медведев поддержал министра и поставил точку в бурных дискуссиях по поводу ЕГЭ: «Решение принято. Нужно разработать оптимальный механизм, по которому этот экзамен будет приниматься». Однако академик С.П. Капица рассказал, как он прямо заявил главе российского правительства: РФ превращают в страну идиотов. На что глава ответил: «Я не могу согласиться с формой Вашего заявления, но согласен с его содержанием».

Официальной версией введения ЕГЭ была борьба с коррупцией. Это вроде поиска оружия массового уничтожения, что было поводом для ввода американских войск в Ирак. В Ираке оружия не нашли, но войска после этого вывести забыли. И в России дела не лучше — ЕГЭ с коррупцией не справился, но отменять его власти не собираются. И как американцы в Ираке, взявшиеся с автоматами внедрять демократию, так же поступают и наши чиновники с ЕГЭ, взявшись дорабатывать его.

Заместитель председателя Комитета Государственной думы Олег Смолин говорит, что новая система коррупции в образовании не только не истребила, а лишь увеличила и переориентировала потоки взяток: теперь берут и в школе, и в вузе. «По моим данным, «хороший ЕГЭ» в Москве стоил 60 тыс. рублей. В СМИ назывались цифры по Дагестану — от 10 до 50 тыс. рублей. Есть данные МВД о 2 тысячах случаев взяток в приемных комиссиях, когда абитуриентам с равными баллами продавались лучшие места в списке...»

Официальным версиям верят немногие. Но многие понимают — целью американцев в Ираке была нефть, цель ЕГЭ — превращение русской молодежи в дебилов, в людей, которые не отличают официальную версию от реальной жизни, не поймут, что делают с его страной. И не заметят, когда она исчез-

нет, и уж тем более не пойдут спасать ее от реформаторов, а это сейчас для правителей — самое главное.

Реформа образования имеет одну цель — обеспечить дальнейшее снижение интеллектуального потенциала России, закрепить за ней роль сырьевой колонии, ликвидировать возможность возрождения инновационных технологий. Еще осенью 1998 года, уже после отставки с поста заместителя председателя правительства, Альфред Кох фактически озвучил цели политики демократического руководства России: «Экономическое будущее России — сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать...»

Уже сегодня, по данным ЮНЕСКО, по интеллектуальному потенциалу молодежи Россия скатилась с 3-го места в мире (1953-й год) на 40-е, по другим данным — на 47-е место. И это, видимо, еще не предел. Пока программа ЕГЭ набирала обороты, в прошлом учебном году закрылось 300 школ, за последние десять лет число школьников сократилось на 8 миллионов человек.

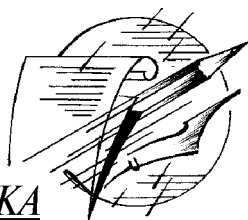
В современных условиях для России «сама возможность существования в мире», по справедливой оценке профессора Г.К. Семина, определяется степенью «реализации, сохранения и развития российского научно-технического и образовательного потенциала». Борьба за сохранение школы является ныне поистине вопросом жизни и смерти нашего народа.

СУДЬБА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Немного истории

Споры о четырех Южно-Курильских островах (Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи), принадлежащих сейчас России, ведутся довольно давно. Первыми эту территорию открыли российские мореплаватели в XVI—XVII веках, что подтверждается и японской исторической литературой. В первой половине XVIII в. на Курильские острова с целью их исследования был направлен ряд русских экспедиций, составлен чертеж исследованных островов и дано их описание. У местных жителей было выяснено, что Курильские острова не были заняты японцами. Таким образом русские не только первыми открыли эти острова и нанесли их на карту, но и первыми фактически установили над ними права владения. В последующие несколько десятилетий неоднократные экспедиции и обследования подтвердили непринадлежность Курильских островов Японии. Важной формой отношений России с Курильскими островами был сбор ясака, отражавший признание их жителями подданства России.

В 1786 году рескриптом императрицы Екатерины II все 18 Курильских островов провозглашены российскими владениями, к этому времени все насе-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ление уже считалось там православным. Россия уведомила Японию, что считает Курильские острова, как и Сахалин, своей территорией. Позже глава русского посольства, отправленного в Японию для установления торговых отношений, заявил японцам, что «на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений». Японские источники истории свидетельствуют о высадке японского «исследовательского» отряда на острове Итуруп, уничтожившего все знаки принадлежности острова России, и поставившего японские столбы. Таким образом Япония силой отторгла Южно-Курильские острова от России, а их коренные жители подвергались жестокой эксплуатации. С этих пор (первое десятилетие девятнадцатого века) эта территория в результате войн и подписанных в разное время соглашений переходила из рук в руки не один раз.

В 1845 г. Япония в одностороннем порядке провозгласила суверенитет над всем Сахалином и Курильскими островами. Это вызвало бурную негативную реакцию со стороны Николая I. Однако начавшаяся в 1853 г. Крымская война вынудила Российскую империю пойти навстречу Японии, так как вопреки международному праву англичане и французы использовали японские порты как базу для высадки десантов в Петропавловске и для бомбардировки этого города. В этих условиях Россия стремилась обеспечить дружественные отношения с Японией, чтобы обезопасить свои границы на Дальнем Востоке. Как следствие был подписан Симодский трактат в 1855 г., по которому Японии отходила территория 4 «спорных» островов. Еще через 20 лет был подписан Петербургский договор, по которому Россия передала Японии права на все 18 Курильских островов в обмен на Южный Сахалин, причиной этому послужила назревавшая война с Турцией, которая вскоре и разразилась. Будучи не в состоянии обеспечить безопасность всех дальневосточных районов, царское правительство предпочло укрепить в первую очередь ближние рубежи (Сахалин). Однако в результате многие районы русского Дальнего Востока оказались фактически отрезанными от Тихого океана. Коренное население островов, воспринявшее русскую культуру, подвергалось со стороны японцев эксплуатации, террору, лишению права выходить на промысел в море, лишалось оружия и насильственно выселялось на ранее необитаемые острова.

Несмотря на договоры, заключенные между Россией и Японией, в 1904 г. Япония вероломно напала на Россию. В

русско-японской войне царизм потерпел поражение. По Портсмутскому мирному договору Япония отторгла от России южную половину Сахалина.

Современное территориальное размежевание между СССР и Японией основывается на других, более поздних международных документах, непосредственно связанных с итогами Второй мировой войны и поражением японского милитаризма. В Каирской декларации 1943 года указывалось, что цель союзных держав (США, Великобритании и Китая) заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны. В этом заявлении также говорилось, что Япония должна быть лишена территорий, захваченных ею насилем в результате своей агрессии. В 1945 г. на Ялтинской конференции СССР, США и Великобритания достигли устной договорённости о вступлении Советского Союза в войну с Японией при условии возвращения ему после окончания войны Южного Сахалина и Курильских островов. Ровно через три месяца после капитуляции Германии, согласно условиям договорённости союзников, СССР начал боевые действия против Японии и оккупировал Южные Курилы. Таким образом Президиум Верховного Совета СССР издал указ о вхождении Южного Сахалина и Курил в состав СССР. 8 сентября 1951 года в Сан-Франциско заключён мирный договор между Японией и союзниками, согласно которому Япония отказалась от всех прав на Южный Сахалин и Курильские острова. Но теперь, по причине «внезапно» возникшей, противоречащей более ранним взглядам, официальной позиции Японии, Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи в состав Курильских островов не входили, и от них Япония не отказывалась.

В 1956 г. СССР и Япония приняли Совместную декларацию, которая прекращала состояние войны и восстанавливала дипломатические отношения между двумя странами, а также фиксировала согласие СССР на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора. В 1960 г. Япония продлила договор безопасности с США, являющийся юридической базой для пребывания американских войск на японской территории. На это СССР заявил, что поскольку данное соглашение направлено против СССР и КНР, советское правительство отказывается рассматривать вопрос о передаче островов Японии, поскольку это приведёт к расширению территории, используемой американскими войсками. Мирный договор не заключен и по сей день.

23 сентября 2009 г. на встрече премьер-министра Японии Юкио Хатояма и президента РФ Дмитрия Медведева, Хатояма сказал о желании решить территориальный спор и заключить мирный договор с Россией.

Значение «спорных» территорий

Анализ политической и экономической жизни Российской Федерации, состояния ее обороны, геополитического положения и дипломатической деятельности говорит о наличии серьезных угроз для безопасности нашей страны. Все больше возрастают масштабы и глубина разрушения экономического и военного потенциалов России, что в тенденции чревато утратой российским народом независимости и свободы, превращением страны фактически в полуколонию. Реальные и трезвые оценки внешней политики показывают существенные экономические потери для нашей страны, не говоря уже об общем ухудшении геостратегической стабильности в мире и связанных с этим локальных международных конфликтах. Это курс проведения на международной арене политики односторонних, ничем не оправданных уступок и в конечном итоге сдачи стратегических международных позиций, забвения и даже предательства национальных интересов России, дешевой распродажи того, что накапливалось и формировалось столетиями, путем действий, направленных на нарушение территориальной целостности страны. Таким образом в жертву иностранным державам приносятся коренные интересы народов России, безопасность страны. «Новое политическое мышление» Горбачева и его последователей в российской дипломатии, действующих в сфере международных отношений во имя т.н. «общечеловеческих интересов» привело к опаснейшим геополитическим процессам, взорвало относительную стабильность всей системы международных отношений, в том числе и на Дальнем Востоке. Официальное признание некой «территориальной проблемы» в подписанном М.Горбачевым в 1991 г. совместном советско-японском заявлении означало начало пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке по отношению к Японии, реализации ею политики своего рода «мирного реванша», т.е. достижения важных геостратегических побед и приобретений без войны, исключительно путем государственно-дипломатического нажима и переговоров. Последствия этого нового курса в сфере международных отношений не замедлили сказаться. Ослабление внешнеполитических позиций России, дальнейшее усугубление экономичес-

кого кризиса подталкивают японские реваншистские круги к более активным претензиям на острова Курильской гряды. Запад, включая США, несомненно, выступает в этом конфликте на стороне Японии солидарным блоком. Покровительство надеждам Японии со стороны вездесущих США лишь внешне способствует интересам японского государства. На деле же целью США было всемерное ослабление других держав региона.

В случае передачи Южно-Курильских островов Японии возникнет серьезная угроза национальной безопасности России. Курильские острова имеют стратегическое значение с точки зрения поддержания обороноспособности, сохранения гарантий суверенитета и независимости, безопасности государственных интересов России. Сегодня мы не знаем и не можем знать, каков будет ход истории даже в ближайшие пять лет, не говоря уже о XXI веке в целом, и какие опасности могут ожидать наше государство, народы России в будущем. По подсчетам экспертов, к сороковым годам третьего тысячелетия наступит истощение ресурсов планеты. То есть ресурсов осталось лет на тридцать-сорок, и предстоит планетарная схватка за выживание стран и народов. Надвигаются энергетический, сырьевой и экологический кризисы.

Начнем с военно-стратегического аспекта. Через Курильские острова проходят все проливы, ведущие из Охотского моря в Тихий океан. В случае передачи Японии Кунашира и Итурупа Япония будет полностью контролировать пролив Екатерины. Через него сможет осуществляться свободный беспрепятственный и неконтролируемый проход противолодочных подводных лодок военно-морских сил США и Японии. Утрата хотя бы части Курильских островов приведет к нарушениям военной инфраструктуры и целостности единой стратегической обороны на Дальнем Востоке. Не следует забывать, что в 30-е годы Курильские острова расценивались милитаристской Японией как непосредственный плацдарм для нападения на Советский Дальний Восток, а ко Второй мировой войне было завершено превращение Курил в мощный плацдарм для ведения войны против СССР. Кроме того, Тихоокеанский флот СССР был лишен свободного выхода в Тихий океан, поскольку японские вооруженные силы полностью контролировали курильские проливы. После восстановления исторических прав Советского Союза на Курильские острова советские суда получили возможность беспрепятственного плавания через курильские проливы. Тем самым была обеспечена нормальная связь южных районов Дальнего Востока с северными, а также со странами бассей-

на Тихого океана. Южная группа Курильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан) обладает естественно подготовленными участками территории для размещения вооруженных сил, особенно систем противоракетной обороны, направленной против России на ближних подступах к ней.

Отказ России от стратегически важных для нее Курильских островов означал бы нейтрализацию России как «центра силы» на Дальнем Востоке. Вследствие этого расширится геостратегическое пространство для военного присутствия Японии и США в непосредственной близости от границ России. Это может означать установление жесткого американо-японского военно-морского контроля. Следует иметь в виду, что эти же территории с равным успехом могут быть использованы в военном отношении и против России, против ее Тихоокеанского флота. Россия сегодня видит союзников в своих былых и недавних военных противниках. Но мир весьма динамичен, и в каждый данный момент невозможно предугадать, как развернутся события в мире, каков будет ход истории, какие опасности и откуда могут ожидать Российское государство в будущем. Теоретически несложно предположить, что если удовлетворить притязания Токио хотя бы на часть Южных Курил, то на этих островах сразу же будут размещены объекты упомянутых систем ПРО и ПЛО, направленные против российского Дальнего Востока.

Территория южных Курильских островов являет собой совершенно уникальное сочетание природных, рекреационных и территориальных ресурсов России. Экономический потенциал этих ресурсов колоссален, их достаточно, чтобы обеспечить доходами бюджет любого региона России. Курилы — это воистину кладовая различных полезных ископаемых. Запасы углеводородов, ресурсы золота, серебра, железа, имеются парогидротермы, залежи полиметаллических руд, серы (это сырье — одно из самых дефицитных в России). На Итурупe на вулкане российскими учеными открыт сульфид рения. Этот металл чрезвычайно рассеян в природе и не имеет собственных месторождений. Ежегодный вынос с газами редкого металла рения, который дороже золота, соответствует его годовому **мировому** потреблению. Главный минерально-сырьевой ресурс здешнего шельфа — титаномагнетитовые руды. Титан — металл XXI века. Именно поэтому вполне объясним интерес Японии, ее промышленников и бизнесменов сделать эти запасы титановых и других руд, биоресурсов своей национальной собственностью, чтобы затем беспрепятственно и с минимальными издержками их эксплуатиро-

вать в интересах японской экономики. Оценочная стоимость полезных ископаемых всех островов составляет более 87 миллиардов долларов.

Главную роль в экономике островов играет рыбопереработка, ныне на дальневосточный бассейн приходится 70—80% общероссийского улова. По некоторым оценкам, добыча морской фауны в этом районе может приносить России около 5 миллиардов долларов в год. Это не только продукты питания для российского народа, но и источник получения валюты от экспорта. Стоимость ресурсов биомассы шельфа Южно-Курильских островов не поддается фиксированной оценке ввиду их практической неисчерпаемости во времени и высокой продуктивности биомассы здесь.

Рекреационные ресурсы островов уникальны — практически нетронутая экология, ценные минеральные воды лечебного и столового назначения, йодобромные воды и грязи. Наконец, термальные воды и парогидротермы как альтернативный источник тепла и энергии. В недрах Сахалина и Курил имеются практически все известные в природе типы вод. Кроме того, здесь имеются запасы торфа.

Выводы

Таким образом даже на основании событий истории, притязания Японии на так называемые «спорные» территории абсолютно необоснованны. Во-первых, право на обладание Курилами по принципу «первопроходства» не оправдывает себя. Во-вторых, нынешняя Япония — это послевоенное государство, и урегулирование может исходить единственно из послевоенной международно-правовой основы, тем более, что только эта основа имеет юридическую силу. Все исторические договоры прошлого, на которые ссылаются японские политики, вообще утратили силу, причем не в 1945 г., а еще в 1904 г. — с началом русско-японской войны, ибо международное право гласит: состояние войны между государствами прекращает действие всех и всяческих договоров между ними. Уже по одному этому весь «исторический» пласт аргументации японской стороны не имеет отношения к правам сегодняшнего японского государства, хотя, безусловно, имеет отношение к истории Японии. Да и тем более, навязав России несправедливый, грабительский Портсмутский договор по итогам русско-японской войны, Япония тем самым перечеркнула предыдущие договоры, заключенные с Россией, и полностью утратила всякое право ссылаться на них. Поэтому совершенно несостоятельны попытки правящих кругов Япо-

нии использовать растоптанные японской военщиной договоры для оправдания своих территориальных притязаний к Советскому Союзу, впоследствии — России. Совершив интвенцию в Советскую Россию, Япония окончательно лишила себя всяких моральных прав ссылаться на договоры 1855 и 1873 гг., которые она сама же аннулировала. В третьих, Япония, проиграв последнюю войну, потеряла территории, которые получила, выиграв предыдущую.

Официальный сайт префектуры Хоккайдо обозначает уже включенными на японской карте в состав Японии не только «спорные» территории (острова Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи), но и половину Сахалина и Курилы севернее. Этот факт доказывает, что даже передача островов навряд ли решит проблему. Нетрудно догадаться, что аппетиты Японии не ограничатся двумя-четырьмя островами, она может поставить вопрос о всей Курильской гряде, а затем и о Сахалине, что неизбежно приведет к новым военным столкновениям в движении «за собиране земель». Доказательством этому служат свидетельства СМИ о том, что увидев возможность согласия России на передачу двух островов, японцы хотят начинать переговоры о двух других, и лишь после этого перейти к подписанию мирного договора.

Если же передать острова, а значит, и прилегающую к ним 200-мильную экономическую зону и шельф вокруг этих островов, страна лишится огромного богатства, включая значительные островные, морские биологические и минеральные ресурсы, стратегические проливы и часть ресурсов еще и Охотского моря. Более того, с переходом Южно-Курильских островов под японскую юрисдикцию Япония вправе запретить добычу рыбы в районе Южных Курил, используя эти ресурсы для снабжения продуктами питания своего собственного населения. Если эти острова будут отданы, то России придется платить в валюте японскому правительству за разрешение ловить рыбу в этом районе порядка миллиарда долларов в год. А это еще больше ухудшит наше экономическое положение и снабжение рыбными продуктами питания. Кроме того, российским судам придется платить за проход из Японского моря в Тихий океан через отошедшие к Японии проливы. Все территории, на которые претендует Япония, имеют важное стратегическое значение. Через Южно-Курильские проливы достигается кратчайшее расстояние между портами Хабаровского, Приморского краёв и Магаданской области, а также между портами Сахалина и Тихим океаном. Когда Курилы принадлежали Японии, СССР ежегодно платил японской стороне до 80 миллионов долла-

ров в год за такой транзит. Кстати, по сообщениям японских СМИ, пользование Южно-Курильскими проливами, в случае их передачи Японии, обойдется России не менее чем в 100 миллионов долларов в год.

Сиюминутные интересы и просто нелепый расчет на «выигрыш» от передачи островов японскому государству очень скоро обернутся гигантскими материальными и моральными потерями для России. Без Курил, без их рыбных и природных запасов мы станем значительно беднее. Стратегическое, военное и экономическое значение этих островов колоссально. По самым предварительным оценкам, весь комплекс природных ресурсов Южно-Курильского субрегиона, даже без оценки стоимости земли территории островов, составляет не менее 2,5 триллиона долларов США. Эта оценка, опять же по мере истощения мировых ресурсов, будет соответственно возрастать. Таким образом, очень легко сопоставить экономические потери России от передачи этих островов. Удовлетворение территориальных притязаний Японии в конечном итоге будет означать для России резкое ухудшение ее геостратегических и экономических позиций на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющем важное значение для мирового развития в настоящее время и в обозримой перспективе. Передача Курил Японии окажет негативное воздействие и на внутреннее экономическое и социально-политическое положение в России. Южные Курилы — это только начало. Начнутся глобальные геополитические подвижки и как следствие — новый передел мира, ревизия итогов Второй мировой войны. Вслед за ними встанет вопрос о Северных Курилах и Южном Сахалине. Далее с неизбежностью последуют Калининград с областью, имеющий такой же международно-правовой статус, как и Курильские острова, и другие территории и регионы, отошедшие к СССР в результате Второй мировой войны. Необходимые «международно-правовые обоснования» для этого всегда найдутся.

Таким образом, проблема заключения двухстороннего мирного договора в отношениях России и Японии спустя 64 года после окончания войны не имеет практического значения и прагматического смысла, если Япония продолжает отстаивать тезис о «территориальной проблеме» и «спорных островах». Япония настаивает на необходимости мирного договора именно потому, что советско-японской Декларацией 1956 года предусмотрена передача Японии части Южно-Курильских островов именно после заключения мирного договора. Такой мирный договор нужен Японии, а отнюдь не России. Несостоятельны заявления о том, что для нормаль-

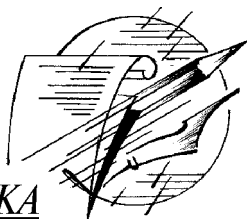
ных взаимоотношений якобы совершенно необходим мирный договор — в международном праве немало случаев, когда послевоенное урегулирование обходилось без него. Безусловной необходимости мирного договора для России нет, как не было и нет мирного договора с Германией. Сам факт ведения межгосударственных переговоров по российско-японской «территориальной проблеме» уже представляет собой повторство Японии в непризнании ею итогов Второй мировой войны. Японские притязания на российские дальневосточные территории — Курилы — неправомерны. Лучшее решение проблемы якобы спорных территорий может послужить принцип незыблемости итогов Второй мировой войны, который и должен быть положен в основу нового этапа русско-японских отношений.

ПАТРИОТЫ И НЕГОДЯИ

У каждого времени свои знаковые фразы, которые передают либо величие, либо низость устремлений. Почти два десятилетия, начиная с горбачевской «катастрофы», правда, в последние два-три путинских года значительно реже, либеральная пресса, либеральные политики твердили как заклинание, как приговор: «Патриотизм — это последнее прибежище негодяев». И трактовалась эта фраза однозначно: патриот и негодяй суть одно и то же. Больше того, подразумевался не патриотизм вообще, а патриотизм русский или российский. Патриотизм американцев почему-то не вызывал возражений, он даже умилял: они так любят вывешивать из окон своих домов и квартир национальные флаги и всегда поют свой гимн. Не смущал наших либералов патриотизм англичан, поляков, латышей и прочих шведов.

Но наш патриотизм раздражал и раздражает.

Вначале эту фразу приписывали Л.Толстому, будто автор «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира» спал и видел, как бы отождествить патриотов и негодяев. Затем — С. Джонсону, английскому критику, лексикографу, эссеисту и поэту, жившему в XVIII веке. Но С. Джонсон не писал этой фразы. Она взята из книги его био-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

графа. По-английски звучит так: «Patriotism is the last refuge of a scoundrel». Джонсон славился острословием и парадоксами. Смысл этой фразы, приведенной биографом, абсолютно иной. Чуть ниже вы увидите, что на самом деле думал о патриотизме и патриотах этот замечательный англичанин. И лишний раз убедитесь, что у нас не принято заглядывать в святцы.

Еще в годы перестройки, когда эта фраза стала активно вбиваться в наши головы, я спрашивал знакомых англичан, в чем ее истинный смысл. Московский корреспондент одной лондонской газеты разъяснил: «Совсем не в том, что приписывают Джонсону у вас. Он же составил первый «Словарь английского языка», то есть сделал то, что В. Даль сделал в России в XIX веке. Мог ваш Даль быть ненавистником патриотов? Разумеется, среди патриотов есть негодяи, демагоги, недалекие и глупые люди, помешанные на чем-либо, и т. п. Но такие есть повсюду — среди верующих, среди атеистов, среди приверженцев любой политической партии, среди министров и даже священников. Но это совсем другая тема».

Знакомый корреспондент напомнил мне историю с английским военным министром Профьюмо. Министр тайком навещал сомнительное заведение, где встречался с некой Кристиной Киллер, смазливой жрицей любви. И в благодарность за приемы почему-то подробно делился с ней информацией, которую в министерстве обороны держали под грифом «Совершенно секретно». А Кристина, как разведали репортеры, пересказывала услышанное капитану Иванову. Разразился грандиозный скандал. Капитана мгновенно отправили домой. Профьюмо отправлять было некуда. Он, конечно, мог бы спроводить себя в мир иной, но не решился. Карьера, естественно, оборвалась, все двери в Англии — и официальные, и неофициальные — перед ним захлопнулись. Для англичан он стал подлинным негодяем. Когда скандал, в конце концов, сошел на нет, пресса забыла о Профьюмо, как о покойнике. И вдруг четыре или пять лет спустя какая-то газета мельком сообщила, что забытый экс-министр все эти годы усердно работал в благотворительных организациях, помогая обездоленным, делал посильное благо для своей страны. В этом было его душевное спасение.

«Так вот, — продолжал знакомый корреспондент, — смысл фразы звучит так: не все пропало даже у самого пропадающего человека, если в его душе сохраняется чувство Родины, в ней его последняя надежда и спасение».

Кстати, английское слово *refuge* (прибежище) имеет ряд смысловых оттенков, которые пропадают при переводе. Это не просто прибежище, а спасение, спасительное прибежище.

Но обратимся к первоисточнику. Во всех английских энциклопедиях и биографических словарях среди работ С. Джонсона упоминается нашумевшее в свое время эссе «Патриот». Опубликовано в 1774 году, оно имело подзаголовок «Обращение к избирателям Великобритании». Кстати, достать его оказалось не так просто. Историческая библиотека и Библиотека иностранной литературы ответили быстро и четко: «Не располагаем». В «Ленинке» хоть и не сразу, но нашелся все-таки 8-й том Собрания сочинений С. Джонсона, изданный в Лондоне в 1792 году, где и помещено эссе. И тут уж без длинной цитаты не обойтись. Но это подлинный Джонсон.

Он писал перед очередными выборами в парламент о патриотизме и патриотах: *«В конце каждого семилетия наступает пора сатурналий (римский праздник в честь бога Сатурна, длившийся 7 дней. — Н.Е.), и свободные мужчины Великобритании могут поздравить себя: у них есть из кого выбрать своих представителей. Отобрать и направить в парламент депутатов, которым принимать законы и определять налоги, это высокая честь и серьезная ответственность: каждый избиратель должен задуматься, как поддержать такую честь и как оправдать такую ответственность.*

Необходимо убедить всех, кто имеет право голоса в этом национальном обсуждении: только Патриот достоин места в парламенте. Никто другой не защитит наших прав, никто другой не заслужит нашего доверия.

Патриотом же является тот, чья общественная деятельность определяется лишь одним-единственным мотивом — любовью к своей стране, тот, кто, представляя нас в парламенте, руководствуется в каждом случае не личными побуждениями и опасениями, не личной добротой или обидой, а общими интересами».

Джонсон, как видите, не только не ставил знак равенства между патриотом и негодяем, но и само слово «Патриот» уважительно писал с большой буквы.

Больше того, предостерегал избирателей: опасайтесь деятелей, озабоченных «не благом собственной страны, а осуществлением своих преступных замыслов». И настаивал: «Не может быть Патриотом человек, который хотел бы видеть, как у его страны отбирают права». Эссе заканчивалось призывом к избирателям объединиться вокруг Патриотов. Чем не памятка для любых выборов и в России!

Наша либеральная интеллигенция, похоже, не доросла еще до уровня Джонсона или, наоборот, опустилась намного ниже этого уровня.

Академик А. Губер, известный искусствовед, как-то взял у своего сына школьный учебник (это было в 50-е годы), посмотрел, как авторы подают Достоевского, Фета и Тютчева, рассмеялся и воскликнул: «Какие дураки!»

Просто ли дураки нынешние либералы, равняя патриота с негодяем, историю России сводя к цепи несуразиц, преступлений и неудач? А русский народ — к темной, безликой и бесталанной массе? Дури, похоже, у либералов хватает, но не это главное. За этим — эмоции и обиды на народ, который их не принял. Не хотят, оказывается, русские, чтобы их страна развалилась на 12—15 частей. Не так голосуют (помните, «Россия, ты сдурела»). Им подавай другой народ. За этим сугубо практические — неблагоприятные! — цели. За этим взятая на веру чужая кабинетная теория, будто государство — всего лишь ночной сторож, который не должен ведать, что творят «грязнохватые» (определение А. Солженицына) днем.

Русская литература потому и стала великой, что была совестью народа, выражала его дух, его миропонимание. «Я никогда не мог понять мысли, — писал Ф. Достоевский в «Дневнике писателя», — что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке». Достоевский — не мог. Нынешняя либеральная интеллигенция не только смогла, но и всячески способствовала, чтобы одна десятая как раз и жила припеваючи, покупая то лондонские футбольные клубы, то «боинги», какие не снились и американскому президенту, то просаживая сотни тысяч в казино «Ударник».

Русские люди не были готовы в одночасье перейти в рыночные условия. Их исторический опыт, особенности национального сознания, чувство коллективизма не способствовали такому переходу. Можно насмеяться над ними за это, можно восхищаться ими, но факт есть факт. Не в бирюльки играли они десять пятилеток, а сообща обустроивали свои просторы и сделали немало. Чтобы все это растащить и прикарманить, надо было «умный, добрый наш народ» (А. С. Грибоедов) одурманить, сбить с толку, лишить духовной опоры, веры в свои ценности, в свою историю, в свои свершения. Потому и появилась эта фраза о патриотах и негодях. И что показательно: за тысячелетия цивилизации ни один выдающийся ум не поставил под сомнение чувство любви к Родине. Пришлось переименовать, исказить то, что попало под

руку, и как тараном начали бить фальшивкой по национальному сознанию, лишь бы повернуть дурное дело.

И еще вопрос, прямо связанный с данной темой, — положение русского народа. В советское время был период, когда слово «русский», мягко говоря, не поощрялось. Была, например, армянская или грузинская литература, но стыдились писать «русская литература». Хотя в паспорте тогда все же значилось — русский, грузин или аварец. Когда у нас обсуждаются какие-либо национальные или межнациональные проблемы, то, как и в советское время, речь и сейчас идет почему-то исключительно о малых народах. Им, говорят, надо создать такие условия, чтобы они жили хорошо. Спорить не о чем: все народы нашей страны должны жить хорошо. Но ведь и русские — тоже. Наша беда, что русский — государствообразующий — народ жил и живет плохо. Одна из главных причин развала СССР в этом. Не мог народ выдюжить, когда ежегодно из бюджета России изымалась на дотации остальные союзным республикам астрономическая сумма — около 50 млрд. долларов (см. «Русский фактор» в российской политике» — доклад, подготовленный департаментом политических проблем фонда «Реформа» под руководством А. Миграняна, «НГ-сценарий», 14.06.2000 г.).

В годы советской власти за счет России, то есть прежде всего за счет русского народа, развивались практически все союзные республики. В 20-е годы — даже Украина. На праздновании 50-летия СССР Брежнев с гордостью говорил об этом как о подвиге русского народа, а первые секретари из союзных республик славословили щедрость русского народа. Многие тогда считали, что такая политика справедлива: жили в одной стране, одной семьей. Сегодня возникают сомнения. Да, помощь — дело благородное, но Россия не дойна корова. Посильно ли было отрывать от русского народа по 50 млрд. долларов в год? Не лучше ли было бы обустроить Центральную Россию, то же Нечерноземье, а не прокладывать, например, каналы для будущего туркменбаши?

Положение русского народа никак не должно забываться при обсуждении национальных проблем. Это ключевой вопрос. Будет жить хорошо государствообразующий народ, будет хорошо всем остальным.

Кампания против патриотизма и патриотов всегда носила антирусский характер. Русский народ всегда испытывал глубокие чувства к Родине. «О Русская земля, ты уже за холмом» — сколько чувств в этом восклицании безвестного автора «Слова о полку Игореве». Любовь к Отечеству помогала во всех испытаниях выстоять народу, сохраниться как этно-

су. Недаром Гитлер ставил целью не просто разгромить СССР, а «разгромить русских как народ».

В годы либеральных реформ шло ожесточенное наступление на само понятие «Родина». Защитников Отечества высеивали, подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной, подвергались глумлению, герои — забвению. Даже подвиг Красной армии, всего народа, переломавших, как признавал Черчилль, хребет гитлеровскому вермахту, замалчивался. Как утверждал один школьный учебник, решающим во всей войне было сражение за остров Кваджалейн. За крохотный островок в Тихом океане. Победу отнимали у народа. Превеличение? Ничуть.

Вот весьма примечательный штрих. Газета «Ведомости», издаваемая совместно с американской *The Wall Street Journal* и английской *The Financial Times*, так закончила рецензию на выступление Д.Хворостовского на Красной площади: «Он уверенно вернул публике лучшее из утраченного — память о войне, патриотизме, честную лирику». Для любой страны этот перечень утрат таков, что не приведи Господи. Главное для либералов — личность, нет ничего важнее свободы и прав личности, а страна, общество — что-то второстепенное. Так внушали СМИ. Человек, убеждали нас, вправе менять Родину как перчатки. Принятие того или иного гражданства — это акт самоопределения личности, и не более того. Понравилось жить здесь — принимаешь гражданство, разонравилось — ищешь другое подданство. Насаждалось какое-то торгашеское отношение к Родине. Совсем как у раннего Мандельштама: «Но люблю мою бедную землю оттого, что иной не видал». И вся любовь.

Великая русская литература не приемлет такого подхода. Жуковский, Пушкин, Достоевский, Блок или Есенин относились к Родине по-иному. Вспомните хотя бы есенинские строки: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте Родину мою».

Разумеется, Родина не должна быть тюрьмой для человека. Но не может она быть и проходным двором. Речь не о том, чтобы снова городить «железный занавес». Да он и не нужен. Финансовый занавес действует изошреннее и не менее жестко. Видимо, следует смириться с тем, что есть люди, в том числе и русские, начисто лишённые чувства Родины, русского национального сознания. Их можно только пожалеть за отсутствие этого великого дара. Они уезжали и уезжают. И, как говорится, скатертью дорога. Лишь бы не мешали. Возможно, фраза о патриотах и негодях им даже служит утешением.

Надо только помнить неустаревающую «памятку» Джонсона избирателям. На сельских, городских, региональных или федеральных выборах голосовать за Патриотов, а они не могут быть монополией какой-либо одной партии. То есть голосовать за тех, кто действует не по принципу «норови в карман», а отстаивает общие интересы. Люди, лишённые чувства Родины, не должны у нас писать школьные учебники, рулить телеканалами, ведать ее культурой, направлять ее экономику. С ними нашу общую беду не перемочь, России не возродить. Стране нужны люди, любящие Родину, умеющие делать дело.

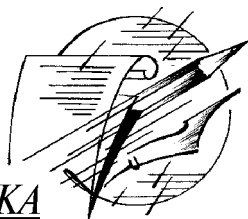
Русского можно ошеломить, на какое-то время сбить с толку, но чуть ли не на генном уровне в нем крепко заложено: не будет честный человек сам по себе жить хорошо, если Родине нехорошо, если над ней нависла опасность. За этой верой опыт столетий, усвоенный русским народом, — Куликовская битва, изгнание поляков, Бородино, Сталинград и Курская дуга. И великие предки — от Сергия Радонежского и Козьмы Минина с Пожарским до маршала Жукова.

Наши либералы прекрасно знают, но молчат — в цивилизованных странах, на которые они молятся, живут и действуют именно по Джонсону. Не искаженному, а подлинному. Или, если хотите, по Наполеону Бонапарту, который считал, что любовь к Родине — первое достоинство цивилизованного человека.

«КАСКАДЕРЫ», ВПЕРЕД!

Чуть более 30 лет назад, в декабре 1979 года, советские войска перешли пограничную реку Пяндж и началась афганская эпопея. Вопреки расхожему мнению, усиленно подогреваемому демократическими шелкоперами, воевали мы в Афгане блестяще. Напомним, что невосполнимые потери Советской армии за десять лет военных действий составили 14 тысяч человек, в то время как «духи» потеряли убитыми около миллиона. В отличие от новой демократической России, при тоталитарном советском режиме солдат пушечным мясом не считался. Вот лишь один характерный пример. В период афганской войны опытным путем было установлено, что если во время боя солдат, обутый в сапоги, наступает на мину, ему отрывает ногу до голенища сапога. Если на бойце ботинки — он теряет ногу до щиколотки, а если кроссовки — только ступню. Именно поэтому в 1986 году командование 40-й армии издало приказ, разрешающий солдатам и офицерам нарушать форму одежды, то есть носить более безопасную обувь.

Аналогичная ситуация и с военной техникой. Если на mine подрывались автомобили «ГАЗ-66» или «КамАЗ», то экипаж обычно погибал на месте или получал тяжелейшие ранения. А вот те, кто в момент взрыва находился в «Урале», ЗИЛе или «КрАЗе», как пра-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вило, отделялись лишь легкими увечьями. Поняв эту закономерность, офицеры в приказном порядке заставляли своих бойцов ездить в более безопасных машинах. Но вернемся к основной теме нашего повествования.

В январе 1980 года, анализируя первые недели советского военного присутствия в Афганистане, руководитель операции по штурму дворца Амина генерал Юрий Дроздов написал записку на имя шефа КГБ Юрия Андропова, в которой обосновывал необходимость создания специальных подразделений, предназначенных для проведения подобного рода акций за рубежом. Такое подразделение в структуре КГБ появилось летом 1981 года. Сейчас его все знают как «Вымпел», а тогда оно называлось более прозаично: Отдельный учебный центр. Слово «учебный», очевидно, понадобилось для маскировки. На самом деле задачи центра были отнюдь не учебными. Чего стоит, к примеру, серия спецопераций на территории Афганистана, вошедших в историю отечественных спецслужб под общим названием «Каскад»! Именно офицеры КГБ, прошедшие «Каскад», составили костяк будущего «Вымпела».

О «каскадерах» уже тогда, во время афганской эпопеи, слагали легенды. Эти ребята вытворяли такое, чему позавидует любой спецназ мира. История «Каскада» началась в июле 1980 года с постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании отряда особого назначения для работы в Афганистане. Через четыре дня последовал приказ председателя КГБ СССР, в котором были четко прописаны все вопросы, связанные с деятельностью этого отряда. Тогда же он получил свое название: «Каскад». Его функции также были четко обозначены в приказе по Комитету. Одна из важнейших задач: борьба с бандитским подпольем и контрреволюцией на территории дружественного Афганистана.

Первыми в июле 1980 года на борьбу с афганской контрой улетели 130 человек. В основном это были офицеры внешней разведки КГБ СССР, выпускники Курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС), а также сотрудники КГБ Украины, Казахстана, Узбекистана и Управления КГБ по Краснодарскому краю. Прежде чем отправиться в Афганистан, «каскадеры» проходили так называемую «обкатку пустыней». Происходило это в Фергане, где дислоцировалась 105-я воздушно-десантная дивизия. Здесь, на полигонах дивизии, бойцы «Каскада» привыкали к специфическим условиям пустыни и гор, а заодно тренировались, притирались друг к другу, проверяли оружие и снаряжение. 14 августа 1980 года началась переброска «каскадеров» в Афганистан.

Сначала военно-транспортная авиация доставила «каскадеров» в Кабул, Кандагар и Шинданд. Затем часть бойцов на бронетехнике в сопровождении подразделений 40-й армии добралась до Мазари-Шарифа и Кундуза. Эти пять населенных пунктов стали первыми местами дислокации наших «каскадеров». Затем к ним прибавились Джелалабад, Газни, Герат и Файзабад. А численность «Каскада» выросла до тысячи человек.

Структурно «Каскад» состоял из штаба и восьми отрядов. Штаб дислоцировался на вилле КГБ в Кабуле, отряды — в вышеперечисленных городах. В зоне ответственности каждого отряда находилась немалая территория, временами доходившая до трех афганских провинций. Причем, далеко не всегда «каскадеры» действовали под прикрытием регулярных частей Советской армии. Иногда спецкоманды «Каскада» вели работу там, где вообще не было советских войск. Иначе говоря, в глубоком тылу противника.

Вот, к примеру, воспоминания одного из бойцов «Каскада» Игоря Морозова о том, как готовили будущих «каскадеров»:

«Судьба сложилась так, что после средней школы я поступил в Московское высшее техническое училище имени Баумана. По окончании мне присвоили звание лейтенанта и отправили в Костромскую область в часть ПВО. Там я какое-то время работал по профилю: занимался эксплуатацией зенитных ракет. Неизвестно, сколько бы еще продолжалась моя зенитно-ракетная эпопея, но неожиданно пришел вызов в КГБ. Мне, молодому лейтенанту, предложили явиться в приемную Комитета на Кузнецком Мосту. Прихожу в назначенный час. Там сидит человек пятнадцать разношерстной публики. Дошла моя очередь. Вхожу в кабинет. И первый же вопрос: а помните ли вы, уважаемый Игорь Николаевич, разговор в режимном отделе Бауманки? Ну, как не помнить, отвечаю. Тогда в разговоре с офицером госбезопасности, опекавшем училище, я обмолвился о том, что хотел бы служить в органах КГБ. И вот, спустя год, мне этот разговор припомнили. Я подтвердил свое желание послужить Родине в рядах доблестных чекистов».

Потом несколько месяцев продолжалась проверка. Тесты следовали один за другим. Например, такой. Кандидата в «рыцари без страха и упрека» сажали в комнату, а перед ним на изящном стульчике устраивалась барышня в такой мини-юбке, что просто дух захватывало. Барышня эффектно перебрасывала ногу на ногу и при этом рассказывала что-то вкрадчивым голосом. Смысл теста заключался в том, чтобы

заметить изменения, происходившие в обстановке комнаты. Сделать это оказалось нелегко: все внимание молодого человека, естественно, приковывала к себе полуобнаженная красавица. К тому же и комната была в полумраке, так что рассмотреть детали было непросто. Игорь Морозов с тестом справился. Несмотря на старания барышни, Морозов заметил в дальнем углу какого-то мужика, который тихо появился там в разгар беседы с красоткой.

«Тесты перемежались с собеседованиями, — продолжает Игорь Морозов. — Вопреки расхожему мнению, фамилии членов Политбюро и тому подобную ерунду никто не спрашивал. В числе вопросов, которые мне почему-то запомнились, был такой: есть ли у вас квартира в Москве? Я ответил: есть. Вскоре после этого меня и еще несколько человек, в том числе и из Бауманки, отправили в Балашиху. Там располагалась 101-я диверсионно-разведывательная школа. Заведение, кстати, весьма любопытное. Достаточно сказать, что в этой школе учились многие известные советские разведчики, а преподавал диверсионное ремесло легенда советской разведки Илья Старинов. Мы, прошедшие тестирования, написали заявление: прошу, мол, зачислить в ряды борцов с врагами Родины. После этого — курс молодого бойца. И только затем нас построили на плацу и торжественно объявили, что мы зачислены в Высшую школу КГБ СССР».

Как позже выяснилось, приглашение поступить на службу в органы госбезопасности получили еще восемнадцать выпускников училища имени Баумана. Очевидно, тогда, в конце 1970-х, КГБ срочно потребовались технари, и по техническим вузам Москвы пошел отбор кандидатов. Морозов оказался в их числе: видимо, кое-где вспомнили о его желании бороться с врагами Родины.

«Обучение в Высшей школе КГБ считаю самым интересным и плодотворным периодом своей жизни, — признается Морозов. — До сих пор помню слова нашего первого преподавателя. Свою вступительную лекцию он начал так: «Забудьте о том, чему вас учили раньше. Всякие там марксизмы-ленинизмы и прочий бред, о котором пишут газеты, — это для простых смертных. Вы же борцы с врагами Родины, а потому знать должны гораздо больше, чем положено обычным советским гражданам».

И действительно, на лекциях и семинарах слушателям Высшей школы КГБ говорили такие вещи, от которых у простого советского обывателя волосы встали бы дыбом. Кое-что Игорь Морозов помнит почти слово в слово до сих пор. Например, изречение преподавателя истории о том, что пла-

менная революционерка Долорес Ибаррури — редкостная сучка. Впрочем, как и многие другие деятели международного коммунистического движения. Реальных врагов у нашей страны два: США и Китай. Недооценивать китайцев ни в коем случае нельзя. По оценкам наших аналитиков, в любой момент Поднебесная может выставить не менее 20 миллионов профессиональных солдат, причем, хорошо вооруженных и спаянных железной дисциплиной. И с каждым годом военное могущество Китая будет расти.

Сейчас, спустя три десятка лет, очевидно, насколько точными оказались данные нашей разведки и выводы, сделанные нашими аналитиками: Китай на самом деле стремительно становится одним из ведущих игроков на мировой арене, и игроком достаточно жестким. Во всяком случае, как только китайские лидеры сочтут момент подходящим, армия Поднебесной не остановится ни перед чем. А в том, насколько звериным может быть оскал китайской военщины, советские пограничники убедились в марте 1969 года во время вооруженного конфликта на острове Даманский...

Школу КГБ Игорь Морозов закончил в 1979. И сразу — боевое крещение: командировка в Афган. Что происходило в Кабуле и его окрестностях в ноябре-декабре 1979 года — сегодня общеизвестно. На языке чекистов операция по свержению режима Амина называлась «Байкал». Вот в этом самом «Байкале» и принял участие молодой чекист Морозов. А летом следующего года началось формирование отряда «Каскад».

Как выше уже говорилось, основной задачей «каскадеров» была разведка. Все полученные о бандах моджахедов сведения передавались в ПГУ КГБ СССР и в штаб 40-й армии. А дальше с бандитами разбирались армейские штурмовые группы, войсковая авиация и артиллерия. Сведения о дислокации моджахедов приходилось добывать разными способами. Один из методов — агентурная разведка. Уже к концу 1980 года, спустя всего пять месяцев после начала оперативно-боевой деятельности в Афганистане, на «каскадеров» активно работали около пятисот информаторов из числа местных крестьян. А чтобы отбить у них охоту работать на два фронта, «каскадеры» поступали следующим образом. Если тот или иной агент приносил интересную информацию, его обычно брали на борт вертолета, принимавшего участие в уничтожении банды. Таким образом, агент собственными глазами наблюдал за тем, как по его информации работают десантно-штурмовые группы. Учитывая распространенный на Востоке принцип кровной мести, после первого же такого спектакля можно было почти со стопроцентной увереннос-

тью сказать, что агент будет работать на нас и дальше, иного пути у него уже не было.

Осенью 1980 года полку «каскадеров» прибыло: в оперативное подчинение спецотряду КГБ прислали спецотряд МВД СССР «Кобальт». Численность милицейского спецназа — 600 человек. Усиление «Каскада» было связано с тем, что руководству отряда поручили, помимо оперативно-разведывательных мероприятий, создать афганскую милицию — Царандой и обучить личный состав Царандоя оперативному ремеслу. Для этого на подмогу «каскадерам» и прислали «Кобальт».

«Каскад» активно работал на территории «дружественного» Афганистана около шести месяцев — до января 1981 года. Однако на этом история «Каскада» не закончилась. Просто на смену одним «каскадерам» прибыли другие. Всего же в течение последующих полутора лет «Каскад» трижды полностью обновлял свой личный состав. Последний отряд — четвертый по счету — был самым крупным и действовал дольше других: с апреля 1982 по апрель 1983 года. Игорь Морозов, прошедший четвертый «Каскад» с первого и до последнего дня, вспоминает, что в отряде служили полторы тысячи человек, в том числе офицеры КГБ, солдаты погранвойск и переводчики.

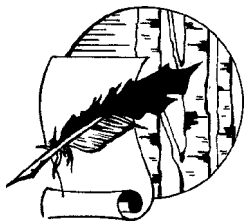
О том, как воевали в Афганистане бойцы спецотряда «Каскад», говорит следующий эпизод. Летом 1982 года крупная банда душманов попыталась штурмом овладеть городом Кандагаром. В тот момент частей Советской армии поблизости не оказалось. Очевидно, именно на это и рассчитывали «духи», когда затевали свое предприятие. Не учли они лишь одного: наличия в городе бойцов «Каскада». Несмотря на огромное численное превосходство, душманы потерпели полное фиаско. Ни одно из правительственных зданий они так и не взяли. Более того, через несколько часов боя «каскадеры» оттеснили «духов» к окраинам Кандагара, а вскоре к городу подоспели поднятые по тревоге подразделения Советской армии. В тот день бандиты только убитыми потеряли 45 человек. Потери «Каскада» — один боец убит и двенадцать ранены.

В апреле 1983 года история гэбэшных «каскадеров» закончилась. Вместе с ними закончился и период активной оперативно-боевой деятельности КГБ в Афганистане. Премникам «каскадеров» — офицерам отряда «Омега» предписывалось делать акцент не столько на оперативно-боевую, сколько на инструкторскую работу в подразделениях афганской армии и милиции, ведущих борьбу с моджахедами. По сути, сменившие «каскадеров» «омеговцы» стали скорее советниками, чем диверсантами и разведчиками.

Поразительно, но «каскадеры», помимо проведения блистательных операций, умудрялись сочинять стихи и даже песни. Естественно, никто никогда серьезно творчеством «каскадеров» не занимался и книги их произведений не составлял. И все же кое-что из поэтического наследия бойцов «Каскада» сохранилось. Вспоминает «каскадер» первого призыва Юрий Кирсанов:

— Летом 1980 года я оказался в числе тех, кто вошел в состав спецотряда КГБ СССР «Каскад» и готовился к отправке в Афганистан. События развивались с калейдоскопической быстротой. Мы были первые, а потому неразберихи хватало. Разумеется, в горячке сборов и подготовки к предстоящей командировке я как-то и не подумал о том, чтобы прихватить свою любимую гитару. Как позже выяснилось, никто из моих коллег до этого тоже не додумался. Однако уже через несколько дней, когда мы проходили «обкатку пустыней» в Узбекистане, наши взгляды поменялись. И вот во время одной из поездок в Ферганскую долину ребята купили мне гитару с логотипом «Олимпиада-80» (как раз в то время шли Олимпийские игры). Так что, в Афган я прибыл уже «во всеоружии», то есть с гитарой наперевес. Я ни разу не пожалел об этом. В начале августа нас несколькими бортами перебросили в провинцию Герат. Наша команда встала небольшим палаточным городком в 30 километрах от городка Шинданд в расположении мотострелкового полка. Несколько дней ушло на акклиматизацию, а затем начались боевые будни. В перерывах между операциями мы обустроивали свой быт и сочиняли стихи и песни. Поскольку впечатлений было выше крыши, творчество лилось у нас легко и непринужденно. Лично я лучшие свои песни написал в Афгане, когда служил «каскадером» первого призыва.

*И снова пули надрывно свистят,
Но если ты из отряда «Каскад»,
То это значит — ни шагу назад,
Вперед, «каскадеры»,
Пусть «духи» нам смертью грозят!*

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Александр ВОЛОГ

В ИСХОДЕ НОЧИ

Колобродит пространство всю ночь напролет.
Залегла тишина в беспробудной деревне.
Мир — впотьмах.
Это значит — сейчас запоет
Самый первый петух, понимающий время.

Вот он — ухо остро. Не зевать, не клевать!
И у заспанных кур не искать одобренья...
Всем — пока еще ночь. Всем на все наплевать.
Самый старый петух понимает, что время.

Вот он веки открыл, трепыхнул головой...
Он считает мгновенья, а кажется сонным.
Он начнет, а другие подхватят гурьбой,
Голосистым подспорьем к призыву о солнце.

Так не будем ворчать! Пусть горланит свое.
Краем уха послушай, в дремоте добрея,
А потом досыпай. Мир — впотьмах.
Но поет
Одинокий петух, понимающий время.

ОМУТ

Никогда я здесь не был...
Откуда ж я помню
Сероглазое небо
И речку-тихоню,
Вековечную лужу
И прозу навоза,

И досмертную дружбу
Избы и березы?
Никогда не петлял я
По этой тропинке,
Так откуда ж узнал я
Две кротких травинки?
Почему как родного
Меня принимает
По-над белой дорогою
Память немая?
Уцелевшей ограды
Коснулся рукой...
Может, это не радость,
Но, верно, — покой.
Двинул в омуте тесном
Тяжелым хвостом
Гостомыслов ровесник —
Громадина-сом...

г. Москва

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

ДИАЛОГ С ТЕНЬЮ

Ко многому душа моя готова.
Сегодня взгляд и пристален и строг.
К закату день склоняется, и снова
Я с тенью начинаю диалог:
— О, тень моя! Ты ближе всех на свете,
Ты неотступно следуешь за мной.
Легко ли тенью быть моей, ответь мне,
И почему ты чаще — за спиной? —
Она пожала острыми плечами:
— Хотелось быть мне ярче и длинней,
В зените дня меня не замечали,
И лишь с заходом солнца я видней.
С тобою претерпела я немало
И столько же готова претерпеть:
Ты падала — тебя я поднимала,
Но к звездам не давала улететь.
Стоишь сегодня, как на пьедестале,
Не знаешь только истины одной:

Однажды поменяемся местами —
И ты тогда последуешь за мной. —

НА ЗАБЫТОМ КЛАДБИЩЕ

На кладбище таинственно и пусто.
Какая здесь от века тишина,
Как все вокруг невыразимо грустно!
Среди крестов бреду совсем одна.
Родные мне или совсем чужие...
Тень каждого оплакала бы я.
Вы тоже на земле когда-то жили,
Скорбит, скорбит о вас душа моя.
Но кто я здесь? Случайный лишь прохожий,
Чья жизнь мечтами светлыми полна.
Был день на удивление погожий,
Но синь небес казалась мне темна.
Молитвенно стояла и молчала,
В раздумья глубоко погружена,
И чудилось: сквозь слезы различала
Всю жизнь — и без конца, и без начала —
Среди покоя вечного и сна.

г. Рязск, Рязанская обл.

Николай КАПИТАНОВ

* * *

Заулок. Вечер. Дремлют лопухи.
И так отрадно видеть под навесом —
Пилу, топор и красный срез ольхи,
Что пахнет сыростью и свежим лесом.

Опилок россыпь. Дюжина клячей —
У козел, растопыренных, как пальцы.
За синий холм, за рощу, за ручей
Уходят тихо облака-скитальцы.

Покой деревни — мил он и велик,
Когда уже безмолвствуют просторы
Да вязнут в отдаленье разговоры.
Лишь где-то голос подает кулик.

Туман в низине — белою стеной.
И спать в траве уляжется тревога.
И это — жизнь в провинции родной.
Здесь ближе до небес, до звезд, до Бога.

п. Редкино, Тверская обл.

Евгений ЗАХАРЧЕНКО

* * *

Промозглая осень шумит листопадом,
Пожухлой травой под ногами шурша.
И мысли, кочуя, проносятся рядом,
И будто бы ждет обновленья душа.

Промозглая осень, неслышно ступая,
Крадется к моей одинокой судьбе.
Печалится сердце, ее принимая, —
И все-таки, осень, спасибо тебе!

Спасибо за радость прощальной рябины,
За рокот высоких твоих журавлей.
Стою под дождем — и не прячу седины,
Согретый улыбкой приветной твоей.

г. Коломна, Московская обл.

Виктор ПРОХОРОВ

* * *

Друзей моих редееет скудный строй,
Жизнь выбивает их прямой наводкой.
Бутылка на столе, напротив стул пустой,
Да корка хлеба на стакане с водкой.
Логичен мир, где каждому свой путь
И час последний предначертан свыше.
Тех, кто уходит, не дано вернуть,
Их голоса становятся все тише.
И в этой тишине, ты хоть кричи,
Хоть волком вой, немного будет прока —
Откликнется бездомный пес в ночи,
Видать бродяге так же одиноко.

Струится дым дешевых сигарет,
И горечь турбулентного потока
Несет меня туда, где больше нет
Ни возраста, ни давности, ни срока.
Туда, где солнце о вершины гор
Вот-вот готово на куски разбиться.
И где я не был с тех далеких пор,
Как довелось на этот свет родиться.
Сирень, крыльцо, разохшаяся дверь
В страну стихов и недопетых песен.
Сознание того, что я теперь,
Такой как есть, здесь мало интересен.
Увы, назад теперь возврата нет.
Миры сошлись, вместив изломы судеб.
Допита водка и погашен свет.
А дальше будет то, что дальше будет.

г. *Златоуст*

Евгений АРТАМОНОВ

* * *

Здесь ветра даль
и редкие деревья,
а поутру
округа вся в росе.
Оставлю дом,
закрою плотно двери,
уйду по лугу
к ближнему шоссе.
Давно душа
и сердце отщепили.
Здесь даже изменились
воздух, высь.
Вот за оврагом —
близкие могилы,
но там еще
не все мы собрались.
Осталась грусть, —
не ведая испуга,
идет за мной,
как верная жена.

Здесь каждый год
нас отпевает вьюга.
И ставит свечи
долгая зима.

* * *

Мне неизвестно,
кто его ударил.
Виновного
давно простыл и след.
Пес издыхал
на грязном тротуаре,
не брал из рук
ни хлеба, ни конфет.
Он только выл,
закидывая морду,
да лил тоску
своих померкших глаз.
Земля была
холодной и твердой
под животом его
на этот раз.
И так меня
он мутным взглядом мерил,
как будто в муке
силился сказать:
«О, люди!
Я же вам настолько верил,
что даже не пытался
убежать...»

г. Рязань

Николай СИТНИКОВ

* * *

Возьму билет и тихо сяду в поезд.
Сойду на станции родного городка.
Найду отцовский дом,
Чтоб поклониться в пояс,
И будет наша встреча коротка.

Чужие люди отпрут ворота.
Пес на цепи оскалит злую пасть.

Пройду я в сад заросшим огородом
Что б к яблоне щекой своей припасть.

Дом глянет искоса из-под прикрытых ставен.
Шершавый ствол поглажу я щекой.
Когда-то здесь я мать с отцом оставил.
А может быть, и душу и покой.

г. Сочи

Дмитрий ЯРОШЕВСКИЙ

* * * *Гвардии полковнику Игорю Ткаченко*

Десятый сон уж миру снится...
— Ведь ты у нас пилот со стажем!
И что тебе, отец, не спится,
Перед «высоким» пилотажем?

В дому, поди, хватало хлеба...
Минуты счастья? Были, были!
А ты опять уходишь в небо,
Расправив собственные крылья.

Душа забилась... Жизни, жизни!
Сейчас бы воздух, полной грудью...
А под тобой, все ближе, ближе,
Дома людей и — судьбы, судьбы.

Глаза слезятся — блики, блики.
Еще чуть-чуть... Теперь уж скоро.
А над тобою — лики, лики,

И пенье ангельского хора!

г. Москва

Сергей ДВОРЕЦКИЙ

* * *

Когда в пути застанет вас рассвет —
Замрите, станьте, через раз дышите!

И твердо знайте: нету смерти, нет,
И радуйтесь и птицам хлеб крошите!

Крошите, ибо вечностью дыша,
Пребудет в крошках этих Суть и Вера,
И память, и пространство, и Душа —
Поступков и проступков наших мера.

И вскроется единственный секрет —
Плоток росы за это осушите —
Когда в пути застанет вас рассвет,
Обрадуйтесь и птицам хлеб крошите.

пос. Тума, Рязанская обл.

Петр ГЕРАСИМОВ

ЗЕМЛЯ. РОССИЯ

Земля. Россия. Старое село.
Приземистые, латаные избы.
Холодный мрак. Еще не рассвело.
Ползет туман — рассвета первый признак...

И я встаю, от холода дрожа;
Густой озон врывается в окошко.
Иду под небо. Колкий клуб ежа
Толкает лапой пыжистая кошка...

Село вдоль речки. За рекою лес
Вовсю кричит, аукаясь сычами.
К луне подкралось облако, как бес,
Что лихо потешается ночами...

Застыл, как столб. Но в радости душа:
Уж очень все таинственно и любо!
Горбатый пень на фоне камыша
Торчит над водью жажущим верблюдом...

Зарницы отдаленных деревень
В лучах зари исчезли молчаливо.
Орет петух под посвисты и звень,
Как колокол малинного отлива...

В пылу зари совсем уж рассвело;
Тень облаков пылает жаром ризы...
Земля, Россия. Старое село.
Приземистые, латаные избы...

г. Тамбов

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ

Обманули в тот злосчастный год
Перестройкой многообещающей.
И пропал читающий народ,
Заменил его другой — считающий.

1993 г.

Сколько спеси и лести
Скрыто в ваших чинах!
Ни отваги, ни чести —
Ни в словах, ни в делах.

...Пусть осудят вас павшие —
Я судить не берусь —
Генералы, предавшие
Мой Советский Союз.

ГАРМОНИСТ

Хромку — дедову гармошку
Так парнишка раздувал,
Словно из золы картошку
На ладонях он катал.

Месяц нежился в затоне,
Облака бодать устав.
И летели в поле кони
По зеленым гривам трав.

Птичьи трели умолкали,
Откатившись в дальний лес.

И влюбленные шептали:
— Во, дает! Ну, чистый бес!

Ах, какую высекала
Хромка дедовскую боль!
Так что крупно выступала
На высоких звездах соль...

Московская обл.

Лидия СВИРИДОВА-СКВОРЦОВА

* * *

В бандитских девяностых,
Когда ломали век,
Когда хрустели кости,
Как самый первый снег,
И предавать учились,
И нефть, как кровь текла —
Тогда еще не сбылись
Лихие времена.

И вот кривые руки
Гребут к себе, гребут
Реки моей излуки,
Леса и сельский пруд —
Всю родину..
Просвищут
Ветра — и в дикий пляс.
И лишь одно кладбище
Оставили для нас.

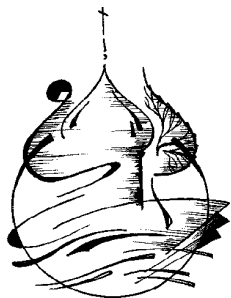
Рязанская обл.

ЧТО СПАСЕТ РОССИЮ

Встретилась мне как-то в тверской областной газете статья, начинающаяся словами: «Была Россия с Богом — процветала, набирала силы, богатела и была спокойной и могучей державой. Отвернулась от Бога — охамела, залилась невинной кровью, обнищала, стала спиваться, началось вырождение семьи, физическое вырождение народа...» (Тверские ведомости, 1993 г., №86). Захотелось продолжить ее своими размышлениями.

Как я понимаю, речь идет вовсе не о беспамятной религиозной фанатичности и глухом монашеском отрешении от мирских повседневных будней и забот, напротив, Русская Православная Церковь зовет к деятельности, активности приобщению ко всему и вся через высокую мораль, духовность, истинную культуру, в противовес все более распространяющейся дьявольщине, сатанизму, расчеловечиванию человека.

Главное — исповедывать Заповеди Христовы в деяниях своих, сделать их нормой бытия. Если бы люди продолжали соблюдать библейские заповеди: «Не убивай», «Не укради», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего тво-

СИМВОЛ ВЕРЫ

его...» и т.д., разве дошла бы многострадальная Россия до такой нищеты, бездуховности и столь чудовищного нравственного упадка?

В течение длительного господства вульгарно-атеистических догм в наше сознание вбивались «единственно верные» лозунги, какие-никакие идеи, многие им верили, ибо жить без веры нельзя, на словах они были не так уж плохи, чертили обнадеживающие социально-нравственные ориентиры. Нынче эти идеалы низвергнуты, а других не придумали. Возвращение же к Церкви, православному учению идет сложно, противоречиво, нередко на этих идеалах спекулируют политики, используя их в корыстных целях. Но как жить без идеалов? Без них жизнь пуста и ничемна. «Без идеалов, то есть без определенных сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться хорошей действительности, — писал Достоевский. — Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме пущей мерзости». А общество мерзости долго не протянет, оно дисгармонично и погибнет, как погиб в роскоши и разврате Древний Рим, пришла в упадок Византия, были навеки смыты историей древние цивилизации Азии и Востока... Где же выход? Что очистит душу и общество от смуты? Что спасет Россию?

Православие для нынешней России — пока единственный объединяющий фактор. Только Церковь вернет нам прежнюю, утраченную духовно и державно сильную Россию, спасет народ, укрепит семью, предохранит молодое поколение от окончательной деградации. Скорее чувствуя, нежели понимая это, все больше и больше людей идет в Церковь, видя в ней дом для души. Тысячелетнее существование Русской Православной Церкви доказало, что она является самым уважаемым в народе учреждением. Других, заменяющих Церковь, духовных институтов, увы, нет и не предвидится.

Православие олицетворяет собой внутреннюю энергию духа, историю и значение русской цивилизации, Святой Руси Великой и потому отнюдь не сводится к клерикализму, церковной атрибутике, религиозным догматам и образам русской святости, ибо гораздо шире и глубже их, включает всю духовно-нравственную сферу русского человека, многие элементы которой, по свидетельству науки, возникли задолго до принятия христианства на Руси.

Впитав в себя лучшие достижения языческой культуры и духовности, Православие «окультурило», цивилизовало и упрочило древнее мировоззрение русского народа, привело

его от многобожия к единственному Творцу Мира и Вселенной, придав ему более утонченный и возвышенный характер.

Но почему я безоглядно отдаю предпочтение Православию? Иной досужий «общечеловечек», исповедующий экуменистические взгляды и идеи мирового интернационально-религиозного «братства», не сомневаюсь, постарается ухватиться за мою «ахиллесову пяту»... Постараюсь быть убедительным и логичным, дабы не доставить ему одного удовольствия.

Русское Православие — это прежде всего добролюбие. Любить и творить добро — главное для истинно православного. Почитание добра как высшего деяния жизни идет из глубин веков формирования русского (славянского) национального самосознания, согласно которому человек по природе — т.е. от Бога! — добр, а зло в мире — отклонение от нормы, вселенской гармонии, т.е. сатанизм.

Широко прокламируемые нынче пресловутые «общечеловеческие ценности» вовсе не случайно активно отвергаются Православной Церковью, ибо фактически никакой «общечеловеческой доброты» в себе не заключают, из них выхолощены национально-религиозные, индивидуальные представления человека о морально-духовных ценностях. В обществе, где кумиром служит золотой телец, «освященный» сомнительным «крестным знамением» экуменистов-иерархов «всемирной Церкви», нет и быть не может общих взглядов на мир и общество, красоту и справедливость, правду и ложь. Химеричны, если не зловредны, попытки экуменистов объединить все христианские религии под одной крышей Ватикана, создать некий псевдоцерковный «интернационал» абсурда. «Мы считаем Православие нашей национальной религией, национальным сокровищем русского народа, — пишет Н. Ботов. — Проект слияния всех христианских церквей является экуменистической ересью. Католицизм есть религия насилия. Протестантизм — религия сделки и расчета. Православие есть религия милости и любви, религия небесного света и глубочайшего оптимизма. Православие есть основная наша духовная ценность. Всякое отклонение от Православия влечет за собою ослабление и унижение России».

Исторически сложилось так, что «западный человек, даже внешне религиозный, в душе не стремится к святости, он любит эмпирическую благоустроенную жизнь и потому располагается на земле не как на временном бивуаке, подобно святому, а в намерении культивировать эти земные условия и себя самого в них на неопределенно долгие, едва ли не бесконечные времена, — пишет Михаил Антонов. — ...Душа рус-

ского человека и народа имеет (или, по крайней мере, имела к началу XX века) совсем иную структуру. В ней противоборствует святое и звериное начала, а гуманистическое начало слабо выражено, если иметь в виду народную массу» (Антонов М. Россию на колени не поставит // Московский литератор, 1992, №11, с. 2).

Было бы ошибочно думать, будто в угоду Православию я искусственно принижая здесь религиозные чувствования народов других конфессий. Но факт остается фактом: Православие исторически обречено на мессианско-путеводную роль, оно, как маяк, освещает путь к выживанию другим религиям, прямо указывая, где Зло и где Добро. Разве секрет, что в лице папы римского и многочисленной духовной иерархии католическая церковь со времен Средневековья держит под своим несокрушимым гнетом жизнь. Если в 1898 г. Берта Порозовская писала: «Поставив целью своей деятельности одни земные интересы, одну заботу об увеличении церковной территории, папы естественно должны были вмешаться в политику, оставив совершенно в стороне свое духовное назначение и заботясь главным образом о деньгах, без которых ничего нельзя было достигнуть в политическом отношении. С этой целью они стали эксплуатировать христианское учение, искажая догматы и делая почти из каждого из них доходную для себя статью» (Порозовская Б. Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность. С.-Пб, 1994, с.6).

Русское Православие не замыкается рамками национальных интересов и, по существу, подлинно интернациональная религия, ибо православным может стать представитель любой нации или народности. Другие вероисповедания эту проблему решают много сложнее, а то и националистически агрессивнее (иудаизм). Хранителем Православия является русский народ (замечу: русский — это тот, кто любит Россию, националистически-экстремистские заявления иных истовых квасных патриотов, искусственно зауживающих это понятие, вредоносны). Православие является нашей национальной религией, и тот, кто посягает на его священную духовно-национальную основу, есть не только враг Церкви, но и России. В свое время митрополит Антоний призвал русский народ:

— Православные христиане! Вставайте все против власти красного антихриста! Нет мира между Христом и Сатаной. Благословляю всякое оружие, против сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за Русское и Христово дело...

«Различие между православием и католичеством... в том, что первое любовью зовет историю и культуру под свод храма, тогда как второе властно стремится овладеть ими в их собственном — греховном бытии. Это не мешает православию порой быть жестким и требовательным, каким был, например, в своей церковной политике преподобный Иосиф Болоцкий. Крест, превращенный в меч, — вот кредо Рима, — пишет современный исследователь А. Казин. — ...Европейская цивилизация быстро пошла в сторону обмирщения (секуляризации). Меч начал уступать первенство золоту». Исторические факты свидетельствуют: протестанты впервые предприняли попытку теологически обосновать идеологию меркантилистского индивидуализма, изначально решительно отвергаемого Православием. «Бог любит богатых», «Богатство и успех в земной жизни есть свидетельства избрания Божия» — такие и им подобные декларации протестантизма до сей поры занимают самое почетное место среди «духовных» ценностей Запада...

Вместе с тем именно деятели Русской Православной Церкви исповедуют на деле религиозную терпимость, свободу религиозных меньшинств и права человека в сфере свободы совести и веры. «Именно мы, православные, стараемся содержать католиков Литвы и Украины, христиан Армении и Грузии, общины протестантских активистов и латвийских лютеран», — пишет А. Бессмертный-Анзимиров (Русская Православная Церковь в год своего 1000-летия. — В кн.: Страницы Русской зарубежной печати. Мюнхен—Москва, 1988, с. 89).

«До октябрьского переворота в России православие было религией государственной, ко всем же остальным конфессиям применялся так называемый «принцип веротерпимости», — указывает Т. Кузнецова. — В частности, детям лютеран, наряду с обучением в специальных школах (таких, как Анненшуле и Петершуле для немецких детей в Санкт-Петербурге) разрешалось учиться и в русских школах, не меняя своего вероисповедания. Вместо урока «Закона Божия», который вел православный священник, эти дети посещали урок специально приглашаемого для их религиозного обучения пастора» (Кузнецова Т. Предисловие. — В кн.: Б. Порозовская. Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность. Санкт-Петербург, 1994, с. 4). Какая еще страна, кроме России, может похвалиться столь очевидной религиозной межжизвчивостью? Под крылом русского Православия — и в этом его огромная государственно-патриотическая объединяющая сила, — в России всегда мирно сосуществовали

другие конфессии: ислам, буддизм, иудаизм. Старожилы г. Твери помнят, что на ул. Советской (бывшей Миллионной) некогда находились три храма: православная церковь, татарская мечеть и немецкая «кирха». Такое соседство возможно было только в России — подлинно интернациональной религиозной стране.

Говоря о национальном характере русского Православия, следует особо отметить понятие соборности, неотделимое от исторически сложившегося стереотипа русской души. Соборность, по мнению мыслителя Хомякова, — это целостное сочетание свободы и единство многих людей на остоле их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Такое понимание соборности соответствовало древнерусскому представлению о «ладе», коллективизме и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа. Основной принцип Православной Церкви, писал Хомяков, состоит не в повиновении внешней власти, а в соборности. «Соборность — это свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единство, основанное на единоклюшной любви ко Христу и божественной праведности». Соборность — это и строй души русского человека, и принцип его верования, и экономическое и хозяйственное сотрудничество, и семейный уклад, и нормы морально-нравственного быта и бытия. Соборность — одно из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой некогда была Россия.

Запад не сумел создать такого мощного многонационального государства, как державно-монархическая Россия, объединенного на духовно-православных началах, потому что он не достиг в своем нравственном развитии соборности и для объединения народов вынужден был прибегнуть к насилию. Католические страны, по Хомякову, обладали единством без свободы, а протестантские — свободой без единства.

Как известно, протестантство не признает святых, не поклоняется иконам и не имеет монастырей, иначе говоря, протестантство поставлено было изначально на прагматическую и рационалистическую основу, где на первом месте были материальные, а не духовные, как в Православии, ценности. «Зато культурно-историческая, хозяйственная и политическая горизонталь в лютеранско-кальвинистских и баптистских странах расцветает пышным цветом — назовем хотя бы Германию, Скандинавию, Северную Америку, — пишет А. Казин. — Собственно говоря, протестантизм есть буржуазно-гуманистическое истолкование христианства — об этом

много и хорошо написано М. Вебером и В. Зомбертом». Мы бы добавили сюда еще имя выдающегося вдохновителя Реформации Мартина Лютера.

И.В. Киреевский писал о том, что Русь — в отличие от Западной Европы — приняла христианство в чистоте, неискаженным и цельным, и полностью построила на нем свою цивилизацию и историю. «Россия сумела организовать органичное сочетание единства и свободы, в условиях которого почти каждый русский был строителем великой державы не за страх, а за совесть. Абсолютные ценности (не путать их с пресловутыми «общечеловеческими ценностями»! — В.Ю.), на любви к которым объединялись русские люди, — Бог, Царь, Родина, или, как это звучало в массе, — За Бога, Царя и Отечество», — пишет современный публицист О. Платонов.

Стало быть, русское Православие — не столько религиозная система неких сдерживающих ограждений от земных соблазнов, сколько состояние души, «духовно-нравственное движение к Богу» (О. Платонов), включающее все стороны жизни соотечественников — государственную, политическую, бытовую, личную.

Русское Православие развивалось вместе с национальным сознанием и национальным духом русского человека. Возвышался национально-государственный дух — возвышалось и Православие, и, наоборот, разложение государственной системы, крушение национального чувства неизбежно вело и ведет к гибели Православия, веры, боголюбия.

К Богу русский человек испытывал особое возвышенное чувство. «Русский Бог велик, — говорил он. — Велик Бог русский и милосерд до нас», «Жив Бог — живая душа моя», «Жить — Богу служить», «Человек ходит — Бог водит», «Бог пути кажет», «Человек гадает, а Бог совершает».

Это не означало, однако, пассивного упования на милость Божью. Нужно не только терпеливо молиться, но и активно действовать, противостоять злу. «На Бога надейся, а сам не плошай», «Богу молись, а добра ума держись!», «Богу молись, а к берегу гробись».

Православному мировоззрению глубоко чужды безудержное обогащение, жизнь по выгоде, расчету, корысти, но и не культивирует оно крайний аскетизм: материальные блага нужны человеку в пределах разумной достаточности. «Не собирайте себе сокровищ на земле» (Мф. 6, 19); «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24).

Отказаться от православной веры считалось в русском народе смертным грехом. «Менять веру — менять совесть».

Всякое благое дело почиталось начинать с молитвы, т.е. откровения перед Господом: «Не торопись, сперва Богу помолись».

Помню, моя покойная бабушка-казачка, не сотворив молитвы, не ложилась спать после трудового дня, не сажала огород. Каравай пахучего домашнего хлеба разрезала, прежде его перекрестив. Иной раз я замечал, как она торопливо, украдкой, опасаясь, видимо, моего праведного «атеистического» гнева, осеяла меня крестным знамением, провожая в дальнюю дорогу, перед долгой разлукой. Молодой и глупый, я, смеясь, отмахивался от бабушкиных благословений, но она была настойчива и неумолима. Теперь, с высоты немалого жизненного опыта, я все чаще задумываюсь: как знать, может, предостерегла меня православная старушка с помощью Бога от бед и несчастий...

Однако молиться надо, очистив себя от всякой скверны и греховных помыслов. «Лихо думаешь — Богу молись».

В выборе православно-христианской веры сказался национальный характер нашего народа, его этические, эстетические, нравственные и духовные традиции. Даже неверующего не может не восхищать красота богослужения, малиновый музыкальный перезвон церковных колоколов, не приводить в сладостный трепет пенье церковного хора, горьковатый успокаивающий запах курящегося ладана, таинственно-волшебное мерцанье свеч... Но главное в том, что Православие всецело отвечало характеру народа и позволяло ему сохранять свои исторические традиции, обычаи, идеалы общинного бытия. В отличие, скажем, от католичества Православие не навязывало русскому народу чуждый язык богослужения — мертвую латынь, не пыталось поставить над государственной властью деспотическую власть римских пап, не называло монарха-государя «наместником Бога на земле» — русский царь был таким же «рабом Божьим», как все смертные. «Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру, — писал выдающийся мыслитель XX в. И.А. Ильин. — Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце».

Отношения Православной Церкви с государством на протяжении истории, известно, не всегда складывались благополучно. Эта проблема требует специального большого разговора. Здесь мы скажем только, что Церковь рассматривает государство и его иерархическую систему как учреждение земное, призванное к тому, чтобы ограничивать зло, но оно не способно окончательно со злом покончить.

Протоиерей Иоанн Мейендорф пишет: «Государство, поскольку оно есть учреждение этого мира, по своему существу не входит в конечную цель существования христианской Церкви. (...) ...Нельзя говорить абстрактно о Церкви и государстве. Все зависит от того — какое государство? Есть государство, признающее свою ограниченность и выполняющее свою определенную законом роль, а есть государство — выходящее из своих границ, посягающее на то, что есть Божие, уподобляющееся Вавилону и блуднице. (...) Российская империя оказалась явлением очень сложным: она была и наследницей Византии, и национальной державой, и секуляризованным государством. Секулярная идеология дошла до своей демонической крайности после революции 1917 года, когда большевизм стал антиподом всего, чем жила Россия духовно до тех пор» (Прот. Иоанн Мейендорф. Церковь и государство. — В кн.: Страницы русской и зарубежной печати. — Мюнхен—Москва, 1988, с. 272, 273, 275).

Русское Православие не противопоставляло власть светскую и духовную, не претендовало на государственное «сверхправление», как папа римский, хотя и играло важную роль в укреплении монархии, единства российской державы, действуя по принципу: Богу Богово, а кесарю кесарево. Со стороны государственной власти, напротив, Русская Православная Церковь нередко терпела притеснения. «Светская власть на Святой Руси первая не выдержала огненного искушения и достаточно рано захотела владычествовать над Церковью, а через Церковь и над душами своих подданных, — пишет А. Бессмертный-Анзимиров. — Порабощение Русской Церкви государством окончательно было осуществлено в два этапа. Первый из них связан с эпохой деспотизма Ивана Грозного, не остановившегося ради своих целей перед прямым убийством главы русского православия св. митрополита Филиппа. Вторым этапом было полное подчинение Церкви абсолютизму Петра Великого, когда императорская власть уничтожила сам институт патриаршества и свела Церковь на положение одного из государственных департаментов» (А. Бессмертный-Анзимиров. Русская Православная Церковь в год своего 1000-летия. — В кн.: Страницы русской и зарубежной печати. Указ. изд., с. 84).

Насильственное огосударствление Церкви, зажим ее свободы, использование православия в качестве проводника официальной идеологии привело к общеизвестным печальным результатам: массовому уходу религиозно-активных людей в раскол в XVIII в., столь же массовый уход из Церкви

в XIX представителей всех сословий, протестующих против христианского учения, тождественного формально-обязательной государственной идеологии (вспомним «бунт» Л. Толстого против такой Церкви и его «отлучение» от нее).

Понятие «государство» неотъемлемо для православного человека от понятия «патриотизм». «Каждый христианин, любя весь мир человеческий, который находится под управлением одного Царя Небесного, в то же время должен иметь особенную любовь к своему Отечеству — ибо Отечество сие не произвольно им выбрано, но Самим Богом указано ему посредством рождения. Соотечественники связаны между собой одной верою, общим происхождением, языком, обычаями, законами, воспоминаниями о славе и бедствиях предков, памятью о знаменитых войнах и царях, — размышляет Высокопреосвященнейший митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн. — Что же собственно до Русской земли, то она не иначе и называлась прежде в истории, как «Святая Русь», «святая земля». Почему же? Именно в смысле особенных чудесных благодеяний Божиих к ней, а также по великому множеству людей, мученически проливших кровь свою за Отечество, и по обилию угодников Божиих, которые почивают в ней мощами» (Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Духовные основы государственности // Собеседник православных христиан. 1994. Вып. 1 (5). С. 4—5).

Так были определены гражданские обязанности христианина в тысячестраничном пособии по православно-нравственному богословию, утвержденном к изданию Санкт-Петербургским Духовным Цензурным Комитетом 29 февраля 1900 года. «Не любить Отечества и предпочитать ему другие государства столь же низко и неблагоприятно, как не любить родителей своих, оказывая привязанность к посторонним лицам, непричастным к рождению и воспитанию, — говорится в нем. — В русском же человеке такое чувство тем более несправедливо, что сами западные государства, видя обширность земли Русской и исчисляя ее богатства, с завистью смотрят на нее» (Собеседник православных христиан. Указ. изд. С. 5).

Современные «материалистические» словари и учебники толкуют государство как бездушный механизм поддержания примитивного материального благополучия граждан, как орудие политической власти в обществе. Иначе говоря, такая власть лишена религиозно-нравственных опор и неизбежно вырождается в голое насилие, сродни тирании, и в принципе не так уж важно, в чьих интересах осуществляет-

ся эта тирания: партноменклатуры или транснациональной финансовой олигархии. В том и другом случае эта власть безнравственная, бездуховная, убивающая человека в Человеке.

«На принципиально иных основах построено церковное учение о богоугодной форме государственного устройства. Во-первых, государство рассматривается им как большая семья. Отсюда понимание общенародного единства как духовного родства, как величайшей драгоценности, столь характерное для русской истории... Отсюда — отношение к российской державности как к святыне, ибо семья — «малая церковь» — получает освящение в таинстве венчания супругов, а государство — «большая семья» — в таинстве венчания Царя на царство, на самодержавную власть «во славу Божию» (но не в интересах какого-либо класса или сословной группы). Во-вторых, государственная власть признается особого рода служением, сродни церковному монашескому послушанию. На правде основана, по идее своей, всякая власть, — писал знаменитый обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев, один из самых эрудированных государственных теоретиков и выдающихся державных практиков за всю историю России. — ...Несть власть, аще не от Бога...* Великое и страшное дело власть, потому что это дело — священное. Власть — не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда и безграничная, страшная сила власти — и безграничная, страшная тягота ее». В-третьих, идеалом церковно-государственных отношений признается «симфония властей». (...) Соответственно, Церковь, как власть духовная, наряду с властью светской служит одной из главных опор национальной государственности: не смешиваясь, впрочем, и не подчиняясь ей. Исторический опыт свидетельствует, что такое взаимное разделение и гармоничное сочетание властей есть непрменная черта богоугодного государственного устройства». (Подробнее об этом см. в указанной работе митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна.)

Важность и актуальность размышлений Высокопреосвященнейшего Иоанна сегодня трудно переоценить. Его страстные публицистические речи со страниц прессы будоражат сознание граждан, вооружают их глубинным знанием и пониманием своей национальной истории, благородной роли в

* «Не власть, если не от Бога». Нам же долгое время сознательно искажали эту мысль, внушая: всякая власть от Бога. — Ред.

ней Православной Церкви. Сегодня в России начинается медленный, болезненный, но неотвратимый возврат к исконным принципам русской державности, а роль Православной Церкви тут огромна. «На протяжении всех 75 лет советской власти это, пожалуй, больше всего пугало наших зарубежных недругов, — пишет митрополит Иоанн. — Для того, чтобы остановить процесс возвращения России на естественный путь своего исторического развития и была запущена «перестройка», настоящая цель которой — заменить исчерпавшую свои разрушительные силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую, интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России, начатый еще под «доблестным» руководством Троцкого и Кагановича. Несостоятельность большевистских теорий доказана сегодня самой жизнью. И практические последствия демократии нынче тоже у всех на виду. Однако так же, как пытались раньше обмануть народ лукавыми побасенками о том, что корень бед в «искажениях» изначально верной марксистской идеи, пытаются и сегодня одурачить Русь циничной ложью об «истинной» демократии, обретя которую мы-де наконец заживем припеваючи. Правда же такова: безбожный коммунизм терзал Россию, паразитируя на многовековых русских общинных традициях, на прочной народной приверженности к коллективизму и взаимопомощи, на всеобщей могучей русской тяге к социальной справедливости. Бессовестная демократия собирается терзать ее, паразитируя на древних вечевых соборных обычаях Руси, на исконном уважении русского человека к общему мнению, совместно принятому решению, коллективному разуму Собора» (Собеседник православных христиан. Указ. изд. С. 9).

Испокон веку русское Православие неизменно служит делу единства нации и государства. Еще в «Повести временных лет» проводится мысль о славянском или русском единстве, слиянии Руси, богоизбранности славянского или русского народа. Причем богоизбранность понимается не как «качественное» противопоставление одного народа другому (как в иудаизме, который делит людей на жалких «гоев» и «богоизбранных»), а как особая миссия борьбы с мировым злом — миссия добролюбия и великой жертвенности. Великому Рильке принадлежат слова, что остальные народы граничат друг с другом, а Россия граничит с Богом. Еще в прошлом веке А.И. Кошелев подчеркивал: «Без православия наша народность — дрянь, с православием она имеет мировое значение».

Во имя сохранения целостности русской государственности православные иерархи пошли даже на сотрудничество с ненавидимыми им большевиками в годы Великой Отечественной войны: враг-иноземец, по их мнению, был опаснее внутренних разрушителей Отечества и веры. Скорбь о трагическом положении Русской Православной Церкви в хрущевское время, святейший патриарх Пимен подчеркнул: «Представители Церкви разделили судьбу своих сограждан».

Русская национальная культура зарождалась на естественной религиозной основе, овеяна православными мотивами и пронизана нравственно-философскими христианскими исканиями. Национальный характер Русского Православия проявляется в создании целого ряда иконографических типов — «Покров», «Собор Богоматери», «О Тебе радуется» и других, отсутствующих в других христианских храмах. Национальные русские святые — подвижники русского Православия, все без исключения патриоты Русской земли, для них всегда предпочтительней погибнуть, чем вступить в сговор с врагами Отечества, изменить вере или совести.

В «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается как противостояние добра и зла, т.е. в нравственно-философском смысле, как противоборство добрых и злых людей. При этом злые люди опаснее бесов: «беси бо Бога боятся», а зол человек ни Бога не боится, ни человека.

Основы добролюбия излагаются в «Изборнике 1076 г.». Его составитель Иоанн Грешный вопрошает: «Что есть воля Божия, что требует небесный Царь от земных людей?» И отвечает: милостыни и добра. Благочестив не тот, кто проводит время в постах и молитвах, но кто добродетелен в жизни, творит благо ближнему. Праведная вера обязывает прежде всего служить людям, не богатству, не карьере, не власти ради власти. Это и есть милостыня Богу, исполнение Его просьбы.

В сборнике житейской мудрости «Пчела», одной из любимых книг наших соотечественников с XII по XVIII век, идеи добролюбия занимают также главное место. Человек рожден для свершения благих деяний. Православный, не сотворивший при жизни добра, умирает не только телом, но и душой. Пагубен не только грех, но и отсутствие добрых дел. Не потому ли оскудела современная культура, в ней воцарилось зло — культ жестокости, суперменства, порнография, что восторжествовало безбожие, т.е. бездушие, крайний эгоизм, человеконенавистничество, всеобщий сатанизм...

Знаменитое «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона служит образцом Православия, понимаемого не как

отвлеченное религиозное учение, пассивное мирозерцание, но как морально-этический идеал, общественная норма бытия.

Развитие отечественной литературы не может быть представлено сколько-нибудь полно вне истории православной религии. Пора освободиться от устаревших, вульгарно-социологических стереотипов и понять, что наше художественно-словесное творчество эволюционировало не имманентно, а в тесном взаимодействии с православным религиозно-философским сознанием. Другой вопрос, насколько плодотворными и в какие времена наиболее интенсивными были эти контакты, характеризующиеся, как известно, не только радостью общего сближения, но и омрачающими их противоречиями.

Всякий крупный художник-мыслитель, решая всевечные вопросы человеческого бытия, так или иначе не может обойти религиозной гуманистической морали, этики, культуры, истории. Соприкосновение с высшими духовными обретенными и устремлениями православно-христианского порядка мы находим в нашем национальном фольклоре и древнерусской литературе, живописи, зодчестве (не говоря уже об иконописи), в лучших творениях отечественной классики. Вряд ли стоит удивляться тому, что, например, история страстной «божественной» любви Григория Мелехова и Аксиньи, сами имена коих, по мнению литературоведа А.И. Хватова, заимствованы автором «Тихого Дона» из священного писания, уходит своими корнями в мир библейских представлений о Богом сподобленной, неразрывной и всеильной связи двух любящих сердец — мужчины и женщины.

На религию в ее православном волеизъявлении — как духовной благодати — русская литературная классика смотрит с точки зрения утверждения гуманистических ценностей, как на особую форму оптимального взаимоотношения человека, общества и природы.

На катарсис, исповедальные чувства способны в нашей литературе только нравственно чистые, православные герои, как, например, в исторических новеллах генерала и писателя-эмигранта П. Краснова «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии». «Обход кончался, стемнело. Кто-то подошел ко мне попросить начальство разрешить спеть. «Хотим спеть вам все, что чувствуем. Себя и вас утешить на прощание»... Где-то задали тон — его передали по коридорам, палатам, лестницам... все замерло. И вдруг где-то далеко, пронизывая и побеждая собою все, один чистый голос кононарха зазвенел: «С нами Бог, разумеете

языцы и покоряйтесь». И еле-еле слышно, все расширяясь, дивный хор запел «Яко с нами Бог». Из другой палаты прозвучал малиновый голос кононарха: «Услышите до последних земли». А хор, как евангельские крылья, все выше и выше поднимал эти слова Великого Повечерия... спустилось на землю благословенное молчание, никто уже не мог говорить. Все безмолвно толпились у входа, как вдруг все это море людей упало на колени и запело: «Боже, Царя храни». Рыдание перебивало пение. В плену запрещено было петь под страхом строгого наказания. Но эта любовь и верность смели все законы войны. Австрийское начальство сняло головной убор: вытянулись и стояли смиренно... Склонились невидимые знамена перед великим признанием России». Лишенный веры, надежды, любви к ближнему, в условиях ужасающих революционных потрясений человек распался как человек — вот что, по мнению П. Краснова, ужасно. Однако трагические картины в его романе «От Двуглавого Орла к красному знамени» не подавляют своим пессимизмом, напротив, вселяют оптимизм, веру в светлый час Отчизны. Торжественно-патетически, психологически выразительно показывает писатель, как гордо, не склонив головы перед большевистскими палачами, идет на свою Голгофу бесстрашный патриот, человек высокой чести и веры — генерал Саблин. Проявив необычайное мужество, негибаемую стойкость, он далек от чувства мести и желания ответить своим мучителям тем же. «Саблин решил молчать, что бы ни случилось. «Христа замучили и распяли, но вера Христа и его учение о любви живы уже двадцать веков. Офицерство русское хранило заветы рыцарства и сдерживало солдат от насилий и зверства. Оно идет на Голгофу и крестную казнь, но идея рыцарства от этого станет еще выше и сильнее. И я должен гордиться, что я не только генерал свиты Его Величества, не изменивший своему государю, что я не только Георгиевский кавалер, но что мне Господь даст счастье мученической смерти!» Саблин в эти дни испытывал то светлое чувство, какое испытывали первые христианские мученики. Душа его просветлела, тело с его чувствами ушло куда-то далеко, и весь он горел ожиданием чего-то радостного и великого, что соединит его с Христом...» Как знать, не прозрел ли П. Краснов через Бога и трагическую судьбу своего героя Саблина свою роковую судьбу?..

Если Православие столь миролюбиво и гуманистично, то отчего же у него так много врагов, почему оно ненавистно «цивилизованному» международному сообществу в лице римского папы, всевозможных институтов и центров, так называемому тайному «мировому правительству», метко назван-

ному И. Ильиным «мировой закулисой»? Последние злобно ненавидят Россию, клеймят ее тысячелетнюю историю, традиции, культуру, т.е. то, что органично воплотилось в ее многовековом державном укладе, сделало ее мощным государством, в создании которого выдающуюся роль сыграла Православная Церковь. Ставшая крылатой фраза писателя-диссидента А. Зиновьева: «Запад метил в коммунизм, а попал в Россию» звучит как афоризм и получает правильное истолкование у одного из современных публицистов. *«Крах коммунизма в СССР (и самого СССР) произошел, на первый взгляд, неожиданно — на самой вершине его военного и политического могущества. Главные причины этого краха были отнюдь не экономическими, как нас пытаются в том убедить. Их следует искать прежде всего в том, что развитие нашей страны с некоторых пор стало приобретать непредвиденное направление, которое не устраивало наиболее влиятельные мировые силы. В свое время именно эти силы «заварили» февральско-октябрьский переворот 1917 года, — с тем, чтобы разрушить последнее Православное Царство. Пока все шло по их плану, они признавали большевиков и сотрудничали с ними, глядя сквозь пальцы даже на «чистки» в интеллигентской среде, не говоря уже о расправе с русским крестьянством и истреблении духовенства — этого в упор не замечали. Но вот в течение Великой Отечественной войны и в послевоенные годы советская страна стала постепенно «русеть». (...) Постепенно вырабатывались свои самобытные способы национального существования с перспективой последующего восстановления Православия и самодержавия на одной шестой части суши. Такая перспектива оказалась совершенно неприемлемой для тех, кто правит бал в сегодняшнем мире, и чей кумир — телец золотой. Тогда-то и воспылали они запоздалым праведным гневом против русского коммунизма, и рука об руку с нашими доморощенными и далеко от дома рожденными партийными идеологами принялись очищать Россию от всего коммунистического, а заодно и от всего русского — чтобы уж наверняка».* (Казин А. Крест, меч и золото. — В кн.: Русский крест. Санкт-Петербург, 1994).

Таким образом, речь идет о необходимости формирования правильного научного мировоззрения современного русского человека как главной воспитательной задачи. Мировоззрение же, вне зависимости от того, кто ты — верующий или атеист, формирует триада: наука, искусство и религия. «Великая идея на земле лишь одна, — утверждал Достоевский, — идея о бессмертии души, а все остальные великие идеи лишь из нее одной вытекают».

В этой связи встает еще одна важная практическая задача. Наша средняя и высшая школы все еще ориентированы на светский, в сущности, атеистический характер образования. Но как понять Державина, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, всю русскую классику без изучения основ православной этики, постижения наших православных воззрений и идеалов?

«Образование в Российской Федерации является светским. История и основы религии изучаются беспрепятственно в воскресной школе или факультативно, — говорится в одном из официальных документов по народному образованию. Изучать основу основ нашей национальной духовности — Православие — факультативно! Это ли не кощунство?! Получается, что православное воспитание молодежи поставлено на самотек, хода ему не дают, а многочисленные заезжие миссионеры беспрепятственно завлекают в свои секты всяк неискушенного. Телеэкранный, радиопрограммный, прессовый, а также интернет-пространственный, как самым дорогим гостям разного рода сомнительным проповедникам, грозящим планете концом света, весьма далеким от Православия, а то и откровенно враждебным ему.

По старинной русской улице — Арбату регулярно совершают свои массовые шествия «кришнаиты», а на выходах из московского метро вам буквально суют в руки образцово выполненные рекламные листовки неких «вероучителей», говорящих на чуждом для русского слуха языке. Как грибы после дождя появляются в России различные «христианские миссии», с сомнительной религиозной репутацией проповедники, якобы восхваляющие Христа и не забывающие при этом пропеть торжественную оду хваленому-перехваленному западному образу жизни. Это ли не попытка вытравить из сознания соотечественников священную память о принадлежности к великому русскому народу, к великой стране — России?

Известный исследователь отечественной литературы П. Палиевский в своей работе последнего времени «Пушкин и христианство» утверждает мысль, что все творчество Пушкина пронизано идеями христианства, и даже неверующее поколение впитывало в себя христианские заветы, будучи очарованным образами Пушкина. *«Давайте рассуждать так, — говорит председатель Международного комитета по проведению Пушкинских праздников поэзии Владимир Костров, — мы наследники великой православной цивилизации, проводником которой и был Пушкин, не католицизма, не протестантизма с его культом наживы. Православие дорого преж-*

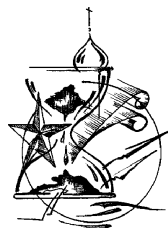
де всего тем, что в нем живут красота и доброта, то, что порой отсутствует в других христианских религиях с их культом жестокого подавления личности, — кальвинизм, лютеранство. Посмотрите на наши храмы — они взывают к радости, будят в душах жажду любви. Как пронизан всем этим Пушкин! Ему не чуждо вольнодумство, он прошел искус якобинства и вышел на широкую и светлую дорогу православной культуры. Какое высокое ощущение испытывает человек после прочтения его произведений, как гармонически сочетается в них небесное и земное!»

Православие — не только богословское учение, это морально-этический и нравственно-философский кодекс нашей национальной чести, достоинства, духа,местилище высоких традиций предков, культуры, истории, веры. Русский человек столетиями верил и не задавал вопросов, ибо ответ был в самой душе, в нашем национальном сознании. Разрушение этого жизнетворящего чувства пошатнуло и веру. Пошатнуло — но не истребило. Православная вера — неистребима.

РОЛЬ ДЕНИКИНА В РАЗВАЛЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Гражданская война... Что может быть страшнее? Брат на брата, дети против отца... Такое массовое братоубийство, массовое сумасшествие могут вызвать из преисподней только сатанинские силы.

Кому, как кость в горле, мешали две монархии (Россия и Германия) — всем давно известно. Все трагедии в Европе в прошлом веке, как по нотам, разыграны по «Протоколам сионских мудрецов». Это тоже не секрет для любого способного думать. Об антихристовой закваске всех революций и войн уже много сказано. Об антихристовой власти первых «большевиков» мы тоже много знаем. Но если сегодня мы еще не осознали, что в трагедии нашего народа в одинаковой степени виноваты как красные, так и белые, то ничего хорошего из наших сегодняшних потуг не выйдет. Предательство, отступничество — самый страшный грех. Царя, помазанника Божьего предали все, даже некоторые его братья, с красными бантами на лацканах приветствовавшие революцию и Временное правительство... Далее последовал Октябрьский переворот. Вкусили мы власти иродова племени, немного очнулись... Заполыхали контрреволюционные восстания по всей России... Поднялось Белое движение. Возглавили это движение известные генера-

лы и адмиралы, но почему-то бездарно проиграли антихристовой силе. Почему?

Год назад в моих руках оказались два удивительных письма из той трагической эпохи. Письмо барона П. Н. Врангеля генералу А. И. Деникину и письмо-донесение походного атамана Кубанского казачества генерала В. Г. Науменко. Они заставили меня посмотреть на трагедию Белого движения с новой стороны...

Я предложил одному из кубанских редакторов опубликовать это письмо. Мне ответили, что в письме Врангеля скользит личная обида.

У каждого по той или иной причине складывается свой образ того или иного человека. Так и у меня сложился образ не-симпатичного мне, несколько театрального барона П. Н. Врангеля — всегда в черкеске и при кинжале. Деникин же, как мне казалось, — интеллигентнейший, образованнейший русский царский генерал чуть ли не от сохи (внук русского крепостного!), безупречный и бескомпромиссный белый рыцарь...

После прочтения письма П. Н. Врангеля А. И. Деникину мои представления о них коренным образом изменились. Я вспомнил рассказы кубанских казаков-эмигрантов в Лэйквуде (США). Они, показывая мне русское кладбище, подвели к могиле Деникина на главной аллее, а чуть поодаль на этой же аллее памятник жертвам в Лиенце «Казачья — казачья». И вдруг, стоя у памятника жертвам в Лиенце, один из них сказал, что каждый казак, идущий по этой аллее, проходя мимо могилы Деникина, фигурально плюет на его надгробие. Ведь он — виновник трагического разгрома Белого движения в России. Причина этому его тщеславие и неприятие казачества.

И все равно предупреждение редактора о возможной субъективности автора письма меня сдерживало от публикации.

Но вот в моих руках оказалась книга В. А. Беляевского «Правда о генерале Деникине (Причины прекращения Белого движения на Юге России в 1920 г.)» (Сан-Франциско, 1959 г.). Эта книга не оставила во мне сомнений в 100-процентной объективности всего, что изложено в письме барона П. Врангеля.

Из письма и книги становятся во многом понятными причины провала Белого движения. Причина все та же — человеческий фактор: тщеславие и гордыня.

Деникин оставил Белую армию в Новороссийске... А Врангель позже, как известно, обеспечил уход всем желающим, и сам ушел из Крыма последним. В благородстве его сомневаться не приходится.

Читателю предлагается полный текст письма барона Врангеля генералу Деникину (публикуется впервые):

«Генерал-лейтенант
барон Врангель.
15-го февраля,
г. Севастополь.

Милостивый государь Антон Иванович!

Английский адмирал Сеймур передал мне от имени Начальника английской миссии при В.С. на Ю.Р. генерала Хольмана, что Вы сделали ему, ген. Хольману, заявление о Вашем требовании оставления мною пределов России, причем Вы обуславливаете это заявление тем, что вокруг имени моего якобы объединяются все те, кто недоволен Вами. Адмирал Сеймур предложил мне воспользоваться отъездом за границу английским судном. Ровно полтора года тому назад я прибыл в Добровольческую армию и стал добровольно в Ваше подчинение, веря в то время, что Вы честный солдат, ставящий благо родины выше личного, и готовы жизнь свою положить за спасение отечества. Полтора года я сражался в рядах Вооруженных сил Юга России, неизменно ведя мои войска к победе, и не раз в самые тяжелые минуты спасал положение. Моя армия освободила Северный Кавказ.

На совещании в Минеральных Водах в январе 1919 года я предложил Вам перебросить ее на Царицынское направление, дабы дать помощь адмиралу Колчаку победоносно подходившему к Вам. Мое предложение было отвергнуто, и Армия стала перебрасываться на Донецкий бассейн, где до мая месяца вела борьбу под началом генер. Юзефовича, заменившего меня во время моей болезни. В апреле, едва оправившись, я принял армию и рапортом от 4-го за №83 вновь указал необходимость выбрать главным операционным направлением Царицынское, предупреждая, что в противном случае противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создается угроза нашей базе. Мои предсказания пророчески сбылись и в середине апреля противник форсировал Маныч, выйдя в тыл Добровольческой армии и подошел на 12 верст к Батайску.

Перед грозной опасностью сюда спешно стали перебрасываться наши части, главным образом конница, и Вы приняли над ними личное руководство. Противник был оттеснен за Маныч, но все же наши попытки форсировать реку

успеха не имели. 4-го мая мне было предложено Вами объединить войска Маньчжурской группы и уже к 8-му мая я разбил противника под Великокняжеской и погнал его к Царицыну. Одновременно ген. Май-Маевский стал быстро продвигаться на север.

7-го июня я, заняв Царицын, стал двигаться вверх по Волге, одновременно добровольцы заняли Харьков. Боевое счастье улыбалось Вам, росла Ваша слава, и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты. Совпавши с целым рядом побед, Ваш приказ о подчинении адмиралу Колчаку доказал, казалось, противное. Будущая история покажет, насколько этот Ваш шаг был добровольным. Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, «отдавая свою жизнь горячо любимой родине»... Не жизнь приносите Вы в жертву, а только власть, и неужели подчинение другому лицу для блага родины есть жертва для честного сына ее? Эту жертву не в силах был уже принести вознесшийся, упоенный новыми успехами честолюбец.

Предоставленный самому себе, адмирал Колчак был раздавлен и начал отходить на Восток. Тщетно пыталась Кавказская армия подать помощь его войскам. Истомленная походом по безводной степи, обескровленная и слабо пополненная, она к тому же ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски на фронт Добровольческой армии, войска которой, почти не встречая сопротивления, шли к Москве. В середине июля мне, наконец, удалось связаться с уральцами, и с целью закрепления этой связи я отдал приказ второй Кубанской дивизии генер. Говорущенко переброситься в район Камышина на левый берег Волги. Ниже я привожу две телеграммы; полагаю, они достаточно ясно освещают вопрос о стремлении Командования подать помощь Сибирским армиям Верховного Правителя.

...Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты. Оренбуржцы положили оружие, и лишь горсть уральцев в безводных степях продолжали оказывать врагу сопротивление. Покончив с Сибирскими войсками, противник стал спешно сосредоточивать свои части, имея целью обеспечить коммуникацию своего восточного фронта.

Письмом от 29 июля я обратился к Вам, указывая на тяжелое положение моей армии и на неизбежность, благодаря нашей ошибочной стратегии, поворота боевого счастья. Я получил ответ, где Вы указывали, что «ежели бы я следовал совету своих помощников, то Вооруженные силы Юга России не достигли бы настоящего положения». Мои предсказания, увы, сбылись и на сей раз. Кавказская армия под ударами

второй, четвертой, десятой и 11-й армии красных была отброшена к югу, и хотя с беспримерной доблестью их разбила, опираясь на укрепленную Царицынскую позицию, все четыре неприятельские армии, сама потеряла желательную возможность начать новые наступательные операции.

Отбросив к югу мою армию, противник стал спешно сосредотачивать свои силы для прикрытия Москвы, перейдя в наступление против армии генер. Май-Маевского, растянувшейся на огромном фронте, лишенной резервов и плохо организованной, легко заставив ее начать отход. Еще в то время, когда Добровольцы победно двигались к сердцу России, и слух Ваш улавливал перезвоны Московских колоколов, в сердце многих Ваших помощников закрадывалась тревога. Армия, воспитываемая на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примерами своими развращающими войска, такая армия не могла создать России. Не имея организованного тыла, не подготовив в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления и, отходя по местности, где население научилось ее ненавидеть, Добрармия, начав отступление, стала безудержно катиться назад. По мере того, как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность нашей стратегии и нашей политики, русское общество стало прозревать. Все громче и громче стали раздаваться голоса, требующие смены некоторых лиц командного состава, предосудительное поведение которых стало достоянием общества, и называлось имя, которое среди всеобщего падения оставалось незапятнанным. Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы не думали о спасении Отечества, а лишь о сохранении власти.

17 октября генерал Романовский телеграммой запросил меня, какие силы мог бы я выделить из состава Кавармии на помощь Добрармии. Я телеграммой от 18 октября за №03533 ответил, что при малочисленности конной дивизии переброской одной дивизии дела не разрешить, и предложил принять крупное решение — перебросить из моей армии три с половиной Кубанских дивизии. Оставшиеся части Кавказской армии ввиду их малочисленности я предлагал свести в отдельный корпус, оставив во главе его генерала Покровского. Стратегическое решение напрашивалось само собой — объединение сосредоточенных в районе Купянска 4-го Донского и 3-го конного корпусов Терской дивизии и использование для управления конной массы Штаба Кавказской армии. На этом решении настаивали все трое Командующих армиями, в том числе и генер. Май-Маевский. Но в желании старших начальников армии и общества видеть меня действующим

во главе войск на главнейшем направлении Вы уже видели для себя новую опасность. Еще по занятии Царицына, когда я и бывший в то время Начальником штаба моей армии генер. Юзифович предложил сосредоточить в районе Харькова крупные массы конницы, объединив их под моим начальством, Вы на совещании высказали достойное Вас предположение, что мы стремимся «первыми войти в Москву». Теперь падение Вашего имени Вы видите не в Ваших ошибках, а в непостоянстве толпы, нашедшей себе нового кумира...

Из состава Кавармии были взяты только две дивизии, и хотя сама обстановка вынудила Вас перебросить 31 с половиной дивизии, время было уже упущено безвозвратно, и вводимые по частям войска терпели поочередно поражения. Еще 11 ноября Вы в ответ на мои повторные настояния писали мне, что «после детального обсуждения» отказываетесь от предложенной мной перегруппировки, а через 10 дней — 22-го, когда уже выяснились потеря Харькова и неизбежность отхода в Донецкий бассейн, Вы телеграммой вызвали меня для «нового назначения» — принятия Добровольческой армии с подчинением мне конной группы. Об оказании серьезного сопротивления противнику думать уже не приходилось. Единственно, что еще можно было сделать — это пытаться вывести армию из-под ударов врага и отвести ее на соединение с Донской и прикрыть ростовское направление. Я это сделал после тягчайшего 350-верстного фронтового марша.

По мере того, как армия приближалась к Ростову и Новочеркасску, тревога и неудовольствие росли. Общество и армия отлично учитывали причину поражения, и упреки высшему командованию раздавались все громче и громче. Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из рук. Цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж. 9-го ноября я подал Вам рапорт с подробным указанием на причину постигших нас неудач и указаниями на необходимость принятия ряда срочных мер для улучшения нашего положения, я указал на необходимость начать эвакуацию Ростова и Новочеркаска, принять срочные меры по укреплению плацдарма на правом берегу Дона и т.д. Ничего сделано не было, но в ответе на мой рапорт последовала Ваша телеграмма всем командующим армиями с указанием на то, что некоторые начальники позволяют себе делать заявления в недопустимой форме и с требованием беспрекословного повиновения...

В середине декабря я имел необходимость выяснить целый ряд вопросов по мобилизации населения и коней в занятой моей армией Таганрогском округе; разворачиванию некото-

рых Кубанских частей и т.д. с генер. Сидориным и Покровским; просил их прибыть в Ростов для свидания со мной. Телеграмма им в копии сообщена генер. Романовскому. На следующий день я получил Вашу циркулярную телеграмму всем командующим армиями, и в ней указывалось на недопустимость моей телеграммы и запрещение командующим выезжать за пределы своих армий. По-видимому, этими мерами Вы собирались пресечь возможность чудившегося Вам заговора Ваших ближайших помощников.

20/XII Добармия была расформирована и получила от Вас задачу отправиться на Кавказ для формирования Кубанской и Терской конницы. По приезде в Екатеринодар я узнал, что несколькими днями раньше на Кубань прибыл генер. Шкуро, получивший от Вас ту же задачу, хотя это Вы впоследствии пытались отрицать, намекая, что генер. Шкуро действовал самовольно. Между прочим, в печати генер. Шкуро совершенно определенно заявлял о данном ему Вами поручении, и его заявление Вашим штабом не опровергалось. При генер. Шкуро состоял ген. шт. полковник Гонтарев, командированный в его распоряжение генер. Вязмитиновым, при нем же состояли неизвестно для меня кем командированные два агента контрразведывательного отделения братья Карташевы. Последние вели против меня специально агитацию среди казаков, распространяя слухи о моих намерениях произвести переворот, опираясь на монархистов, и о моем желании принять «германскую ориентацию».

В конце XII генер. Шкуро был назначен командующим Кубан. армией, а я, оставшись не у дел, прибыл в Новороссийск. Еще 25/XII я подал Вам рапорт, указывая на неизбежность развала на Кубани и необходимость удержания Новороссии и Крыма, куда можно было бы перенести борьбу. Доходившие из этих мест тревожные слухи в связи с пребыванием моим в столь тяжелое время «не у дел» не могли не волновать общество. О необходимости использовать мои силы Вам указывались неоднократно старшими военачальниками, государственными и общественными деятелями. Указывалось на полную самостоятельность Новороссийского и Крымского театров и на то, что разделение командования в этих областях необходимо. Подобная точка зрения поддерживалась и английским командованием. Лишь через три недели, когда потеря Новороссии стала почти очевидной, Вы согласились на назначение меня помощником генер. Шиллинга по военной части, а 28 января в день моего отъезда из Новороссийска я получил телеграмму от генер. Романовского, что «ввиду оставления Новороссийска должность помощника главнокомандующего замещена не будет».

В Новороссийске за мной велась Вашим штабом самая недостоинная слежка. В официальных донесениях в новороссийские органы контрразведывательного отделения Вашего Штаба акkuratно сообщалось, кто и когда меня посетил. А генер.-квартирмейстер Вашего Штаба позволял себе громогласно в присутствии посторонних офицеров заявить о каком-то «внутреннем фронте в Новороссийске во главе с генер. Врангелем». Усиленно распространяемые Вашим Штабом слухи о намерении моем произвести переворот достигли границы. В Новороссийске посетил меня прибывший из Англии с чрезвычайной миссией господин Мак Киндер, сообщивший мне, что им получена депеша от своего правительства, запрашивающая о справедливости слухов о произведенном мною перевороте. При этом господин Мак Киндер высказал предположение, что поводом к этому слуху имели место Ваши со мною неприязненные отношения. Он просил меня с полной откровенностью высказаться по затронутому им вопросу. Я ответил ему, что «не могу допустить мысли о каком бы то ни было выступлении против начальника, в добровольное подчинение которому сам стал», и уполномочил передать английскому правительству, что «достаточной порукой сказанного является моя боевая служба». В рапорте от 31 декабря за №85 я подробно изложил весь разговор, имевший место между Мак Киндером и мной, предоставляя в Ваши руки документы, в достаточной мере долженствовавшие рассеять Ваши опасения... Вы даже не ответили мне.

Не имея возможности привести посильную помощь в защиту родины, потеряв веру в Вождя, в добровольное подчинение которому в начале борьбы стал, и всякое к нему уважение, я подал в отставку и выехал в Крым на покой. Мой приезд в Севастополь совпал с выступлением капитана Орлова. Выступление это глупое и вредное, но, выбросивши лозунгом «борьбу с разрухой в тылу и укрепление фронта», оно вызвало бурю страстей. Выстрадавшиеся от безвластия, изверившиеся в выкинутых властью лозунгах, возмущенные преступными действиями ее представителей, армия и общество увидели в выступлении Орлова возможность изменить существующий порядок вещей. Во мне увидели человека, способного дать то, чего ждали все. Капитан Орлов объявил, что подчиняется лишь мне. Прибывший в Крым после падения Одессы генер. Шиллинг, учитывая положение, сам просил Вас о назначении меня на его место. Командующий Флотом и помощник Ваш ген. Лукомский поддержали его ходатайство. Целый ряд общественных групп, представители духовенства и народов Крыма просили Вас о том же. Все было

тщетно. Цепляясь за ускользящую из Ваших рук власть, Вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и, уступая самым инстинктам, решили непреклонно бороться с Вашими ближайшими помощниками, замышлявшими, как Вам казалось, государственный переворот.

8-го февраля Вы отдали приказ, осуждающий выступление кап. Орлова, руководимое лицами «затеявшими подлую политическую игру», и предложили генералу Шиллингу арестовать виновных, не взирая на их высокий чин и положение, одновременно были приказом уволены в отставку я и бывший начальник Штаба моей Армии генер. Шатилов, а ровно и ходатайствующие о моем назначении в Крым генер. Лукомский и адмирал Непиков. Оба приказа появились в Крыму одновременно 10 февраля, а за два дня до того в местной печати появилась телеграмма моя капит. Орлову, в которой я убеждал его «как старший офицер, отдавший родине 20 лет жизни ради блага ее, подчиниться требованиям начальников». Затеявшего «подлую политическую игру» не было надобности разглагольствовать, его имя громко называлось всеми. Теперь Вы мне предлагаете покинуть Россию. Предложение это Вы мне передали через англичан. Переданное таким образом предложение может быть истолковано как сделанное по их инициативе в связи с моей «германской ориентацией», сведения о которой столь усердно распространялись Вашими агентами. В последнем слухе и истолковывается Вашим Штабом Ваш отказ в назначении меня в Крым, против чего будто бы протестовали англичане.

Со времени увольнения меня в отставку я считаю себя свободным от всяких обязательств по отношению к Вам и предложение Ваше для себя совершенно необязательным. Средств заставить меня его выполнить у Вас нет и тем не менее я решаюсь оставить Россию, заглушив горечь в сердце своем.

Столь доблестно Вами начатая и столь недопустимо проигранная борьба подходит к концу. Вами увлечены сотни и тысячи лучших сынов России, неповинных в Ваших ошибках. Спасение их и их семейств зависит от помощи наших союзников, обещавших эту помощь Вам. Кончайте же начатое Вами дело, и если мое пребывание может хоть скольконибудь помешать Вам защищать ее и спасти тех, кто Вам доверился, я, ни минуты не колеблясь, оставлю Россию.

Барон Петр Врангель».

В качестве материала к размышлению думающему читателю мы предлагаем целую серию выдержек из книги А. Беляевского «Правда о генерале Деникине (Причины прекращения Белого движения на Юге России в 1920 г.)»:

«...Высокомерие, упрямство, стремление к власти генерала Деникина было, без сомнения, во вред общему делу. Генерал Деникин имел в своем распоряжении лишь около 10 тысяч штыков и сабель, без территории, средств и народа, на который он мог бы опереться, а Дон к этому времени... имел уже более чем 50-тысячную армию... Сепаратные решения и действия генерала Деникина Дон считал необдуманными и недопустимыми...»

«...Генералу Деникину нужна была единоличная, абсолютная власть, и он со своим окружением буквально разрушал планы атамана Краснова...»

«...После того, как генерал Деникин получил отказ быть Верховным командующим вооруженными силами Доно-Кавказского Союза, он и его ближайшее окружение усилили интриги против генерала Краснова...»

«...генерал Лукомский. В письме Деникину он говорит: «Я глубоко убежден, что политика и взятый курс Ваш вызовет в самой армии смущение и раскол, в стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку».

«...Ген. Деникин был недалекновен и самолюбив...»

«...Романовский был начальником штаба армии. Иногда его называли прямо в глаза «злым гением» и виновником всех неполадок. Он, по словам ген. Деникина, также был против всяких противобольшевистских формирований, если они не находились в их подчинении...»

«...Ген. Романовский был груб, дерзок и вел себя вызывающе...»

«...Оба эти генерала крайне отрицательно относились к стремлению казачества к самостоятельности и соблюдению древних обычаев, признанных царями и императорами Руси...»

«...Враждебно Деникин и его окружение относились и к формированию Астраханской и Южной народной армии, всячески препятствуя развитию таковых только потому, что эти армии были самостоятельными и возникли при содействии генерала Краснова...»

«...Деникин протестовал против разумных мероприятий и разрушал зарождающиеся противобольшевистские очаги... Главным стимулом его деятельности было личное «я», а всякую антибольшевистскую силу, которая накоплялась и ширилась не под его командованием, он грубо не признавал, не считаясь с тем, что это было лишь на руку большевикам...»

«...Занимая Кубань своей армией, которая была на 80% из казаков-кубанцев, Деникин шел не как освободитель, а как завоеватель, не считаясь с Кубанским правительством и Радой... подрывая этим авторитет Кубанского правительства и издревле существовавшие в казачестве обычаи и права...»

«...Генерал Деникин неоднократно высказывал сожаление, что не покончил с Кубанским правительством, как он хотел это сделать раньше, не разогнал Раду...»

«...Командование Добровольческой армии во всем унижало, игнорировало Кубанское правительство, Раду и др. представителей казачества, которые защищали свои права, во главу угла ставили свою суверенность, основываясь на своих выборных началах и обычаях...»

«...По распоряжению генерала Деникина, многие неугодные ему представители Рады и правительства и др. лица удалялись силой, население было терроризировано, и большевики, пользуясь этим, вели весьма успешно свою агитацию как среди населения, так равно и в армии...»

«...Немало содействия в разрушительной работе белых армий оказывали и многие из российской интеллигенции (дельцы), которые успели развалить монархический строй и, оскандалившись с Февральской революцией, бежали на Дон, Кубань, помогая творить кайново дело, вмешивались в работу Кубанского и Донского правительств, давая свои ненужные рецепты...»

«...Закавказские области, как то: Грузия, Армения, Азербайджан — стремились к совместной борьбе с большевиками... боялись они и турецкого нашествия, и большевистского захвата, почему и шли на создание Доно-Кавказского Союза, но генерал Деникин не понимал этого и своим поведением оттолкнул грузинское правительство от совместной борьбы с большевиками... По распоряжению ген. Деникина граница с Грузией была закрыта...»

(И это в то время, когда добровольцы откатывались к морю, преследуемые красными, и временный уход в Грузию был бы единственным спасением от полного истребления.)

«...После этого ссора с Грузией приняла очень резкий характер, грузины стали чуть ли не врагами... Регулярные грузинские части как бы соблюдали видимый нейтралитет, но ими же руководимые и снабжаемые «зеленые» действовали смело и агрессивно... Начальник Сочинского гарнизона не мог справиться с этой партизанщиной, при малочисленности своего гарнизона... Положение этого района стало угрожающим. Начальник Сочинского гарнизона просил подкреплений. Ставка обещала выслать подкрепление, но медлила и скоро линия железной дороги Туапсе—Сочи была захвачена «зелеными»...»

«...Каждый отряд, дивизия или полк стали действовать самостоятельно, не считаясь с краевой властью; вербовщики военных групп производили сами мобилизации. Насту-

пил период безвластия и беззакония: на улицах хватали прохожих, врываются по ночам в дома, забирали людей и направляли их для пополнения частей. Мобилизация транспорта, реквизиция фуража и проч. производились без всякой системы, произвольно и помимо местной власти. Такие явления стали обычными и на Дону, и на Кубани.

Кроме скрытого и справедливого возмущения населения и полной дискредитации власти, эти самочинные мероприятия, конечно, не могли дать ничего хорошего...»

«...Казачество не верило ген. Деникину... Он не знал казачества и не хотел знать его чаяний...»

«...Генерал Краснов на совещании в станице Манычевской еще 15-го мая 1918 г. настаивал на необходимости в то время взятия Царицына (как и генерал Врангель. — В.М.)...»

«...Большевики учитывали, что с падением главной их базы — Царицына — когда на этом настаивал генерал Краснов (и генерал Врангель. — В.М.), они не могли бы воспрепятствовать соединению Белых армий Юга и Востока, и также знали, что население Саратовской, Астраханской и др. районов, прилегающих к этому фронту, было настроено не в их пользу и охотно присоединялись бы к частям Белой армии...»

«...19-го июня 1919 г. Царицын был взят нашими доблестными войсками. Генерал Деникин не учел всего этого и, окрыленный призрачными успехами, на второй день после взятия Царицына, т.е. 20-го июня отдал директиву армии идти «на Москву». Директива эта... являлась одновременно и смертным приговором армии Юга России...»

«...Атаман Краснов (как и генерал Врангель. — В.М.) не хотел спешить двигаться на Москву, тогда как Деникин настаивал на этом, чтобы первым въехать туда «на белом коне». Атаман Краснов настаивал сначала укрепиться Доно-Кавказским союзом, войти в связь с Уралом и Оренбургом, с адмиралом Колчаком и тогда уже, общим фронтом, наступать на Москву...»

«...5-го мая 1919 г. в Екатеринодаре должна была собраться общая конференция представителей от: Дона, Кубани, Террека, Дагестана, Крыма, Грузии, горцев Сев. Кавказа и Азербайджана. Но и на этот раз, благодаря ген. Деникину, эта идея не была осуществлена...»

«...20-го декабря 1919 г. в Ростове собрались на совещание командующие армиями и др. высокие военачальники для обсуждения вопроса: как исправить положение фронта? На совещание прибыли генералы: Врангель — командующий Кавказской армией, Сидорин — командующий Донской

армией, Кельческий, Шатилов и др. Перед совещанием ген. Сидорин... предложил вопрос об удалении Деникина и Романовского как губящих дело освобождения Родины... Генерал Врангель это требование не поддержал. Он заявил: «Для меня и всех Вас очевидно, что генерал Деникин не способен остановить развал и не может справиться с наступившим положением, но все же я считаю, что насильственное устранение главы армии и его ближайших подчиненных в этот момент делать не следует...»

«...Трагедия состояла еще и в том, что генерал Деникин не эвакуировал всю казачью армию, когда вся Черноморская эскадра стояла в Севастополе и Феодосии, готовясь к эвакуации всех воинских частей и беженцев из Новороссийска и других мест...»

«...Так трагически закончилась жестокая и героическая борьба с большевиками... Белая борьба на Юге велась почти исключительно казаками, понесшими неисчислимые потери, и в результате... всё оказалось бесцельным.

В своей книге «Белое дело» генерал Врангель справедливо пишет: «Причины наших неудач чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставив себе целью борьбу с большевиками проводить одну политику вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая» (деникинская), какая-то частная политика руководителей, которая видела во всем том, что не носило на себе печать «добровольца», врагов России. Дрались с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией, и с Азербайджаном, и лишь немного не хватило, чтобы начать драться с казаками, которые составляли больше трех четвертей Белой армии и кровью своей на полях сражений доказали свою преданность Белому движению...».

«...В очерках «Русская смута» Деникин пишет, что после окончания штабной академии он был назначен отбывать цензовое командование ротой в 183-м Пултусском полку. В своей роте он решил ввести «сознательную» дисциплину. Негласно отменил дисциплинарные взыскания и вразумлял солдат: «Следите друг за другом, останавливайте малодушных. Ведь вы же хорошие люди, докажите, что можно служить без палки». Кончилось командование, рота училась плохо, лениво и дисциплина сильно пошатнулась. «После моего ухода, — говорит Деникин, — старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес внятно и раздельно: «Теперь

вам — не капитан Деникин. Поняли?» — «Так точно, господин фельдфебель!» Рассказывали, что рота потом поправилась. Так вот, будучи капитаном, Деникин разложил роту, а в чине генерала — армию...

Генерал Деникин в полной мере доказал свою солидарность с разрушителем устоев нашей Матери-России Керенским своим выступлением 16-го июня 1917 г. Он сказал следующее: «Ведите русскую жизнь к Правде и Свету под знаменем свободы. Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести войска под нашими старыми боевыми знаменами, **с которых — не бойтесь — стерто имя Самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его больше нет, но есть Родина...**» (выделено мной. — В.М.).

«...Деникин, став во главе Добровольческой армии, действительно охранял заветы Керенского...»

«...Были другие вожди, как то: генерал Врангель, Великий Князь Николай Николаевич, но Деникин игнорировал их. Вот это влечение к власти Деникина помогло погубить Белое движение на Юге России и вообще...»

На ком лежит ответственность за тех несчастных, тяжело раненых офицеров, кадет, гимназистов, солдат, докторов и сестер милосердия, которые были брошены на съедение красным зверям, и жестоко умученных в станице Елизаветинской, после отступления из Екатеринодара?

Виновником нужно считать Верховного Главнокомандующего генерала Деникина...»

В подтверждение всему сказанному предлагаем думающему читателю письмо-докладную об инспекторской поездке походного атамана Кубанского Казачьего Войска генерала В.Г. Науменко (публикуется впервые):

«Генералу Шкуро.

Копия Войсковому атаману.

Идя с частями корпуса после многих частей, продвинувшихся на юг, я видел следы, оставленные ими, и познакомился с настроением жителей после прохода наших частей. Особенно сильное впечатление на жителей произвели донцы, черкесы, гайдамаки и «шкуринцы».

Путь, по которому прошли наши войска, представляет картину разорения. Я после оставления Туапсе остановился на даче Аушинга на 39 версте. Дача эта, как и остальные, разорена. Разорения произведены нашими войсками, но особенно пострадала, из виденных мною, дача генеральши Марковой. Там разгромлено все, кроме пианино, мебель побита, биб-

лиотека порвана, имущество, продовольствие, посуда и проч. разграблены. Сама генеральша Маркова, женщина лет 35—40 изнасилована офицером-кубанцем, который с револьвером в руках заставил ее подчиниться издеванию. Эти следы деятельности, по-видимому, отряда ген. Косинова вызваны были стрельбой зеленых из дачи Марковой. В Лазаревском «шкуринцами» взято, кажется, 60 ведер вина. Деньги обещано было заплатить «завтра», и завтра, взявшие вино, ушли. Примерно на 70-й версте имение Шереметьева сожжено, кажется, черкесами. Грабеж идет сплошной. Население с ненавистью говорит о нас. Случаи отобрания друг у друга фуража и скота — явления обычные; в этом отношении особенно отличаются «гайдамаки».

«Волки» или как их называют «волчата» возбуждают не только неприязненные, а местами ненавистные воспоминания, их сравнивают с опричниками и говорят, что молили Бога о скорейшем их продвижении. Донцы не только отбирают все у жителей, но и жгут ненужное им, чтобы не досталось кубанцам, на головы которых они призывают все невзгоды, приписывая свои неудачи им. Из донцов особенно возмутительно держат себя «каледины» во главе с их командиром полка, о предании которого суду я ходатайствовал и вновь ходатайствую перед Вами. Из кубанцев отличаются особенно всякие отряды, дивизионы и проч. импровизированные части. Наличие их помимо указанных бесчинств, которые они безнаказанно чинили, принесет большой вред общему делу в том отношении, что части эти, состоя на привилегированном положении, служат мало, бесчинствуют много, что прельщает казаков из частей. Зачем служить, работать и нести тяготы службы, отвечая за беззаконные действия, когда есть особые войска, которые слоняются по тылам и которым все прощается? Вопрос находит ответ в массовом уходе казаков из тех частей, где есть дисциплина.

Второе уродливое явление нашей жизни — это Кубанский отряд. Я полагаю, что атаману, Правительству и Раде воевать с кубанцами не придется. Мы должны жить одною жизнью. Сейчас есть Кубанский отряд генерала Морозова, состоящий из юнкерских, офицерских и других частей. Вчера, прибыв в указанный мне район Варданэ, я обнаружил тыл Кубанского отряда, состоящий из одного генерала, массы штаб- и обер-офицеров и немногих казаков. Отряд этот стоял здесь с 24 числа, при нем есть какой-то резерв чинов военного училища. Назначение этих чинов мне никто объяснить не мог, или я не смог понять.

Я участвовал в 1-м Кубанском походе, там были огромные обозы, но возили они раненых, а сейчас возят ненужный хлам. Слышал, что юнкеров старших курсов произвели в офицеры, и возят их в виде отдельной сотни. Зачем же это производство? Если оно вызывается жизнью, так дайте офицеров в части, а если произвели юнкеров в офицеры только для того, чтобы было кому платить содержание, то не лучше бы было дать деньги в части, где в них нужда большая. Есть так же какой-то конный дивизионный полк Третьякова. Офицерская сотня, составленная при уходе из Екатеринодара из офицеров-шкурников, уклоняющихся и дезертиров, которые почти все разбежались, и есть еще в полку казаки, участники 1-го Куб. похода, служившие в своей массе в Корниловском полку. Не проще ли упразднить дивизион, дать офицеров и казаков в части. Докладывая свои наблюдения, я полагал бы:

1) Все нештатные (может быть, и любимые) части немедленно расформировать, влить чинов их в соответственные корпуса к их отделениям.

2) Организовать 3 Кубанских корпуса и пласт. бригаду, влить всех конных в корпуса, а пластунов в пластунскую бригаду. Полагаю, что Куб. атаман, Правительство и Рада не нуждаются в охране особыми командами, частями, пулеметами и батареями, ведь это избранники и выразители воли народа, живущие с ним одной жизнью.

3) Расформировать Куб. отряд, влив казаков и офицеров в соответствующие корпуса.

4) Упразднить гайдамаков, влив их в Полтавский и Таманский полки.

5) В виде гвардии атамана оставить ему гвард. дивизион из 2-х сотен. Не скрою, что эта часть кроме неудовольствия ничего не вызовет у офицеров и казаков, но это может быть неизбежное зло. Его парализовать можно командированием в распоряжение атамана одной из строевых частей.

Вот то, что я находил необходимым Вам доложить.

Если хотите сохранить и восстановить армию, упраздните преторианцев, уничтожьте привилегированные условия, иначе гибель наша неизбежна.

Вы отдали приказ о борьбе с грабежами. Все мы приветствуем Ваш порыв. Вы написали о привлечении за попустительство начальников, мы тоже приветствуем и надеемся, что если в жизнь будет проведен приказ, случаев с м-м Марковой повторяться не будет.

Генерал Науменко».

Письмо-докладная походного атамана-генерала В.Г. Науменко генералу Шкуро (с неременной копией Войсковому атаману) свидетельствует о глубокой порядочности, тактичности, объективности и о суровой профессиональности его автора. И то, что такой генерал был не в чести у Деникина и его окружения, говорит об обстановке в штабе Деникина и достаточно характеризует самого командующего. Трагедия Белого движения на Юге России крылась в командующем и его самом близком окружении, в их непомерном тщеславии, нетерпимости к инакомыслию и самостоятельности генералов. Именно это порождало так называемый «сепаратизм», ибо Деникин готов был воевать (и воевал) не только с красными, но и с зелеными, петлюровцами, махновцами, грузинами, дашнаками и другими белыми, кто не состоял в рядах Добрармии.

Деникин до последнего дня своей власти не имел ни четкого представления цели своей войны, ни четкой программы, ни хотя бы условно очерченных целей борьбы.

Деникин не знал, не понимал и, что хуже всего, не желал понимать особенности казачества. Действуя на территории (земле) Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачеств, имея в составе своей армии до 80% казаков, командующий не пытался учитывать их интересов, вел себя как завоеватель на чужой земле.

Как мог главнокомандующий допустить отстранения в сентябре 1919 года атамана Кубанского Войска генерала В.Г. Науменко? Не знать и не понимать значения и авторитета походного атамана он просто не имел права, и этими действиями только подрывал свой авторитет в армии.

Вот тексты только четырех телеграмм к В.Г. Науменко от генералов, узнавших о его отстранении:

*Екатеринодар
генерал-майору Науменко*

*Очень сожалею о вашем уходе точка Примите мою признательность за ваше отзывчивое и энергичное содействие мне по выполнению возложенной на меня главнокомандующим задачи точка Желаю вам дальнейшей славной боевой службы точка
15 сентября 1919 Новороссийск Генлейт Добровольский*

Екатеринодар генералу Науменко

Повторяется старая история тире министерская чехарда тчк Избави Бог Кубань и Россию от последствий к которым она привела Россию тчк Глубоко убежден что вы будете продолжать работать на благо России и казачества тчк Вороневж 19 сентября Губарев

Екатеринодар генералу Науменко

Считаю оставление вами поста большой потерей для армии и Кубани точка Рад был бы видеть вас в рядах Кавказской армии точка Царицын 15 сентября Врангель

Екатеринодар генералу Науменко

*Только что узнал о твоей отставке точка Весь состав корпуса и я считаем оставление тобою поста походного атамана в настоящее время большой незаменимой потерей для Кубани и для Русской армии точка Стыдно Кубанцам своих лучших сынов приносить в жертву необузданным политическим страстям Генерал-лейтенант Шкуро**

Ради чего совершались такие, на первый взгляд, немотивированные действия командующим Добровольской армией? Что это — честолюбие, нетерпимость к более значимым и авторитетным? А может быть, ему диктовало членство в масонстве?..

* Публикуемые здесь письма и телеграммы — из архивной коллекции В.И. Бабича (США).

КРЕСТ

РАССКАЗ

Ему было лет пятьдесят, может, чуть больше. Сухощавый, не потерявший стройности и осанки, с узким, тщательно выбритым лицом, загорелый до черноты, как загорают в этой местности только строители и бомжи, он часа два уже возился на пригорке с бревном, выловленным в речке. Бревно было дубовое, метра три длиной. И, судя по упорству, с каким он затаскивал, катом и волоком, на свой пригорок этот почерневший топляк с отпавшей корой и скользкой темно-коричневой заболонью, целью его появления здесь и было это тяжелое скользкое бревно.

Он вытер о траву топором большого плотницкого топора, оглянулся на солнце, стоявшее почти в зените, на полуднях, повернулся на восток, трижды перекрестился, зажал в зубах болтавшийся на груди серебряный крестик на тонкой шелковой нитке и принялся отбивать края бревна.

Работал он азартно, умело, но неторопливо. Так отбивают очередное бревно и венец — строго по черте, чтобы не надевать ни тесноты, ни верзеек. В нем словно был заложен какой-то ритм, которому он и подчинялся и который, с одной стороны, не позволял

ПРОЗА

ему подолгу отдыхать, а с другой — удерживал от спеха. Спешить ему, видимо, было некуда.

Через час работы среди бурой пахучей щепы лежал аккуратный, ровный, будто пропущенный через пилораму, брус. Солнце высушивало на нем мелкие капли влаги, выступавшей после каждого удара топора.

Человек достал из рюкзака небольшой рубанок, проверил кончиком пальца лезгу и, опустившись на колени, принялся строгать брус. Сырой дуб строгался хорошо, с хрустом и свистом. И вскоре, когда он снял грубые зарубы и сколы, пошла длинная, как бинты, широкая, во всю лезгу, стружка. Она наматывалась на левую руку, обхватывала запястье, холодила кожу.

Все сбывалось и шло так, как он и задумал. И серые, глубоко посаженные глаза человека, когда он оглядывал брус и ворох пахучих бурых стружек, сияли радостным блеском. Травы на окрестных лугах и по пригорку после недавних дождей выметнули метелки и гривы семян, и от этого зелень их казалась приглушенной, более зрелой, как будто их покрывала легкая реденькая дымка. Там, где он решил копать яму, небольшим облаком горели жарки. Он оглядывался на их бордовое облачко и так отдыхал.

Когда брус был готов, человек снова спустился к речке. Сорока, мелькая бело-сизыми крыльями, вылетела из приречного ивового куста, затарахтела заполошно и сердито, будто у нее отнимали завтрак, и уселась на сухом дереве над переездом.

Человек взглянул на это дерево, и глаза его вздрогнули вместе со щекой, которую перехватывал, будто узкой тугой резинкой, шрам.

Человек помнил это дерево.

— Вяз, — произнес он, и собственный голос ему показался чужим. — Это же наш старикан-вяз.

Когда-то, когда они ходили в школу, прежде чем переходить через речку по шатким ольховым кладям, а дальше идти стежкой в соседнее село (своей школы у них в деревне не было), они собирались здесь, под этим вязом. Ребята покуривали, стреляли из «поджигал», вырезали на коре разную чушь: «Коля + Таня...»

Деревня занимала почти весь пригорок и тянулась до самого леса — дворы, сараюшки, амбары, погребца, шула для сена, колодцы. Внизу, под обрывом, вдоль речки, в ольхах и ракетах — бани. Пригорок здесь высокий, местами обрывистый, с ласточкиными гнездами вверху. Потому, должно быть, деревня и называлась Высокой. Другой берег речки Любуши

был пологим, луговым. Всегда там паслись овцы, большое стадо голов в полтораста. А ночью — кони. Коров гоняли дальше, в лесные луга и лощины, в вольное разнотравье поймы приточного ручья Ключа. А здесь недалёкие выгоны подчистую выедали овцы и кони. И потому все пригорки и луговины были опрятными, как газоны. Теперь там все пошло под зарось — кустарник, дудник, сныть, таволга и татарник. Луговая дурнина, которую и косцы всегда обходили, потому что в сено она не шла.

— Вяз, старина...

Он вспомнил, как встречался там с той, которая на долгие годы стала его женой и самым надежным и верным другом. Она работала в их деревне библиотекарем. Школы у них в Высокой не было, а библиотека была. Располагалась она в простом рубленом доме-пятистенке. Две комнаты. Две печи. Зимой надо было их топить каждый день. И молоденькая библиотекарша, только что прибывшая к ним в деревню из культпросветучилища по распределению, каждое утро топила эти печи. Городская, выросшая в квартире с паровым отоплением, она не умела обращаться с не таким уж и простым, как оказалось, механизмом печи. Он тогда заканчивал десятый класс. После школы — сразу в библиотеку. Печи были уже натоплены, на плите стоял чайник. Пахло книгами, редким тогда растворимым кофе и еще чем-то женским, едва уловимым, которое и влекло больше всего на свете. Она была на год старше его. Даже не на год, а всего-то на шесть месяцев. А вечером они встречались здесь, под вязом. И летом, и зимой. Это было самое укромное место. Раньше, чуть выше, в артиллерийском окопе, по склонам, заросшим сиренью и бузиной, стояла лавочка...

Когда он вернулся назад, рядом со своим рюкзаком увидел старика. Старик сидел на корточках, курил плоскую мятую сигарету и смотрел на торец его бруса.

— Бог помощь, — сказал старик и сдвинул на затылок кепку.

— Здорово.

Он ловко освободил плечо из-под короткого бревна, которое нашел там же, возле переезда. Бревно с глухим гудом ударилось оземь, перевернулось.

— Это посуше, — сказал он и, даже не взглянув на пришедшего, тут же принялся зарубать бока. Острый ладный топор его так и отваливал ровные щепки-плашки. Вскоре он взглянул за рубанок. Все шло так, как надо.

Старик тем временем палил третью или четвертую сигарету.

Он положил короткий брус поперек длинного, сдвинул к одному краю. Вытащил из рюкзака стамеску, отчертил ею две поперечные линии и спихнул короткий брус в стружки. И только тут сказал:

— Ну что, дядя Семен, усадьбу свою, что ль, проведать пришел? Или забыл уже, как черемуха возле нашего колодца...

Он не договорил, кивнул головой, нагнулся ниже и замер, будто потерял черту и теперь искал ее и не находил.

Старик тоже вздрогнул и забыл про сигарету.

— Гляжу, гляжу, а признать не могу. Порода наша, высоко-вская, а чьего рода, в толк пока что не возьму...

— А вот и подумай. С кем у тебя, дядя Семен, общий колодец был и одна стежка к баням.

— Алексеичев! Ешки-матрешки! Санька Алексеичев!

— Не Санька, а Игорь.

— А-а, с братом тебя спутал. Вас всегда путали. Кажелетки. А ты — младшой?

— Младшой, младшой, — засмеялся Игорь.

— Ну-у, вспомнил! Вспомнил! — и дядя Семен улыбнулся какой-то расколотой улыбкой. — Ешки-матрешки! Сколько ж лет ты на родине не был? А?

Игорь опустил молоток. Сказал:

— А почти всю жизнь. Так получилось.

— Это ж надо — сосед! А давай, Игорь, я тебе помогу.

— Да ладно. Тут делов-то... Перекладину вот сейчас задолбаю, а потом — косую и еще одну вверх, короткую.

— Это ж что получится? Крест? — осторожно спросил дядя Семен.

— Крест. Православный крест.

— А зачем? Тут же кладбища нет? Зачем тут крест?

Игорь в ответ молчал. Нетороплив он был на слово. Будто пробовал его, слово, прежде чем произнести, перекатывал несколько раз под горлом и так, и эдак поворачивал, как пробовал кончиком пальца жало лезги.

— Тут, дядя Семен, вся эта земля — сплошное кладбище. Вон оттуда и дотуда — сплошное. Мы тут жизнь свою похоронили. Разве не так?

Дядя Семен даже крикнул от неожиданно поразившей его правды, о которой он и раньше, и без Игоря, не единожды догадывался. Он перевалился с корточек на колени и выпрямил спину.

— Я, дядя Семен, помню, как в армию тебя провожали, — сказал Игорь и улыбнулся, посмотрел на старика, подмигнул ему и вздохнул. — А помнишь, как ты мне потом погон подарил? А? Когда отслужил и домой вернулся? Неужели забыл?

— Когда ж это было...

— Давно.

— Погоди-погоди... А, в шестьдесят первом! Гагарин в космос полетел. В Германии, в танковой бригаде. Механик-водитель танка. Ох, Игорек, сколько ж у нас тут в те годы народу было! В одном только нашем дворе — семеро! У вас, у Алексеичевых — шестеро! А потом — как под стебло пошли... Последние старики перемерли в конце семидесятых. Распыхали вот... Даже камни, где немцы партизан расстреливали, под гору сдвинули.

Игорь нагнулся к средней, самой большой перекладине и начал вырубать стамеской букву. Старик тоже подполз на коленях поближе, стал присматриваться.

— Название хочешь написать?

— Название.

— Я уже понял тебя. Название у нашей деревни хорошее было. Правильное.

— А то, небось, с карт да планов уже убрано имя нашей деревни. Семь букв. Три справа, три слева, «о» — посередине.

— Как кольцо. Такой букве самое место — посередине. Умные вы ребята — Алексеичевы. И батька у вас мудрый человек был, — сказал дядя Семен и, не вставая с коленей, стал поддерживать перекладину, чтобы она не сползала после ударов стамески. — Ты ж теперь где? Кем работаешь?

— Был инженером в стройуправлении. Военные объекты строили. В Молдавии, в Приднестровье. Как уехал туда после института, по распределению, так и прожил, считай, всю жизнь. Когда бодяга вся эта началась... Мы с Леной в Кишиневе жили. Молдаване нам: чемодан — вокзал — Россия... Понятно? Все бросили. Уехали в Бендеры. Там еще пока спокойно было. А потом — война. Может, слышал, на Приднестровье они пошли. Вот там, возле моста через Днепр, Лену свою я и потерял. — Игорь потрогал шрам на щеке.

Дядя Семен покачал головой.

— Вот, видишь, судьба какая... А мы думали, что все войны в мае сорок пятого закончились...

— Теперь в Подмосковье живу. Так, кое-чем занимаюсь. Старые друзья отыскались, старые связи.

— И что же, больше ни с кем не сошелся?

— Да так, вроде живу с одной подругой. А все не то, дядя Семен. Все не то. Я, видать, как снегирь.

— Как это?

— Что, не слыхал? Снегири парами живут. Самец и самочка. И если один из них, из пары этой, погибает, другой долго не живет.

— Э-э, ты это брось. Ты ж молодой еще. И девкам еще, должно, нравишься, а не только бабам. А дети у тебя есть?

— Вот дети пока и держат. Двое у меня детей. Сын и дочка. Сын в армии — офицером. В Чечне вот только что отбыл год. Вернулся по ранению. Служит. Майор. А дочь в институте учится.

Дядя Семен покачал головой. Вздыхнул:

— А я в соседней деревне доживаю. Нас там, Игорь, три двора осталось. Тоже под закат.

— В Казимировке? Или в Полянке?

— В Полянке! Казимировки уже пять лет как нет! Там тоже крест надо ставить!

Стамеска в руках у Игоря задрожала.

— А вот я тебе сейчас скажу, сколько деревень в нашем краю погибло. Начнем с той стороны. — Дядя Семен махнул рукой за Любушу. — Богачевка, Березино, Образцовка, Угол, Половитное, Подрябинки, Ключи, Бурсова Гора, Хутор Тихоняты.

— И Ключей нет? — переспросил Игорь.

— Лет пятнадцать, как подчистую распахали и все сады бульдозером в овраг сдвинули! Бабка Домна долго там жила. Уже одна — без дорог и провизии. Провода со столбов сняли. Света не стало. Зимой — волки. Собак ее порвали. А весной раз, на Пасху, пришла на кладбище, могилку родительскую скатертью накрыла и повалилась... Так что теперь в заречье — пустыня до самой железнодорожной станции.

Когда Игорь вытащил из рюкзака саперную лопату, примял ею жарки и начал копать яму для столба, дядя Семен сказал:

— Знаешь, Игорь, так дело не пойдет. Так крест долго не простоит. Дуб сырой, запарится и сгниет. Точно тебе говорю, завалится следующим же летом.

Игорь воткнул лопатку в землю, посмотрел на крест. Крест получился хороший, размашистый. Настоящий крест. Именно о таком он и мечтал всю зиму. Но дядя Семен прав, если его закопать в землю так, долго он не простоит. Сверху крест уже просох. Солнце делало свое дело. Но внутри, в продольных порах древесины, была вода. Вот почему основной брус такой тяжелый.

— Ты, вот что, пока посиди тут, покури, а я домой схожу, битума принесу. Надо просмолить нижнюю часть. Гнить он, конечно, будет, но уже не так.

Игорь снова наклонился над ямой. Он не мог сидеть без дела. Стоило ему выпустить из рук инструменты, присесть и посмотреть вдоль пригорка, как вставало перед глазами про-

шное: неровный ряд домов, куры на дороге, в горячей пыли. Материн голос, крыльцо библиотеки, выкрашенное в голубой цвет, и фигурка Лены на том крыльце...

Под дерном долго шла черная земля. Культурный слой здесь был толстым. Кто знает, сколько веков стояла на пригорке деревня Высокая. Может, она постарше древних городов. Просто она всегда была маленькой, незначительной, и потому ни в летописи, ни в договорные грамоты не попадала. Игорь выбросил несколько округлых камней — розово-серый гранит, обработанный ледником под ядра среднего калибра. Таких здесь было много. Всегда приносили их с поля на гнет, закладывали сверху кадки с солеными грибами, огурцами и квашеной капустой. Потом пошли черепки — глиняные, фаянсовые и фарфоровые. О, сколько посуды наколотили! По отвалу покатила зеленая винтовочная гильза. Гильзу он очистил от земли, внимательно осмотрел клейма на затыльной части: «Р 249» «S*» «7» «38». Что означали первые три знака, он не знал, но то, что гильза этого патрона, а значит, и сам патрон, были изготовлены в 1938 году, это он знал точно. Капсюль пробит бойком, немного в сторону от центра. Это была гильза от немецкой винтовки или пулемета. Здесь проходила траншея. А там, за Любушей, возле леса, по опушке, проходила другая траншея. Там стояли наши. Игорь помнил эти траншеи. В детстве они играли в них в войну. Однажды где-то здесь он нашел в земле немецкий штык-нож. Отец потом резал им свиней. И ту, и другую траншеи запахали, срыли. Железо из них: снарядные гильзы и осколки, хвосты минометных мин, коробки противогазов, каски и болванки противотанковых снарядов — все это ржавое добро, оставленное войной, собрали в кучу и сдали на металлолом.

Дядя Семен вернулся не один. С ним пришел мужичонка неопределенного возраста с плоским перебитым носом и быстрыми глазками цвета невызревшего табака.

— Волчок, — представил его дядя Семен. — Он нездешний. Примак. У Марьи живет. Уже давно.

Волчок кивнул.

Полянскую Марью он помнил. Она и тогда, пока Игорь учился в школе, раза три замужем была.

— Пускай он копает, — распорядился дядя Семен. — Ему это дело привычное. Он всем нашим покойникам могилки копает. Навроде штатного гробовщика. Народ сейчас мрет много. Волчок всегда при работе. Пускай копает.

Волчок стоял, опираясь на лопату. Лопата большая огодная, белая, будто тракторный плуг после пахоты.

— Это я мигом, — согласился Волчок. — Сколько копать в глубину?

— На метр. Чтобы стоял хорошо.

— Будет на метр! — И Волчок скинул старенькую, но выстиранную и аккуратно заштопанную на локтях камуфляжную куртку и принялся выбрасывать из начатой ямы песок. Получалось у него действительно ловко и даже весело.

Когда все было готово, они подняли тяжелый крест и опустили его промасленным комлем в яму. Надписью развернули на юго-запад, к речке. Выпрямили, забросали камнями, а сверху насыпали курган.

— На могилку похоже, — заметил Волчок.

— Могила и есть.

— Далеко виден будет.

— Была деревня — и нет деревни. Будто и не было никогда. Ни голоса человеческого, ни мыка коровьего, — сказал дядя Семен. Он смотрел куда-то вдоль речки, наверное, угадывал свою усадьбу, где она когда-то была, — крыльцо, теплые углы, печи, колодец с черемухой...

Игорь собрал в кучу инструменты и сказал:

— А теперь, мужики, давайте помянем нашу деревню. Нашу Высокую. Родительницу нашу.

— И есть чем? — поинтересовался Волчок, тщательно счищая со своей натруженной лопаты прилипшую землю.

— Найдется.

Игорь выложил из рюкзака пакет со снедью: палкой сухой колбасы, батоном белого хлеба, двумя банками рыбных консервов, маринованными огурцами-залепухами и бутылкой недорогой ржаной водки.

— Надо бы сперва руки помыть, — заметил Волчок, укладкой поглядывая на бутылку ржаной.

На берегу они разделись и полезли купаться. То ли давнее, детское, нахлынуло разом на всех троих, то ли жара доняла, только не сговариваясь, они скинули одежду и по песчаному откосу побежали к плесу.

Вода у берега была теплой. Такая бывает в полдень в лужах. Стайки мелких рыбешек испуганно метнулись в глубину и растворились там. Игорь нырнул вслед за ними и распрямил под водой свое усталое тело. Здесь, на глубине, на течении, было холодно и особенно хорошо после жары на пригорке. «Как хорошо!» — с восторгом подумал он, чувствуя, как шелковая нитка крестика струится по ключицам и щечечет кожу. Вынырнул, огляделся: Волчок следом плыл по бабьи, высоко взбалтывал ногами и никак не справлялся с

течением, а дядя Семен стоял по пояс в воде, улыбался своей виноватой расколотой улыбкой и никак не осмеливался кинуться в воду. Волчок подплыл к нему и стал брызгаться.

— Увайди! Ешки-матрешки! — И дядя Семен кувалдой бухнулся в глубину и, выгнув наружу белую спину, пошел руками по дну.

Игорь лег на спину. Над ним в синем, как свежий ситец, небе плыл вяз.

Когда уже разлили по пластмассовым стаканчикам, Игорь вдруг спохватился:

— Надо бы, братцы, сперва помолиться. А то, без молитвы... Кто знает молитву?

— Какую? — спросил Волчок.

— Да какую-нибудь. Любая сгодится. Только чтобы настоящая молитва была.

— «Отче наш» знаю.

— А не собьешься? — с недоверием и одновременно надеждой посмотрел на него дядя Семен.

— Не собьюсь, — уверенно сказал Волчок.

— Тогда читай, — приказал Игорь, — а мы за тобой повторять будем. Только не торопись.

И они прочитали молитву. Перекрестились. Поцеловали надпись на кресте. И надпись, и весь крест пахли речкой и свежим деревом.

А после сели вокруг разостланной газетки, на которой было все, чем могла унять свою печаль-тоску душа любого русского человека.

Выпили по одной, по другой. Закусили.

— Ты ешь, ешь, землекоп, смелей закусывай, — подкладывая дядя Семен Волчку то огурчик, то бутерброд со шпротами.

Волчок кивал головой и вскоре вздохнул и приткнулся головой к свежему кургану под крестом и прикрыл глаза.

— Что-то рано спекся, — сказал Игорь.

— Ослабел, — махнул рукой дядя Семен и улыбнулся своей расколотой улыбкой, будто извиняясь за своего товарища. — Такой человек. Слабый нынче народ стал, ешки-матрешки. — И вдруг спросил: — Шрам-то где, в Молдавии, нажил?

— Да, в Приднестровье. В лето девяносто второго года... в окопах под Кочиерами. А ранило в тылу, осколком. Пошли с товарищем за боеприпасами. Мина с той стороны прилетела. Ему ногу оторвало, а мне — легко...

— Метка хорошая. На всю жизнь.

— Это да. Милиция частенько останавливает. То в метро, то на улице. Паспорт спрашивают. С собою так и ношу теперь.

— Такое время.

— А какое? Какое время? — встрепенулся Игорь. — Как на оккупированной территории живем!

Шрам на щеке Игоря напрягся, побагровел.

Они долго молчали. Никому ничего не хотелось говорить. А думали каждый о своем и одновременно об одном и том же.

Мимо пролетела, натужно шипя крыльями, тяжелая ворона, оглянувшись на них, на крест, и хрипло отрывисто каркнула. Дядя Семен проводил ее угрюмым взглядом и выругался. Игорь усмехнулся и откинулся на спину.

— Ты что?

— А вздремну чуток. Давно не спал на родине. А ты нас посторожи. Ладно, дядя Семен?

— Поспи-поспи. А потом в Казимировку пойдем.

— Это ж зачем? Ты ж сказал, что нет Казимировки.

— Вот затем и пойдем, — сказал дядя Семен как о давно решенном. — А дубок мы из Полянки возьмем. Сухой. Есть у меня на примете хорошее бревно.

Игорь посмотрел на бывшего своего соседа, поправил на шее шелковую ниточку, отыскал серебряный крестик, зажал его в кулаке и закрыл глаза.

Ему снились дворы на пригорке, черемуха над колодцем, вяз над речкой Любушей и синее крыльцо деревенской библиотеки, на котором кто-то стоял и то ли звал его, то ли прощался...

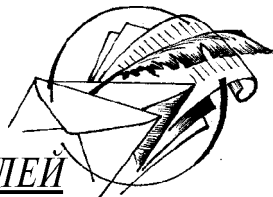
О РУСОФОБИИ В РОССИИ

За спиною у нас — Кондопога,
впереди — будет свой Сталинград!

Валерий Хатюшин

Что с нами происходит? Куда мы идем? Что строим? Почему жизненный уровень русского люда сегодня находится на таком низком уровне? Почему в стране обилие нищих и бездомных, чего не было в России даже в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны? Тогда тоже многие жили впроголодь, ели крапиву и лебеду, но я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь рылся в мусорных кучах в поисках съестного. А сегодня это обычное явление.

Люди устали от бесконечной болтовни и беспочвенных обещаний. Никаких реальных подвижек к лучшему нет. Да и откуда им взяться, если почти все командные рычаги управления страной находятся в руках случайных людей. Порой их серость и некомпетентность приводят русский народ в замешательство, и становится мучительно стыдно за свою многострадальную Родину: упали цены на нефть на международном рынке — плохо, повысились — еще хуже, т.к. вся нефть сразу пошла на Запад, и для внутреннего рынка ее не хватает. А в результате наше сельское хозяйство и армия остаются без горючего.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Прав поэт Е. Артюхов:

*Кричат без устали кликуши,
Ворчат державные мужи.
А мы сидим, развесив уши,
Погрязнув в глупости и лжи.*

Постоянное низкопоклонство перед «всесильным западом», заигрывание с национальными меньшинствами, проживающими на территории России, и коррупция в верхних эшелонах власти привели к тому, что русский народ даже в собственном доме чувствует себя народом второго сорта, он ограблен и унижен. У него отняли работу, обесценили его сбережения...

В чем причина этого беспредела? А причина лежит на поверхности, ее видно невооруженным глазом, о ней говорят нам даже наши недоброжелатели. Все дело в том, что вот уже почти четыре столетия Россией правят инородцы. Трудно представить, чтобы Японией управляли турки, а Германией руководили китайцы, хотя те и другие делают это на своей родине весьма успешно. А вот Россией почему-то до сих пор правят все кто угодно, кроме русских. Конечно же, это абсурд, но такова реальность!

Был период, когда, по выражению В.О. Ключевского, «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели трон, забрались на все доходные места в управлении». А при последнем Императоре Николае Александровиче Государственный Совет, Сенат и правительство России были сплошь нерусскими.

Правда, был в правительстве Петр Аркадьевич Столыпин, русский по национальности. В своей государственной деятельности он делал ставку на национальную идею, стремясь предоставить русскому народу возможность определять политику своего государства. Так, в Манифесте 3 июня, с явным намеком на решающую роль поляков во Второй Государственной Думе, было провозглашено:

«Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иные народности должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». Естественно, инородцы не захотели терять свои властные позиции, и перешли к активным действиям. На Столыпина было совершено десять покушений, одиннадцатое закончилось роковым выстрелом инородца Мордки Богрова, сына богатого киевского домовладельца.

В Совете народных комиссаров первых лет советской власти доминирующую роль играли евреи. В качестве примера приведу фрагмент письма Ф.Э. Дзержинского в бытность его работы Председателем ВСНХ СССР. 3 июля 1926 года он писал В.В. Куйбышеву: «Сейчас мы в болоте... Сами ничего не можем. Все в руках функционеров — Шеймана и Фрумкина».

К сожалению, эта пагубная кадровая политика сохранилась в России и по сей день. Едва повеяли «ветры перемен», как к власти пришли люди, патологически ненавидящие русский народ, его историю и культуру. Особенно в этом плане отличился первый президент Российской Федерации шабегой Ельцин. Будучи «посвященным» членом масонской организации, он уже в начале 90-х годов прошлого столетия «за попытки защитить честь и национальное достоинство русского народа, его историю и воинскую доблесть» привлёк к суду 8 главных редакторов газет патриотической направленности: В.Т. Фомичева «Пульс Тушина»; Е.А. Щекотихина «Наше Отечество»; А.М. Ботагова «Русское Воскресенье»; М.В. Филина «Сергиев Посад»; В.С. Михайлова «Русское слово»; Ю.А. Беляева «Народное дело»; С.В. Костромина «Накануне»; Ю.В. Липатова «Русский союз».

Но особенно рельефно ненависть правящего режима к русскому народу проявилась после «кровавого октября 93-го». 7 октября 1993 года в газете «Московский комсомолец» было опубликовано беспрецедентное по своей наглости русофобское объявление:

Р а з ы с к и в а ю т с я !!!

Редакция «МК» заплатит по 2 миллиона рублей тем, кто укажет точное местонахождение главарей мятежников: Александра Баркашова, Ильи Константинова, Виктора Анпилова. Телефон 356-92-40».

Это же точная копия объявлений немецкого командования по розыску русских партизан в годы Великой Отечественной войны.

Сразу после кровавой разборки между исполнительной и законодательной властями в стране были запрещены все оппозиционные правительству партии и движения, в названиях которых присутствовало слово «русский» или в их деятельности просматривалась патриотическая направленность. «Независимая газета» за 7.10.93 года полностью опубликовала этот список. В нем указано 11 партий и движений: «Российский общественный союз»; «Русская партия»; «Русский национальный собор»; Русское национальное единство»; «Фронт национального спасения»; «Фронт патриоти-

ческой молодежи»; «Национально-патриотический фронт «Память»; «Трудовая Россия»; «Коммунистическая партия Российской Федерации»; «Российская коммунистическая рабочая партия»; «Российский коммунистический союз молодежи».

Инородцы прочно уселись на руководящих постах в экономике, банках, акционерных обществах, в прессе и на телевидении. Их фамилии у всех на слуху, они постоянно мелькают на экранах наших телевизоров, на страницах газет и журналов. Политика их антинародна. На ровном месте, без войн и катаклизмов они сделали то, что не смог сделать даже Гитлер.

Как и их предшественники, они «наступают на те же грабли», обещают своему народу «светлое будущее» и делают броские заявления, надувая при этом щеки и хмуря брови. Даже выражения лиц у них те же самые! Россия для них всего лишь «единое рублевое пространство». Но именно они сегодня «правят бал» и устанавливают «правила игры».

Пользуясь «прозрачностью» границ и продажностью наших чиновников, выходцы из стран ближнего и дальнего зарубежья заполнили Россию: на Дальнем Востоке и в Сибири обосновались китайцы, Забайкалье заполнили корейцы, в Краснодарском крае хозяйничают армяне, в Волгоградской области и на Ставрополье верховодят чеченцы. Судя по количеству азиатов на улицах, Иркутск уже давно стал чем-то вроде особого китайского района в Сибири.

Еще в конце 1999 года начальник УВД Красноярска А. Горовой писал, что азербайджанцы его допекли. Они совершают треть всех преступлений в городе и, как правило, все они тяжкие: перестрелки, разбои, заказные убийства, взрывы...

А начальник отделения милиции одного из подмосковных поселков как-то заявил: «Я не узнаю свои места! Иду, а мне кажется, что я в Таджикистане. Они везде: в магазинах, роют канавы, таскают какие-то тележки. За двухдневный рейд мы выявили в поселке более 1000 таджиков-нелегалов. А у нас местного населения и 400 человек не наберется. Таджики везут в Россию героин, маковую соломку и прочую заразу».

А что происходит в столице нашей Родины?

Власти Белокаменной и ее мэр целенаправленно и энергично превращают Москву в нерусский город. По состоянию на 1 января 2003 года в столице проживало 6 200 000 иностранцев и граждан России неславянской национальности. Данные на сегодняшний день упорно скрываются. Да и невозможно уже подсчитать всю нелегальную эмиграцию.

Из 10,5 миллиона граждан, проживавших в то время в нашей столице, русские составляли всего 31% — 3,36 милли-

она человек. И ситуация непрерывно ухудшается. В этом плане Москва «обогнала» даже наполовину «цветной» Париж и на треть мусульманский Берлин, которым уже давно пророчат участь Косова, дело только за временем.

В октябре 1999 года один из телеканалов нашего телевидения провел интерактивный опрос жителей Москвы «На тему дня». Телезрителям было предложено ответить на вопрос: «Кого нужно выгнать из Москвы?» Предлагалось три варианта ответа: всех чеченцев, всех лиц кавказской национальности, всех бандитов.

Единодушное большинство опрошенных высказалось за второй вариант. Достали кавказцы москвичей. А ведь глас народа — Божий глас!

Чтобы закрепиться в России, инородцы идут на все: тут и фиктивные браки, и подкуп должностных лиц, и приобретение квартир и дачных участков за умопомрачительные цены. Едва обосновавшись на новом месте, они без сожаления расстаются со своими русскими «возлюбленными», обеспечившими им российское гражданство, и незамедлительно перевозят к себе на новое место всю свою многочисленную родню.

Поселившись в России, инородцы стремительно размножаются. Их рождаемость поражает воображение. Четверо или пятеро детей в каждой приехавшей мусульманской семье — обычное явление, а в русских семьях, как правило, по одному ребенку. Хотим мы этого или не хотим, но в самом ближайшем будущем мусульмане задавят славян своей биомассой.

Охотно селятся на территории России казахи. В несколько раз увеличилось число пришельцев из Китая и Вьетнама. По сравнению с Кавказа. Основная «кавказская волна» захлестнула Россию в начале 90-х годов прошлого столетия после прихода во властные структуры страны чеченца Руслана Хасбулатова. Сегодня он невозмутимо покуривает трубку в своей роскошной московской квартире. О нем редко вспоминают, а зря!

Идет беспрецедентное «вторжение без оружия» самых нищих и криминальных слоев населения из бывших советских республик. Появляются они в России в основном нелегально. Селятся компактно, ассимилироваться не хотят. Повсеместно стремятся сохранить свою национальную «культуру» и религиозную обособленность. Но главное заключается в том, что они везде пытаются навязать нам свои криминальные порядки.

По сути, под видом «беженцев» и «вынужденных переселенцев», инородцы захватывают наши лучшие земли, и ни о каком «спасении России» за счет вливания свежей миграционной крови не может быть и речи. Это тупиковый путь, ведущий к колонизации нашего государства. На территории Российской Федерации начали создаваться многочисленные мусульманские «пятые колонны», тем более что национально-территориальное деление нашей страны этому явно способствует. Пока это только цветочки, но они уже сегодня дурно пахнут. На горизонте замаячил исламский фундаментализм, в мире четко обозначились признаки начала глобальной войны мусульманского мира с христианством, призывы кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!» уже не работают.

Коренное население России ко многим иностранцам, поселившимся на ее территории в течение последних 20 лет, тоже, мягко говоря, относится с нескрываемой неприязнью. И не потому, что у них волосы черные и нос с горбинкой, а за их криминальный образ жизни, за то, что, используя свои бесцеремонность и наглость, они паразитируют на русском народе. Как говорит русская народная пословица: «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел». Фамилии инородцев, обосновавшихся в России, практически ежедневно мелькают в хронике происшествий: то за рэкет, то за бандитизм, то за распространение наркотиков и т.д. Это стало столь частым явлением, что средствам массовой информации поступила «указивка»: «Впредь национальную принадлежность преступников не указывать, т.к. это может привести к разжиганию межнациональной вражды».

Русские пока только хмурят брови да матерятся. Однако, уже замелькали лозунги «Россия для русских», на улицы вышли молодые русские ребята, которых называют нерусским словом «скинхеды». Сегодня их единицы, но они уже везде: в Воронеже, в Санкт-Петербурге, в Москве. Пока это только пена идущего на нас национально-религиозного вала, но она уже реально свидетельствует о грядущих событиях.

В стране набирает обороты бытовой национализм, поскольку процент «незваных гостей» уже давно перешагнул разумную грань. Глава МВД России Рашид Нургалиев называет «скинхедов» «настоящими фашистами» и жестко расправляется с ними, используя для этого отряды ОМОНа и Спецназа. Интересно, а что будет делать господин Нургалиев, когда на улицы выйдут миллионы? А ведь к этому все идет. События в Брянске, когда на улицу вышли тысячи жителей города, — тому наглядное подтверждение.

По стране уже прокатилась волна столкновений на межнациональной почве. Это массовые беспорядки в карельском городе Кондопоге, погром цыганского табора в городе Волжском Волгоградской области, самосуд над азербайджанской диаспорой в поселке Харагун Читинской области, кровавая разборка калмыков с чеченцами в селе Яндыки Астраханской области, разборка казаков с армянской и грузинской диаспорами в ставропольском городе Новоалександровске, систематические драки русских с китайцами в Хабаровске... Поджоги, погромы, избиения. Пока их единицы, но завтра они могут охватить всю страну.

22 июня 2007 года, в пятницу, произошло побоище между кавказцами и славянами в самом центре Москвы на Манежной и Славянской площадях. Кстати, южане оказались более организованными. Газета «Московский комсомолец», комментируя происшедшие события, квалифицировала их как «бойню между приезжим населением и коренными москвичами», т.е. попыталась завуалировать происходящее в столице межнациональные разборки. Зачем? Ведь мы же все видим! Нужно называть вещи своими именами, а не прятать их за словесной шелухой типа «бытовое хулиганство», «криминальные разборки» и т.п. Это серьезный звонок!

Чтобы избежать крупномасштабной и жесткой межэтнической конфронтации с понаехавшими к нам «беженцами и вынужденными переселенцами», нужно не «скинхедов» ловить, а доходчиво объяснить всем приехавшим в Россию, что если они гости, то и вести себя должны как в гостях. А если они считают себя россиянами, то и жить должны по нашим правилам и законам. Каждый приехавший к нам иностранец должен твердо знать, что даже за малейшее нарушение российского законодательства он будет незамедлительно депортирован из страны согласно простому административному решению местных органов власти.

Если у провинившихся инородцев нет денег на билеты, то нужно определять их в трудовые лагеря, где содержать до тех пор, пока они не заработают необходимую им сумму денег. Депортацию за государственный счет надо прекратить! Это напрасная трата государственных средств. Сажать иностранных преступников в наши тюрьмы тоже не имеет смысла. Пусть с ними разбираются на их титульной родине. А в мусульманском мире свои законы борьбы с преступностью! Там им мало не покажется!

Кстати, обилие политических партий в стране — это не достижение демократии, а иезуитская политика правящего режима, направленная на искусственное разделение русского

народа на противоборствующие группировки. И в дополнении ко всему, сказанному выше, Указом от 13 марта 1997 года №232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации», Ельцин исключил из паспортных данных графу «национальность».

Таково в общих чертах положение, в котором оказался русский народ в результате «демократических преобразований» и развала Советского Союза.

Со всей остротой встал извечный русский вопрос: «Что делать?» Сначала давайте определимся в основных понятиях. Вот, например, нам постоянно внушают, что Россия — многонациональная страна. А так ли это на самом деле? Скорее всего, это просто выдумка наших махровых интернационалистов-ленинцев, которые, разделив Россию по национально-территориальному признаку, даже не предполагали, сколь пагубным в будущем окажется это решение.

В России действительно проживают 177 наций, говорящих более чем на 150 языках, 80 из которых являются литературными. Но является ли это достаточным для того, чтобы считать Россию многонациональной страной? Отнюдь! Россия — это многонациональная держава. Международное право утверждает, что совсем не обязательно, чтобы все 100 % жителей принадлежали к одному этносу. Для этого вполне достаточно 67 %.

А русских в России более 80%. Больше, чем евреев в такой многонациональной стране, как Израиль. Больше чем казахов в Казахстане, украинцев на Украине, латышей в Латвии, эстонцев в Эстонии. Из крупных стран только в Китае государствообразующий народ хань составляет 97%. Русские — это не только главные созидатели России, это единственная нация, без которой Россия не могла бы существовать в виде единого государства в ее настоящих границах.

В связи с этим пора переосмыслить свое отношение к национально-территориальному делению нашей страны, которое уже давно себя изжило и работает на развал России. 80% русских считают, что оно разобщает народы. С ними согласны 50% жителей национально-территориальных образований. За сохранение национально-территориального деления ратуют только баи и князьки, т.е. местные руководители.

О какой единой России можно вести речь, если на ее территории есть практически самостоятельные регионы: Татарстан, Башкирия, Якутия, Мордовия и т.п. Это глубочайшее заблуждение, что в национально-территориальном делении страны заложены демократические принципы мирного сосуществования различных наций и народов. На самом же

деле оно усугубляет национальную рознь. И в мире есть тому наглядные подтверждения: Баскония в Испании, Квебек в Канаде, Ирландия в Великобритании, Уйгурский округ в Китае и т.д.

Национальный вопрос — это, пожалуй, самый сложный вопрос современности, и относиться к нему нужно крайне осторожно. Естественно, что в России — это русский национальный вопрос. Давайте посмотрим, как он обсуждается на нашем телевидении.

Так, 20 ноября 2005 года на 3-м телеканале в авторской программе И. Колосова «Завтра, послезавтра и все дни недели» была показана публичная дискуссия по национальному вопросу в России. Этот непростой вопрос обсуждали еврей, осетин и армянин. Представителя русской нации опять не было. Участники дискуссии заочно клеймили русского Рагозина и защищали нелегальных мигрантов, понаехавших к нам из дальнего и ближнего зарубежья, представляя их «невинными жертвами русского произвола».

А совсем недавно член Общественной палаты России Н. Сванидзе заявил, что «Движение против нелегальной иммиграции является вредным и опасным для страны». Да кто он такой, чтобы учить русских, как нам поступать с незваными гостями, которые шаг за шагом захватывают наши, исконно русские территории?

В свое время, не подумав о возможных последствиях, Россия передала Южную Осетию Грузии, Крым Украине, остров Даманский Китаю и т.д., а нашему поколению до сих пор приходится «расхлебывать» эти несуразности.

Естественно, что переход страны на административно-территориальное деление, при котором вместо национально-территориальных образований появятся края и области, нужно будет проводить аккуратно, без спешки и только на законном основании, соблюдая интересы местного населения.

А это значит, что наша Дума должна принять такой закон, который будет представлять собой свод основных правил и норм поведения для всех жителей России, как проживающих на ее территории на постоянной основе, так и имеющих только вид на жительство. Давно известно, что без такого закона любая нация подобно армии, в которой каждый солдат (каждый глава администрации) сам себе пишет устав, оставляя за собой право изменять его по своему усмотрению. Естественно, что такая армия небоеспособна.

Все положения этого «национального закона» должны быть прямого действия, не допускающие никаких подзаконных актов, ведомственных разъяснений и комментариев. А

наказание чиновникам за служебные злоупотребления должны быть столь большими (и обязательно с конфискацией имущества), чтобы ни у кого из властей предрержащих не могла возникнуть даже мысль об использовании своего служебного положения в корыстных целях. Никаких исключений в законе быть не должно.

Однако поведение нашей Государственной думы по меньшей мере вызывает недоумение. Вместо того, чтобы принять законодательный акт о борьбе с русофобией и защитить русский народ от произвола инородцев, Дума приняла иезуитский закон «О борьбе с экстремизмом», хотя даже сами депутаты до сих пор не имеют твердого понятия о том, что это такое и чем экстремизм отличается от гражданского протеста.

Причина появления столь русофобского законодательного акта, по словам бывшего депутата Госдумы Василия Ивановича Шандыбина, заключается в том, что «в Госдуме половина депутатов евреи. А пишутся русскими или еще кем-то». Естественно, что после такого заявления, Василий Иванович «пролетел» на очередных думских выборах — не трогай святая святых национальной политики «новых русских». Просто диву даешься изобретательности и оперативности наших русофобов (а то, что этот закон направлен против русских, видно невооруженным глазом). Торопятся! Почуяли, что жареным запахло!

Нравится это кому-то или не нравится, но русский народ является государствообразующей нацией, и без его заинтересованного участия никакие реформы и программы в России не пойдут. А потому и управлять страной должны русские, тем более что инородцы с этой задачей не справились.

Русский человек — это не Леня Голубков и не Ваня Чонкин, в чем нас многие годы пытались убедить инородцы Бахыт Килибаев и Владимир Войнович. Да, мы, русские, не умеем торговать гнилыми мандаринами, но мы умеем летать в космос! Мы не проворны в подлой арифметике спекулятивных махинаций, но мы, русские, создали Су-27 и Миг-29 — лучшие истребители конца XX века! Мы не сильны в наглости ресторанных разборок, но мы умеем с такой силой дать отпор, что от него не скоро приходят в чувство!

Пора также внести ясность в такие понятия, как «русские» и «россияне». Русские — это нация, это этнос, а россияне — это люди нерусской национальности, проживающие в России и имеющие российское гражданство. И не нужно их отождествлять!

Голодные люди — злые люди, способные на самые безрас- судные действия. Пока они только митингуют, пишут пети- ции, перекрывают железнодорожные и автомобильные ма- гистралы. Но терпение их не беспредельно! Они уже не верят никаким обещаниям. Кредит доверия президенту и прави- тельству на исходе.

Народ понял, что главное не то, какой курс реформ пропо- ведует наше правительство, а то, как оно распоряжается той властью, которая ему доверена, и как руководит своей стра- ной. А руководит оно из рук вон плохо.

Вместо того, чтобы поднимать нашу промышленность и сельское хозяйство, мы «проедаем» наши резервы, тратим умо- помрачительные средства на подготовку Сочинской олимпиа- ды, а планируя прокладку трубопроводов по дну Черного и Балтийского морей («Южный» и «Северный» потоки) и строя трубопровод для поставки нефти в Китай и Японию, — на многие годы вперед обрекаем себя на роль сырьевой державы.

В последнее время в стране сложилась странная ситуация: народ бедствует, а правящий режим благоденствует. Одно время в газетах патриотической направленности была руб- рика: «Народ о жизни трудной пишет, но президент его не слышит», но затем она исчезла. Видно, сверху раздался ок- рик, и газетчики разом прижали уши. Народ пока безмолв- ствует, однако обещаниям президента и правительства уже не верит. И вот что странно: в стране грядут серьезные пере- мены, а правящий режим почивает на лаврах...

Полагаю, здесь уместным вспомнить о событиях, проис- ходивших в Москве в октябре 1993 года. Газета «Известия» за 5 октября 1993 года писала:

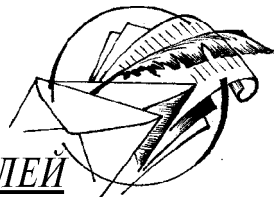
«В ночь с четвертого на пятое, город, славившийся самым большим количеством милиционеров на квадратный метр, как-то враз оказался без этих самых стражей порядка. Куда- то сразу исчез наш решительный ОМОН, так любивший позировать прессе, пропали спецназовцы, еще совсем недав- но демонстрировавшие президенту свои эффективные трю- ки. Куда-то подевались милицейские генералы. Миллион- ный мегаполис был брошен на произвол судьбы». Неужели все это предано забвению?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОДРАБИНЕК

Скандал разгорелся вокруг статьи Александра Подрабиника «Как антисоветчик антисоветчикам...». Посвящена статья тому, что владельцы «антисоветской» шашлычной зря поддались давлению префекта и демонтировали вывеску с одноименным названием. В статье автор противопоставляет Советский Союз и Россию и смешивает ветеранов с грязью как защитников Советского Союза, но не России. Истинными же героями России автор выставляет антисоветчиков.

Но скандал, по видимому, не получил бы такого резонанса, если бы Элла Памфилова — руководитель Совета по правам человека при президенте — не выступила бы в защиту Подрабиника и не обратилась бы в Генпрокуратуру по поводу пикетов, устроенных движением «Наши» у дома Подрабиника. В связи с таким интересным, я бы сказал детективным развитием событий, при которых даже премьеру пришлось комментировать ситуацию, необходимо обратиться к истории вопроса.

Что, собственно, представляют собой права человека? Ведь надо понимать, что никаких общечеловеческих прав не существует, а нормы поведения, т.е. запреты и разре-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

шения диктуются культурой народа, его историческим прошлым, принадлежностью к той или иной цивилизации. Понятие «права человека» появилось в период холодной войны и как тогда, так и сейчас не представляет ничего более как спецпроект разработанный в недрах ЦРУ для борьбы не просто с противником, а с актуальным идеологическим противником, для которого обычные силовые методы давления не проходят. Собственно нападение Гитлера на СССР и было такой силовой попыткой Запада решить ряд вопросов старым проверенным методом. Тогда нам удалось переиграть Запад, и ему не пришлось реализовать мечты о разгроме СССР. Поэтому уже в конце войны американцами была произведена бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Акция безусловно была направлена не столько против военного потенциала Японии, сколько была демонстрацией силы и мощи для запугивания пока еще союзника, но уже и потенциального противника — СССР. Эта попытка также провалилась. Страна была в разрухе, но нашла в себе силы и смогла ответить на вызов достойно — сорвав планы противника по атомной бомбардировке советских городов. За бугром поняли, что против Советов силовое давление не проходит, и стали искать другие, не прямые, но более изощренные методы борьбы — идеологические капканы.

Можно сказать, что против России не без помощи наших же эмигрантов и диссидентов было применено новое «гуманитарное» оружие. Название у этого оружия вроде бы простецкое — «права человека» и «декларация об угнетенных народах». Но это кажущаяся простота, поскольку рассчитано это оружие было на разрушение не материального, но идеального, которое, по крайней мере, для Человека с большой буквы, всегда более значимо, потому что формирует направленность всей деятельности человека, задает вектор развития. Развития без цели не бывает. Если цель значима и фундаментальна, то порой жизни не хватает для реализации задуманного и не только жизни одного человека, но и жизни поколения. Такой целью для Советского человека было Светлое Завтра (коммунизм). Если бы на Западе были такие идеологи, как в ЦК КПСС, то, конечно, вряд ли бы что-нибудь у них вышло... К сожалению, у нас в Отечестве самые головастые шли в инженеры и физики, то есть работать с «железом», развивать индустрию. А на Западе гораздо больше внимания уделялась гуманитарным наукам, в том числе психологии, работе с сознанием, в том числе с нашим сознанием!

Западные оппоненты смогли нащупать в официальной идеологии КПСС черные дыры и сделать свои вставки, оставив форму, но изменив содержание. Причем советское общество оказалось настолько неподготовленным, что эти вставки до сих пор не замечает, более того, эти вставки до сих пор работают! Это и есть так называемые «права человека» и «декларация об угнетенных народах». Оружие работает на подмене представлений о должном, принцип действия сходен с вирусным инфицированием: пока организм здоров, заразе хода нет. Ну а как ослаб, то вспыхивает воспаление. Микоян с Хрущевым на XX съезде партии дегеронизировали советское прошлое, посеяв сомнение и неуверенность в правильности прошлого, они проблематизировали будущее и подготовили почву диссидентскому движению. Само же диссидентское движение как совместный проект ЦРУ и КГБ было воспитано и вскормлено на «правах человека» уже в брежневское время. Проект делал ставку на сионизм и радикальный национализм. Теоретическая основа проекта — в реанимации политического трупа, троцкизма. Сама же идея заключается в следующей схеме движения: от нехороших большевиков — сталинистов к хорошим истинным ленинцам-троцкистам, а оттуда, используя «права человека», к сионистам — т.е. к свободной иммиграции евреев. Та же схема, дополненная «декларацией об угнетенных народах», будет применена несколько позднее для других народов Советского Союза. Русские в этой «теории» являются носителями большевизма и угнетателями всех других народов. Сами же «права человека» — чисто технологический, отработанный прием демагогии. Проект был замечателен тем, что находил универсального козла отпущения — во всех недостатках виноват русский народ с его большевизмом. Таким образом далекая стратегическая цель подменялась для национальных меньшинств легкой сиюминутной задачей — долой коммунизм, выгнать русских и проживем счастливо! Для русских же ставилась похожая задача — долой коммунизм, отделение от инородцев — назад к монархии. Западный проект дезориентировал общество, вносил в него вражду и хаос, а значит, и создавал предпосылку для организации хаоса в соответствии с собственными задачами. Проект этот удался в полной мере.

После официального разрешения выезда евреев в Израиль (1970—1971) идеологический противник добивается еще более впечатляющей победы на Хельсинкской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. Признание руководством СССР «прав человека» и верхо-

венства международного права над национальным в гуманитарной области являет собой беспрецедентное идеологическое поражение, по существу — это отказ от суверенитета и потеря политической субъектности. Подписание Советским Союзом Хельсинкского заключительного акта очевидным образом выявило существование в руководстве страны 5-й колонны. **Дальнейшие события в стране показали, что диссидентское движение, курируемое КГБ, и «права человека» как спецпроект ЦРУ послужили исходной базой для формирования «народных фронтов», эскалации сепаратизма в республиках и развала страны.** Обращение к прошлому нам необходимо, чтобы показать инструментальные технологические приёмы используемые нашими заклятыми друзьями в холодной войне, и понять, что «права человека» — это специальное оружие, заточенное прежде всего против Русского народа. Народ наш не смогли уничтожить ни Гитлер со своей армадой, ни Трумэн с атомной бомбой, но его успешно уничтожают сейчас с помощью «прав человека», внедряя комплекс вины за его героическое прошлое. Увы, в этот позорный западный проект включилась и РПЦ с темой бесконечного покаяния русских за убийство Николая II. Хотя о своем собственном предательстве монарха она предпочитает не вспоминать.

Нужно, наконец, понять, что собой представляет т.н. «Совет по правам человека» при президенте Медведеве. «Совет по правам человека» в своей основе является административным органом для мониторинга социальных процессов со стороны Запада, т.е. это колониальный административный аппарат, курирующий базовые «демократические ценности» на завоеванной территории противника. МВФ курирует в России финансово-экономические вопросы, а «Совет по правам человека» — идеологические. Поэтому здесь нужно вернуться к началу статьи. Памфилова была обязана заступиться за Подрабинека, который хоть и оскорбил ветеранов, назвав их вертухаями и палачами, но является бойцом идеологического фронта победившей стороны, поэтому с позиции «прав человека» полностью прав, поскольку совершенно сознательно продолжает спецпроект ЦРУ. Кроме того, его ни в коем случае не накажут, поскольку он дал возможность движению «Наши» великолепного пиара в пользу «Единой России», создавая иллюзию, что эту партию реально заботят проблемы советских ветеранов. Таким образом Подрабинека чрезвычайно удобен «Единой России», поскольку идеологическое ядро этой партии и есть антисоветизм, но прямо заявить это с политической точки

зрения неудобно, больше половины граждан нашей страны Советский строй оценивают позитивно. В этом, собственно, и есть суть скандала, поскольку помимо оскорбления ветеранов Подрабинек выдал сокровенную партийную позицию «для внутреннего пользования», которой руководствуются в «Единой России», но не афишируют.

P.S.

Автор этих строк, будучи очарован «демократией», ходил в перестроечный период на выступления Б.Н.Ельцина в Лужники и хорошо помнит, что после Ельцина часто выступал чеченец и говорил в возбужденно-радостную толпу: «Народ, который угнетает другой народ, не может быть свободным!». Он собирал аплодисменты, а как оказалось чуть позже, в Чечне уже в это время многие чеченские семьи имели русских рабов в прямом, а не в переносном смысле. Удивляюсь, какой я был тогда наивный и всему верил. Хочу, чтобы *таких* было меньше, поэтому и пишу эти строки.

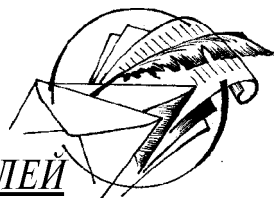
ПРОРОК

От редакции. Эта притча пришла к нам по почте без подписи. И все же мы решили ее опубликовать.

Это было в конце 1989 года. Мы были в гостях у одного из наших коллег по НИИ, известного ученого и весьма умного человека. Общество было очень многочисленно и весьма разнообразно. Тут были артисты, художники, кинорежиссеры, ученые, завмаги... Ужин был роскошен, как обыкновенно, было поднято несколько тостов за Ельцина. За десертом вино придало всеобщему веселью еще тот характер свободной распушенности, при которой не всегда сохраняется подобающий тон. Был именно тот момент, когда все кажется дозволенным, что может вызвать смех.

Шамфорович рассказал один из своих самых смешных антисоветских анекдотов и несмотря на то что в нем было немного похабщины, дамы слушали его и не смущались. Потом начался целый поток насмешек над «совком».

Все единогласно утверждали, что «совок» скоро рухнет, что необходимо, чтобы коммунистическая идеология уступила наконец место свободе и правам человека, и стали подсчитывать приблизительно возможное время краха СССР и кто из собравшегося здесь общества еще сможет увидеть царство свободы и демократии. Самые старые жаловались, что им не дожить до этого, а

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

молодые радовались более чем возможной надежде увидеть это время.

Только один из гостей совершенно не принимал участия в общем веселье и даже втихомолку уронил несколько сарказмов по поводу нашего наивного энтузиазма. Это был Казоттов, человек весьма любезный и оригинальный, но, к сожалению, слишком увлеченный горячительными напитками. Он попросил слова и серьезным голосом начал говорить:

— Друзья! Вы будете удовлетворены. Вы все увидите эту великую, эту прекрасную Перестройку, которой вы так ожидаете. Вы ведь знаете — я немного пророк, и я повторяю вам: вы все увидите ее.

— Для этого не надо быть большим пророком, — ответили ему.

— Пусть так. Но, может быть, надо быть даже немного больше чем пророком для того, чтобы сказать вам то, что мне надо сказать. Знаете ли вы, какие непосредственные следствия будет иметь эта Перестройка для каждого из вас, собравшихся здесь?

— Что же, посмотрим, — сказал профессор Кондорсенко с надменным видом и презрительным смехом: — Философу всегда бывает приятно встретиться с пророком.

— Вы, профессор Кондорсенко, умрете от удара железной трубой по голове в собственном подъезде. Это сделают наркоманы, которым приглянется ваша дубленка в те «счастливые» времена.

Сперва у всех возникло полное недоумение, но потом все вспомнили, что милый Казоттов обычно несет всякий бред, особенно в нетрезвом виде.

— Вы товарищ Шамфорович — продолжал Казоттов, — умрете самым оригинальным способом — вашу машину взорвут из-за разногласий с вашими финансовыми партнерами.

Среди собравшихся прошел нервный смех. Казоттов продолжал:

— Вас, дорогой Игорь, — обратился он к известному певцу и музыканту, — застрелят во время концерта. Причиной конфликта будет очередность вашего выступления.

— Что за вздор! — воскликнули присутствующие.

— Вы, Николай, — обратился он к известному артисту, — не будете больше сниматься. Вам предложат лишь дебильные роли в грязных и гадких фильмах. Вы начнете пить и однажды угорите в бане. Вы, уважаемый Мальзербов, потеряете работу. Ваше НИИ закроют, вы сопьетесь и однажды перережете себе вены. Вас, дорогой Виказирев, забьют ногами за то, что вы оказались не той национально-

сти и не в том месте... Вы, Сергей Никифорович, умрете оттого, что у вас будет приступ, а «скорая» придет через три часа. И вдобавок врач вколет вам лекарство, которое вас убьет. Вы, дорогой Михаил Петрович, — обратился он к ветерану войны, — умрете 9 мая 1992 года от побоев группой подростков, которым вы не захотите отдавать свои ордена и медали.

— Да он решил всех нас перебить, — закричали со всех сторон.

— Вот это действительно чудеса, — вмешался кинорежиссер, снявший недавно фильм по запрещенной в недавнем прошлом книге Булгакова. — А меня вы тоже не оставите в стороне?

— С вами, Владимир, случится чудо, почти настолько же невероятное, как и все остальные. Вы станете коммунистом и вступите в компартию.

Раздались крики изумления.

— О, — воскликнул Шамфорович, — теперь я спокоен! Если всем нам суждено погибнуть только тогда, когда Владимир, кстати, только что снявший антисоветский фильм, вступит в компартию, то мы бессмертны.

— Вы, Максим Петрович, и вы, Степан Данилович, — продолжал Казоттов, обратившись к завмагу и директору овощной базы, — также погибнете от рук киллеров, посланных вашими деловыми партнерами.

— Вот поэтому-то, — сказала хозяйка дома, — мы, женщины, гораздо более счастливы, потому что мы не лезем в мужские разборки...

— Ваш пол, на этот раз не защитит вас, и вы хорошо сделаете, если не будете ни во что вмешиваться. С вами будет обращаться как с мужчинами, не делая никакой разницы.

— Казоттов, — перебила его она. — Вы пророчите нам о конце света?

— Этого я не знаю. Но что я знаю очень хорошо — это то, что вы покончите с собой после того, как над вами надругаются прямо на улице среди бела дня четверо «братков», ради своего бандитского куража, и потом около суток будут таскать по разным квартирам и насиловать.

Здесь заметное волнение пробежало по залу, и лицо хозяйки дома нахмурилось. Все начали находить, что шутка зашла слишком далеко.

Хозяин дома встал с места, и все гости вместе с ним. Он направился к Казоттову и сказал внушительно:

— Убирайтесь немедленно вон, и чтобы я вас не видел здесь больше!

Казоттов уже уходил, когда его догнала Мила Соломоновна, студентка консерватории и большая поклонница Ельцина.

— Вы, господин пророк, предсказали всем нам наше будущее, но что же вы ничего не сказали о самом себе?

Несколько секунд он стоял молча, с опущенными глазами.

— Читали вы про осаду Иерусалима у Иосифа Флавия?

— Разумеется, я читала Флавия.

— Так вот во время этой осады один человек в течение семи дней ходил по стенам города на виду осажденных и осаждающих и восклицал: «Горе Иерусалиму! Горе мне!» И в это время он был поражен громадным камнем, пущенным из осадной машины.

Я окажусь там, в парламенте, который президент, ваш любимейший Борис Николаевич, прикажет расстрелять из танков...

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

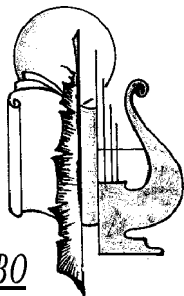
(Алексей Кондратьевич Саврасов. 1830—1897)

Это произошло совершенно неожиданно. Секретарь Совета Московского художественного Общества господин Собоцинский вдруг пригласил к себе Саврасова и сказал:

— Дорогой Алексей Кондратьевич, вы преподаете в училище живописи, но вот уже несколько лет ваш класс почти пуст. Вследствие этого принято решение лишить вас квартиры, которая была предоставлена вам училищем. Квартира будет отдана другому преподавателю. Он уже подал соответственное прошение.

Саврасов был ошеломлен! Он десять лет занимал с семьей казенную квартиру, и теперь ему отказано в жилье! Да, последние годы в его классе занимается не более пяти человек, но не он виноват: таланты не планируются, они — рождаются; придет время, и число учеников возрастет. И если его так бесцеремонно лишают квартиры, значит, администрация училища просто не заинтересована в нем как в педагоге!

Это был сильный удар. Первый после стольких лет внешне благополучной жизни. В «большом доме», где были преподавательские квартиры, все жили как одна семья, и теперь Саврасов выпадал из этого профессионального содружества, становился как-то изгоем. Было обидно и унижительно!

ИСКУССТВО

Алексей Кондратьевич подал в Совет прошение о длительном отпуске: «Имею частное поручение выполнить рисунки и картины зимнего пейзажа на Волге, покорнейше прошу Совет уволить меня со службы на пять месяцев».

«Зимний пейзаж на Волге» был отговоркой, настолько беспомощной, что придумать ее мог только краткий, стеснительный Саврасов. Все понимали: художник бежит из Москвы.

Он покинул Москву вместе с женой и двумя дочерьми. Ехали поездом по недавно открытой Московско-Ярославской железной дороге. За окном тянулись заснеженные поля и леса. Чего только не передумал Алексей Кондратьевич за этот путь, чего не вспомнил! Всю жизнь свою переворошил.

Он родился в московской купеческой семье. Отец хотел сделать из него купца, но Алеша таких разговоров избегал. Краски! Вот что было нужно ему. Отец всеми силами выкорчевывал из сына пристрастие к рисованию, на холодный чердак заперал: рисуй, морозься, коли невтерпеж! И Алеша рисовал.

За пейзажики, пользовавшиеся спросом у торговцев пирогами и сбитнем, лавочник платил ему 6 рублей за дюжину — деньги большие. Алеша хоть этим старался смягчить отца. А отец, наоборот, надеялся сломить упрямство сына, но внутреннее чутье подсказывало ему, что непутевый отрок не бросит своего занятия.

Алексей поступил в училище живописи, ваяния и зодчества.

В классах Алеше открывалось много нового, важного, такого, о чем он и не подозревал, но при всем этом училище его не удовлетворяло. Он уже владел большим душевным багажом, а его познания оставались почти не тронутыми: слишком далека была академическая школа от каждодневного бытия, от живой природы. Алеша чувствовал удовлетворение лишь тогда, когда задавали писать с натуры. Тут он мог развернуться во всю широту, вкладывая трепетную любовь к самому простому кустику, ручью, овражку.

В мае 1854 года училище посетила президент Академии художеств великая княгиня Мария Николаевна. Посмотрев выставку работ художников и учеников, лестно отозвавшись о тех и других, она приобрела несколько картин, в том числе две картины Саврасова. Спустя некоторое время, пришел высочайший приказ явиться Алексею Саврасову на дачу княгини, писать виды под Петергофом. Из всех учеников и молодых художников — единственному.

Мария Николаевна встретила его приветливо. Сумела за непринужденностью и простотой обращения не дать почув-

ствовать бесконечную дистанцию между ними. Спросила Саврасова, как он думает устраивать свое будущее? Для Алексея Кондратьевича настала решительная минута, от которой зависела его судьба.

— Хочу возвратиться в Москву, — ответил он просто и искренне.

Великую княгиню несколько озадачили его слова: Саврасову нетрудно было догадаться, что она, президент Академии, желает покровительствовать ему. Что ж, пусть поступает, как знает, она не смеет стеснять его свободы.

Саврасов написал на даче великой княгини две картины. Обе были показаны на годичной выставке в Академии, и двадцатичетырехлетний художник был удостоен звания академика. В Москве ему предложили место преподавателя в училище, и вскоре он вошел в пейзажный класс как педагог.

— Молодо, свежо... — рассматривал работы воспитанников. — А вот тут замучено, старались очень — не надо стараться, музыка не любит. Возвышайтесь чувством. А вот тут подражательно. Надо идти своей дорогой, делать на свой лад, по своему разумению...

Алексей Кондратьевич чувствовал себя не столько педагогом, сколько старшим товарищем, художником с большим опытом. Большой ростом, сильной и мощной фигурой, он казался ученикам добрым доктором. Никогда не сердился, говорил застенчиво, робко, словно стесняясь. Ученики угадывали, что он живет в каком-то другом мире. «В Саврасове была таинственная даль чего-то желанного, радостного, неведомого, как райское счастье...» — оставил воспоминания Константин Коровин.

В 1862 году Саврасов совершил длительное путешествие за границу и опечалился, что русское искусство на Лондонской выставке почти не было представлено, хоть Лондонская выставка звала всех прислать образцы художеств за последние сто лет. Сто лет! А у России явилась вдруг удивительная робость, невероятная трусливость перед приговором будущей публики. В России наперед уже надрожались от страха, что все у себя дома плохо и недостойно. И вот вывод: собирается вся Европа смотреть созданное в последние сто лет, узнать, оценить, взвесить — а Россия ей представила только то, что насовали личные интересы да пропустило холодное равнодушие. «Неужто в русском искусстве столь самобытном, столь разнообразном, нечего было показать европейскому зрителю? — негодовал Саврасов. — Отвергнуто все, что составляет славу и гордость отечественной живописи, отвергнуто из пренебрежительного отношения к национальным

сокровищам, из-за чиновничьей ограниченности и раболепия перед всем иностранным!»

Из этого путешествия Алексей Кондратьевич извлек для себя следующее: сила познания и сила самобытности — главное в искусстве. Таким и вернулся в Москву.

Говорил ученикам:

— Нужно изучать великие творения прошлого, но не подражать им, не копировать. Надобно все делать по-своему, на свой лад, по собственному разумению. И еще: если ты русский, родился и вырос в отчем краю, то и работы твои должны напоминать о России, должны быть пропитаны ее духом. Она заслуживает этого.

В училище Саврасов чувствовал недоброжелательность к себе. То ли зависть была к тому, что его любили ученики, а его картины покупал Третьяков, то ли непонимание. Он уже пятнадцать лет руководил пейзажным классом, но все еще оставался младшим преподавателем. А теперь вот выкинули из квартиры; и едет он, сам не зная куда, и не знает, что будет с ним и его семьей.

Беспокойство оказалось напрасным, Саврасовы устроились в Ярославле хорошо, хотя и не без хлопот. Московские неприятности остались позади, и не хотелось о них вспоминать. Только ученики будоражили душу Алексея Кондратьевича: как они там? Третьяков в письмах советовал ему вернуться в Москву, выражал искреннее желание помочь, но Саврасов не мог этого сделать: требовалось время, чтобы забыть пережитое унижение.

В феврале у Саврасовых родилась дочь. Очень слабенькая. Через несколько дней умерла. Очевидно, как ни хороши были новые условия, но пережитое в Москве отразилось на состоянии здоровья Софьи Карловны, жены Саврасова.

Горько было супругам, жизнь словно решила мстить за прежний покой. Саврасов смотрел на измученное лицо жены и не знал, чем помочь, чем ответить ее вопрошающему взгляду.

С началом весны сказал Софье Карловне:

— Поеду в деревенскую глушь, поработаю над весенними этюдами.

Она поняла: ему нужно восстановить силы. Когда он писал, он забывал о жизненных передрыгах, все внешнее отлетало куда-то, он думал лишь о картине, и окружающий мир для него временно переставал существовать.

Саврасов поехал на север Костромской губернии. Железнодорожной ветки от Ярославля до Костромы еще не было, Алексей Кондратьевич ехал в санях по почтовому тракту. Наезженная дорога темнела среди покрытых снегом полей.

Снежный покров походил на грубый домотканый холст. Уныло-однообразными казались поля, еще только пробуждающиеся от зимнего оцепенения. Но зато как легко и свободно дышалось весенним воздухом!

— Что, барин, по службе или надобности? — поинтересовался у Саврасова извозчик.

— Я художник. Буду писать картины.

— А что на них будет, на этих картинах-то?

— Да вот, будет, как снег тает, как птицы гнезда вьют, как небо становится будто синька...

— А для чего, барин? Это нам и так известно, привыкли. За весной — лето, за летом осень...

Из Костромы Саврасов поехал в село Молвитино. Большое село со старенькой церковью на окраине. Говорили, что Иван Сусанин был родом из этих мест.

Церковь Воскресения в Молвитине была построена в конце XVII века: белый храм с пятью небольшими куполами. Алексей Кондратьевич пришел, чтобы посмотреть на нее вблизи. День на краски не был щедрым, но Алексей Кондратьевич вдруг почувствовал всю великую красоту этого весеннего, серого... Мир был влажный, новорожденный... Только весной и именно в марте в средней полосе России льется с небес такой чистый лазоревый свет, на деревьях еще не набухли почки, но они уже насыщены живительным соком.

То ощущение, которым был полон Саврасов по пути в Кострому и в Молвитино, здесь, у околицы обычного неприметного русского села, приобрело особую остроту и силу. Он увидел то, что смутно надеялся увидеть: пробуждение жизни!

Раскрыл этюдник, надел очки. Работал быстро, вдохновенно. Краски, их оттенки, тона и полутона, казалось, сами ложились на холст. Возникал, обретая четкие контуры, замысел будущей картины. Да, именно этот сюжет, именно эти березы, эти грачи, с которыми издревле на Руси связано представление о приходе весны, а с нею — новых радостей и новых надежд. Только бы суметь передать неповторимость мартовского света, весеннего воздуха. Воздух — главное! Без воздуха нет пейзажа. Серебристо-жемчужный свет, дробясь и растекаясь, стоял перед глазами и получал свое воплощение в этюде для картины.

Весна ставит на крыло птицу и художника. Саврасов работал в радостном упоении. Через несколько дней поехал в Ярославль, охваченный желанием поскорее начать картину.

— Ты доволен, ты улыбаешься? — обрадовалась переменам в нем Софья Карловна.

— Доволен. Ох, как доволен!

Алексей Кондратьевич уединился в своей мастерской. На мольберте стоял совсем небольшой подрамник с натянутым на нем загрунтованным холстом. Пейзаж будет небольшим. Художник работал теперь не спеша, тщательно, дожидаясь, пока краска высохнет, и уже тогда накладывал новый слой. Он не собирался делать картину яркой и звонкой. Излишняя красота так же вредна для картины, как и недостаток ее: отдых нужен глазу и свобода для воображения.

К началу мая 1871 года Саврасов вернулся в Москву. Здесь он уже полностью закончил картину.

В один из летних дней к нему приехал Павел Михайлович Третьяков.

— Я слышал о ваших «Грачах» и не терпится взглянуть на них...

Саврасов провел гостя в соседнюю комнату — небольшую мастерскую. Третьяков остановился в нескольких шагах от картины, слегка наклонив голову.

— Первоклассная вещь... — сказал после продолжительного молчания. — Поздравляю вас! Какую бы вы цену хотели за нее? — Он знал, что Саврасову тяжелы разговоры о деньгах, и в глубине души был согласен с художником: разве можно говорить, к примеру, о стоимости серенады Шуберта или двух строчках Пушкина: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Но Третьяков был не только коллекционером, он был купцом.

Не дождавшись ответа, сам предложил 600 рублей — годовой оклад Саврасова в училище живописи. Алексей Кондратьевич согласился. Картина «Грачи прилетели» стала собственностью Третьякова.

Галерея Павла Михайловича пользовалась большим уважением среди художников. Продать картину Третьякову было мечтой каждого живописца. Московские критики прекрасно понимали значимость оценки Третьякова, и, однако же, когда Павел Михайлович показал «Грачей» на выставке Общества любителей художеств, картину приняли с насмешкой:

— Обычный весенний пейзажик...

— Мрачная картинка.

Алексей Кондратьевич прекрасно знал, что «Грачи прилетели» — лучшее его полотно; и было обидно, что люди так злобно-несправедливы. К счастью, подоспела Первая передвижная выставка в Петербурге. Там Алексей Кондратьевич получил настоящую оценку своего труда!

— Лучшая и оригинальнейшая картина!

— «Грачи» — это же молитва святая...

— Когда приближаешься к «Грачам», охватывает удивле-

ние — какое маленькое полотно! Как все скромно и просто. И в то же время понимаешь: перед тобой — чудо!

Каждый посетитель выставки находил в картине Саврасова что-то близкое себе, что-то такое особенное, на что с благодарностью откликнулась душа.

Алексей Кондратьевич был рад и взволнован. Будущее, которое у него так старательно отнимали недруги, оставалось за ним! Он победил! Победил талантом и высотой своего духа.

ОТТЕПЕЛЬ

(Федор Александрович Васильев. 1850—1873)

Стояла мокрая ранневесенняя погода. Дороги раскисли, деревья отсырели. И ветер, ветер... Промозглый, пробирающий до костей — самый нездоровый ветер.

Пятнадцатилетний Федор сидел в санях, укутавшись, втянув голову в поднятый воротник, безучастно смотрел на глубокую колею дороги, убегавшую назад. Встречные останавливались, снимали шапки...

Отец Федора велел похоронить себя в Гатчине. Сорок верст из Питера тащились сани с гробом по снежному месиву.

Федор не любил отца. Жалкая, не по годам согбенная фигура не вызывала сыновнего чувства. И не проходила обида, что он, Федор, — «незаконный», родился до брака.

За всю дорогу Федор не проронил ни слова, внутри все закаменело. И только когда гроб опустили в холодную, жутко зияющую яму, и первые комья глухо ударились о тесины, он вздрогнул и с отчаянием произнес:

— Да что же это?!.. Почему?!.

Федор словно враз переменялся, повзрослел. И всё простил отцу.

Обратный путь был еще более долгим. Шальной ветер пронизывал насквозь. Лик земли со всем ее величием и потрясающей убогостью, шемил сердце. Как горько было маленьким людям, затерянным среди печальных просторов! Какими беззащитными они чувствовали себя! Что принесет завтрашний день? Дорога, дорога перед глазами... Испокон веку идет труженик по этой сиротской дороге, сам сирота...

Федор продрог, озноб колотил все тело. Только бы не заболеть! Слабые легкие было наследственным в их семье. Слабые легкие требовали хорошего питания, а где было взять, если отец, работая на почтамте, получал 25 рублей в месяц? Скоротечная чахотка унесла его в могилу далеко не старым.

После смерти кормильца мать Федора осталась без средств. Как перебивалась семья до первых заработков Федора, одному Богу известно. «Мы живем на 8 рублей в месяц», — писала его сестра своему жениху Ивану Ивановичу Шишкину.

Шишкин помогал, чем мог: Федор должен закончить учебу! Десятилетним мальчиком Федор сам пришел в школу живописи. С истинно моцартовской легкостью решал он сложнейшие технические задачи, но главное, имел свое мнение и никому не подражал. Из Васильева выйдет настоящий художник!

В 1867 году, окончив школу, Федор взялся за заказы. Обязательства не позволяли ему быть хозяином своего труда и времени. Готовых денег не имел, напротив, имел семейство, которое надо было кормить. Когда-то он верил, что существует время плохое и хорошее, однако оно упорно не желало меняться, и Федор, выполняя один заказ за другим, отложил надежду учиться в Академии.

Жизненное положение Васильева было очень сложным. «Незаконнорожденный», он не имел права на получение паспорта. Принадлежа к мещанскому сословию, обязан был отбывать рекрутчину. Это стесняло не только его творческую деятельность, но и больно ранило.

Но талант Федора был огромен! Высокий, ошеломляющий талант! Он пробивал себе дорогу через все тернии. «Вот энергия, вот сила!..» — восхищались Васильевым даже маститые художники, а Иван Николаевич Крамской был просто влюблен в него!

Во Франции в ту пору зарождалось новое направление в живописи — импрессионизм. Запечатлевать не столько сам предмет, сколько окутывающий его свет и атмосферу, сделать объект «дрожащим», каким именно и видит его человеческий глаз. И вот это направление... угадал Васильев. Его юношеская картина «Заря в Петербурге», выполненная как случайно схваченный кусок действительности, была еще не импрессионистской, но уже предвещала импрессионизм. Васильев интуитивно шагнул на поколение вперед!

Через год он поехал с Репиным на Волгу, выхлопотав для этого помощь в Обществе поощрения художников. Илья Ефимович не мог надивиться на него: поет, ходит на охоту...

дорвался до вольной жизни. И вдруг — одна картина, другая, третья! Да такие, словно Васильев носил да вынашивал в себе каждую, словно десятки эскизов были готовы к ним. А сколько рисунков сделал за время путешествия! Сколько набросков! Картину «Вид на Волге. Барки», казалось, не написал, а спел!

Весной 1871 года Васильев работал над «Оттепелью», хоть был серьезно болен: обнаружались грозные признаки туберкулеза. Формат картины необычно вытянутый вширь, уже сам по себе рождал ощущение протяженности дороги, по которой бредут крестьянин и маленькая девочка. Близкая весна не несет радости. Серо, сыро и грустно вокруг. Так же грустно, как было, когда хоронили отца Федора. Ох, сколько на этих дорогах перестрадало сердце! Сколько дум людских знают эти дороги. И так щемило сердце от этого родного, убогого, милого... Васильев довел это ощущение до эпической силы.

1871 год стал для Васильева особенным. Открылась в Петербурге Первая передвижная выставка, и на ней — самые яркие полотна: «Грачи прилетели» Саврасова, «Оттепель» Васильева и «Сосновый бор» Шишкина.

«Оттепель» — такая горячая, сильная, дерзкая, с большим поэтическим содержанием и в то же время юная и молодая, пробудившаяся к жизни, требующая права гражданства между другими, и хотя решительно новая, но — имеющая корни где-то далеко...» — высказал свое впечатление Крамской. Он еще ничего не знал о предстоящем русскому пейзажному жанру невиданном расцвете, однако предчувствовал его, угадывая его закономерность и неизбежность.

В конце зимы «Оттепель» была показана на конкурсе Общества поощрения и получила первую премию. Картину прямо с выставки приобрел Третьяков. Тогда же Васильев не более чем за месяц по заказу великого князя Александра Александровича (в будущем царя Александра III) выполнил повторение картины, находящееся ныне в Русском музее. Повторение «Оттепели» не было простой авторской копией. Это была как бы дальнейшая разработка мотива. Васильев создал два равноценных по художественному достоинству полотна. Комитет, производивший набор картин на Всемирную выставку 1872 года в Лондоне, остановился на принадлежащем царской фамилии повторении. Оно и было отправлено в Англию.

Всемирная выставка имела на этот раз особое значение для русской живописи и скульптуры. Она буквально открыла Европе высокие достоинства русского искусства. Про-

изошло это благодаря правильному и объективному отбору экспонатов. Россия показала, что имеет свое, неповторимое лицо, создает произведения, стоящие вровень с лучшими мировыми достижениями. В лондонской прессе появились статьи, в которых авторы указывали на те замечательные черты русской живописи, коих лишены были произведения многих европейских мастеров.

Создав «Оттепель», Федор Васильев вошел в число лучших художников России. Он еще не знал тогда, какие невзгоды предстоят ему в недалеком будущем, как трагически мало осталось ему жить, и в каком подвижническом труде он проведет последний отрезок своей жизни.

Совет Академии, в которой, наконец, начал обучаться Васильев, своим постановлением признал его классным художником I степени. Это давало право получить паспорт и быть освобожденным от воинской повинности. Но по уставу Академии надо было сдать экзамен «из наук». Этого Васильев сделать не мог: тяжело больной, по рекомендации врачей он выехал в Ялту. Крамской хлопотал за него даже перед президентом Академии, но великий князь Владимир Александрович не пожелал сделать исключения. И вот — снова унижительное положение человека «без вида на жительство», погибшая мечта о командировке в Италию для лечения и усовершенствования в искусстве.

Жизнь в Ялте была дорогой. Работа и лечение требовали дополнительных расходов. Ссуды от Общества поощрения — 100 рублей в месяц не хватало. К тому же на руках Васильева были мать и маленький брат. Чтобы свести концы с концами он брал частные заказы, от которых его тошнило, они отнимали драгоценное время и подтачивали силы.

Сердце тянулось к родному северу, тосковало, тоскала требовала выхода. С особенной ностальгией Васильев вспоминал о болотах Петербурга. «О, болото, болото! Как болезненно сжимается сердце от тяжкого предчувствия! Неужели не удастся мне опять дышать этим привольем, этой живительной силой просыпающегося над дымящейся водой утра? Ведь у меня возьмут всё, всё, если возьмут это».

Шесть картин, посвященных северной русской природе написал он в Крыму. Во всех изображена болотистая местность. Писал даже не по этюдам, по памяти, писал нервно, торопливо, постоянно жалуясь, что яркое южное солнце мешает ему работать. И рвался — домой, в Петербург!

Одну из этих картин — «Мокрый луг» — Васильев прислал на конкурс Общества поощрения живописи. Картина-воспоминание. Небольшая по размеру, она вобрала в себя,

казалось, целый мир, она дышала, жила в каком-то мгновенном озарении, и все в ней было свежо, чисто и глубоко — прозрачный воздух и мокрый сверкающий луг. Вся она была пронизана тревожным трепетным светом, вся была как глубокий радостный вздох.

«Эта картина рассказала мне больше Вашего дневника. Я не мог оторвать от нее глаз, — писал Васильеву Крамской. — Дождливое, местами темное полотно все же полно света, жизни, движения. Ветерок, пробежавший по воде; деревца, еще поливаемые последними каплями дождя; русло, начинающее уже зарастать... наконец, небо! — со всею массой воды. «Живое, мокрое, движущееся небо», как выразился Ге. Невозможная, варварская задача для художника!»

В те дни только и разговоров было в Петербурге, что о картине Шишкина «Сосновый бор», да о Васильевском «Мокром луге». Конкурсная комиссия долго не знала, кому отдать предпочтение. И хотя первую премию присудили Шишкину, никто бы не удивился и не усомнился в правильности решения, если бы присудили ее Васильеву. Крамской предлагал даже на сей раз учредить две первых премии, но совет решения не отменил.

Крым, который Васильев поначалу невзлюбил, постепенно начинал притягивать его к себе. Страна пустынных горных плато, подоблачных просторов, трудных каменистых дорог — Васильев открывал *свой* Крым, никем из художников до него таким не увиденный. Суровая природа гор рождала возвышенные чувства и помыслы. Картина «В крымских горах» завершила короткое и феноменальное его творчество. Современники приняли ее как откровение, почувствовали и высоко оценили.

«Настоящая картина ни на что уже не похожа, не имеет ни малейшего, даже отдаленного сходства ни с одним художником, ни с какой школой. Это что-то до такой степени самобытное, что я могу сказать только одно: это еще не хорошо, т. е. не вполне хорошо, даже местами плохо, но это — гениально, — писал Васильеву Крамской. — Понимаете ли Вы теперь, как важно для Вас самих, какая страшная ответственность Вам предстоит только оттого, что Вы поднялись почти до невозможной, гадательной высоты. Кроме того, Ваша теперешняя картина меня раздавила окончательно. Я увидел, как надо писать. Как писать не надо — я давно знал... Замечаете ли вы, что я ни слова не говорю о Ваших красках. Это потому, что их нет в картине совсем, понимаете ли, совсем. Передо мной величественный вид природы, я вижу леса, деревья, вижу облака, вижу камни, да еще не просто, а по ним

ходит поэзия света, какая-то торжественная тишина, что-то глубоко задумчивое, таинственное, — ну, кто же из смертных может видеть какую-либо краску, какой-либо тон? При этих условиях?..»

«В крымских горах» — последняя картина Федора Александровича Васильева, которую при его жизни увидел Петербург. Сразу с выставки ее купил Третьяков.

В апреле 1873 года Васильеву стало совсем худо. Работать он больше не мог. Русская школа теряла в нем гения.

«У меня память до такой степени плоха, что я забываю имя моего покойного отца», жаловался он в письме к Третьякову. Павел Михайлович много сил приложил, чтобы облегчить участь художника. Помогали Васильеву и Крамской, и Шишкин. Но болезнь уже победила его.

«Два последние письма, которые я от него имел, такого беспорядочного тона и содержания... Такая горячка, лихорадочная разбросанность, такое страшное порывание куда-то уйти, что-то сделать и от чего-то освободиться, что теперь с ним нужно только осторожно обходить всякие вопросы и дожидаться, когда он закроет глаза», — с глубокой печалью сообщал Крамской Шишкину.

К осени Федор Васильев уже едва мог сойти с трех ступенек. Скончался он 29 сентября.

От крымских лет осталось более полутора сотен листов рисунков и несколько замечательных сепий. Но достигнуто это было ценой настоящего жизненного подвига.

Всего 23 года жизни, всего 5 лет творчества отвела судьба Федору Васильеву. И только исключительная талантливость позволила ему в короткий срок создать выдающиеся произведения, вошедшие в золотой фонд русского пейзажного искусства.

После смерти Васильева Павел Михайлович Третьяков искал его работы, где только мог. В собрании Третьякова Федор Васильев представлен любовно и полно. Но сколько открытий, сколько не созданных шедевров потеряло со смертью Васильева русское искусство! Васильев умер, далеко не совершив того, на что способны были наполнявшие его силы.

АПОЛОГИЯ РУССКИХ СОБРАНИЙ

Иногда говорят, что нужна технология создания русской общины. Но община не техническое сооружение. Ее нельзя создать. Ее можно вырастить, как выращивают растение из семени. Хотя и это сравнение хромает. Потому что в данном случае семенем является духовное семя — мысль русских людей о своей общине. Только по мере развития этой мысли в их собственных головах они будут стягиваться в нечто общее, сознающее свое единство.

Разница между техническим сооружением и духовным единством членов национальной общины в том, что в первом случае кто-то делает что-то из пассивного материала, а во втором случае самостоятельно мыслящие и свободные существа сами выстраивают себя в некое подобие семьи, повторяющее ее в более крупном масштабе. Но повторяющее ее не структурно, а в нравственном отношении. Национальная община это, в нравственном отношении, большая семья, состоящая из малых семей, родственников друг другу как духовно, так и по своей плоти.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Так будет, думается, по существу. Но как образное выражение слова о строительстве общины и технологии этого дела, на мой взгляд, допустимы. Надо только не забывать, что это образное выражение.

И еще одно предварительное замечание. Разговор о нации, национальной общине и русских собраниях невозможен без такого ключевого понятия, как «национальная идеология». Вокруг этого понятия и будет строиться настоящая статья. Ее можно было бы начать с раскрытия содержания этого понятия во всей его полноте, но это большая тема, которую едва ли можно раскрыть до конца.

Кроме того, эта тема, если бы я уделил ей много места в начале статьи, заслонила бы собою для невнимательного читателя связь этой статьи с предыдущей моей статьей о важности национальной общины для жизни нации. Понимание же связи этих двух тем (или даже, точнее, трех — семьи, национальной общины и способов ее выращивания) необходимо для правильного понимания каждой из них. Потому что лишь в общей связке каждая из этих тем может быть понята правильно.

Поэтому в начале статьи я дам лишь краткое представление о национальной идеологии, а ближе к концу статьи разверну его более полно.

Итак, вот это краткое определение: национальная идеология есть сумма идей и норм жизни, организующих членов нации в единое целое. Национальная идеология это идейный и поведенческий каркас нации. Если разрушается этот каркас — нация распадается на элементы, утрачивающие со временем остатки былых своих черт. Человек в этом случае разрушается нравственно и в умственном отношении, хотя может оставаться при этом вежливым и законопослушным человеком. И даже большим специалистом в какой-либо частной области знания.

Современные русские не способны создавать свои национальные общины. А почему? На то есть три причины.

Во-первых, национальная община невозможна без национальной идеологии, а у современных русских ее нет и создать ее, оставаясь в разрозненном состоянии, они не способны.

Во-вторых, современные русские невежественны в религиозном, национальном и семейном отношении. И, кроме того, не имеют навыков самостоятельного мышления по этой части. А это значит, что если даже какой-нибудь мудрец создаст для них самую прекрасную русскую национальную

идеологию, то они будут не способны ее понять, а использовать для своей самоорганизации — тем более. Подари медведю автомобиль — он на нем не поедет.

И, в-третьих. Современные русские обокрадены не только интеллектуально, но и по части своего воспитания. Они эмоциональны сверх меры, они не умеют держать свои чувства под контролем своего разума. Быстро сходятся и быстро разбегаются в разные сторон. Недисциплинированны, безответственны, матерщинники и т.д. Можно исписать целую страницу, перечисляя их пороки. С такими качествами они не только не способны создавать свои общины — они развалят самую лучшую общину, если она, обезумев, примет их в себя в таком их состоянии.

Мне могут сказать, что я русофоб, потому что безбожно преувеличиваю наши пороки, прекрасные же качества русского народа не вижу в упор. Мне могут сказать, что русские, по крайней мере, ничуть не хуже других народов — как в нравственном отношении, так и в интеллектуальном.

Но что это значит — не хуже? Если другие народы тоже идут ко дну, то много ли радости в том, что мы ничуть не хуже? Нам надо быть лучше других народов, а для этого не равняться на них и не шуриться близоруко на свои пороки. Их надо видеть зорко, чтобы искоренять. Иначе пороки повиснут на наших прекрасных качествах и нейтрализуют их. Или даже сделают их посмешищем, как это, впрочем, уже происходит сегодня.

Итак, русские в современном их состоянии не способны на создание своей национальной общины. Но это не значит, что они не способны на это в принципе. Они могут ее создать, если захотят ее создать и начнут учиться этому делу.

Школой же их самообучения и самовоспитания должны стать регулярные русские собрания, на которых участники их будут ликвидировать свою неграмотность по части организующих нацию идей, а в дальнейшем будут обсуждать как общие контуры своей будущей русской национальной идеологии, так и составные ее части. В ходе таких обсуждений они будут учиться думать о высоких предметах, и в результате содержание русской национальной идеологии будет выясняться для них постепенно со все большей полнотою и четкостью. Кроме того, такие собрания будут дисциплинировать русских, воспитывать в нравственном отношении и приучать поначалу к простейшим навыкам взаимопомощи, а затем и ко все более сложным.

Русские собрания по мере их совершенствования и разрастания станут превращаться в дальнейшем в маленькие и

слабенькие русские общинки, а затем во все более сильные и крупные общины. Они будут связаны друг с другом и будут помогать друг другу.

Русские собрания это своего рода эмбрионы русских общин. Но с превращением их в общины они не должны исчезать. В этом их отличие от зародышей. Они должны сохраняться как абсолютно необходимый для здоровья нации институт ее жизни. Русские собрания — это условие постоянного совершенствования русских умов и, следовательно, русских порядков, без чего нация обрекается поначалу на застой, а затем и на деградацию. Без постоянного повышения уровня своего национального сознания народ не может справляться с постоянно возникающими новыми проблемами в своей жизни и заболевает по причине их игнорирования или ложного их решения.

Отсутствие в прошлом русских собраний стало главной причиной деградации русского национального сознания и, как следствие, атомизации русского народа. А если атомизации, то и его бессилия.

Вот главная мысль этой статьи.

А теперь, сказав главное, буду пояснять его другими соображениями. При этом мне придется, ради большей понятности, повторять в чем-то сказанное ранее.

Попытки собрать современных русских вместе для выработки общерусской идеологии приводят к плачевному результату: такого раздора, похоже, не бывает нигде, кроме таких собраний.

Если же к этому идейному раздору добавить еще и амбиции некоторых руководителей русских организаций, заботящихся не столько об общем деле, сколько о своем лидерстве; если учесть обокраденность современных русских по части воспитания и, следовательно, их малую способность к парламентским выражениям; если, далее, учесть заинтересованность врагов русского народа в сохранении и усилении внутрирусских противоречий, то картина плачевного состояния русских умов на сегодняшний день будет, возможно, полной.

Руководители наших национально-патриотических организаций и нашей печати, скорее всего, знают или догадываются о том, что у них ничего не получится, если они не организуют публичную дискуссию о русской национальной идеологии. Не получится ничего, кроме конфуза. А потому и не решаются на такую дискуссию.

Но как быть тогда с той простой истиной, что без общины русский народ обречен на окончательное разрушение, а ус-

ловием возрождения русской общины как раз и является возрождение в новой силе русской национальной идеологии?

Скорее всего руководители наших национально-патриотических организаций и нашей печати эту простую истину еще не усвоили. Иначе они не отказались бы так легко от попыток преодолеть неизбежный начальный раздор по этой части и найти, пусть и с трудом, способ выработки русской национальной идеологии. Хотя бы начать это дело.

Позволительно спросить: ну, и что с того, что поначалу будет конфуз? Отрицательный результат это тоже результат. Он заставит искать причины неудачи. Если первый блин окажется комом, то второй может оказаться чем-то лучшим первого блина. А третий, возможно, даже хорошим.

Начнись дискуссия на столь важную тему — и ее участники догадаются, в конце концов, о том, что лебедь, щука и рак не способны сдвинуть воз с места. Они блокируют усилия друг друга. А русские православные, русские атеисты и русские неоязычники, не говоря уж о других идейных антагонистах, собранные вместе для выработки общей идеологии, это те же самые герои крыловской басни.

Идеи могут прорасти только в сочувственной им среде. Чтобы выработка русской идеологии началась, русские должны разделиться на собрания единомышленников или, по крайней мере, близких по мировоззренческим и социально-политическим взглядам. Потому что только в среде сомысленников их представления о русском национальном единстве получают возможность раскрываться во все большей полноте. Как раскрываются свойства растения, заключенные в его семени. А в результате будут возникать разные версии русской национальной идеологии.

Мне могут сказать: нам нужна общая русская идеология, а не десятки разных русских идеологий. Если мы последуем твоему совету, то у нас возникнут идейные и организационные зародыши разных русских народов. Зародыши, которые вырастут со временем в разные русские народы. Причем, скорее всего, не просто разные, а враждебные друг другу русские народы.

Я думаю, что такая опасность не исключена. Но то, что происходит сегодня, хуже этой предполагаемой опасности неизмеримо. Население в атомизированном его состоянии попросту нежизнеспособно. Оно уже вырождается и выродится окончательно, если не изменит свой нынешний образ мысли и образ жизни.

А выйти из этого нежизнеспособного состояния сразу в состояние жизнеспособное невозможно. Как невозможно для него и выработать сразу полноценную русскую идеологию.

Нынешнее состояние русского населения таково, что собрать его в народ, т.е. объединить идейно и организационно, нельзя ни легко, ни быстро, ни одноэтапным способом. Эта цель может быть достигнута только с большим трудом, не так скоро и не прямолинейным движением к ней, а движением сложным, двухступенчатым или даже трехступенчатым. Потому что состояние и положение русского народа будут меняться по мере его продвижения к этой цели.

Сегодня можно лишь **начать** этот выход из нежизнеспособного состояния посредством образования мельчайших групп сомысленников, осознавших необходимость не только создания зрелой русской национальной идеологии, но и развития своих собственных умов для все более правильной ориентации в этом мире. Потому что одно без другого невозможно. Ни создание зрелой русской национальной идеологии невозможно без развития русских умов, ни развитие русских умов невозможно без их участия в выработке зрелой русской национальной идеологии.

Иллюзия того, что современные русские умы достаточно развиты, поддерживается верой в превосходство былой советской системы образования над иностранными системами образования. Поэтому успевшие получить советское образование имеют высокое мнение о состоянии своих умов. Но они не догадываются о том, что советская система образования, дававшая своим воспитанникам обильные знания о природе и технике, лишала их самой главной науки, без которой все остальные знания бессильны. Она лишала и лишила их науки о смысле человеческой жизни и правильном ее устройении, без которого невозможно правильное устройство общества. Советская система образования лишила их знаний и способности мыслить о Боге, о человеке, семье и своем народе. Или, точнее, дала о них ложные представления, почему и сделала своих воспитанников беспомощными в организации личной и общественной жизни.

Нынешнее жалкое состояние русского народа — это закономерный результат советской системы образования.

Хотя справедливости ради надо сказать, что и дореволюционная российская наука, основанная на ложных европейских началах, тоже разоружала русский народ и подготовила его катастрофу 1917 года.

Вот почему сегодня так важно осознать свою нищету по части истинного образования и начать образовывать себя в указанном выше направлении.

Что даст русским людям такого рода коллективное самобразование и коллективное обсуждение важных тем?

Уже сама сосредоточенность ума на том или ином предмете позволяет видеть его более зорко, чем без такого сосредоточения. А регулярное возвращение к такой сосредоточенности на важных для национальной жизни предметах, которое будет происходить на русских собраниях, позволит постигать их все отчетливее. Тем более, что здесь личное их осмысление будет сочетаться с коллективным их осмыслением. При таком сочетании личная мысль будет работать продуктивнее на порядок. А потому и уровень коллективной мысли будет расти постоянно.

Все увеличивающаяся зоркость членов совместно мыслящего коллектива позволит им обнаруживать погрешности в своих прежних представлениях о тех или иных предметах. И, следовательно, отбраковывать эти погрешности. Т.е. уменьшать недоразумения, разделяющие ныне русских людей. И чем дальше, тем больше.

Если невежество русских людей по части созидających нацию идей развело их в разные стороны (или, во всяком случае, способствовало этому в громадной степени), то устранение этого невежества будет их сближать.

И еще большее сближение русских людей будет происходить в том случае, если они поймут, что источником разделяющих их недоразумений является не только их невежество по части фундаментальных идей, но и политические их страсти. Невежество, соединенное с политическими страстями, это почти непобедимая сила. И эта сила работала вчера и работает сегодня на разделение русских.

Страстных невежд можно водить за нос в любую сторону, уверив их в том, что ведут их в правильном направлении. Как это было у нас и в революциях начала XX века, и в революцию его конца.

Забегая несколько вперед, скажу, что объем недоразумений, разделяющих ныне русский народ, будет таять (если русские собрания станут нормой русской жизни) не только в силу отмеченных выше обстоятельств, но и в силу некоторых других, речь о которых пойдет чуть ниже.

Теперь же, в связи с темой политических страстей, несколько соображений о русских партиях.

Осуждая политические страсти, я не осуждаю ни в коей мере политический разум. Политические страсти затмевают политический разум. И от этих страстей, как и от своего невежества, невозможно освободиться одним махом. От них можно освобождаться лишь постепенно, по мере совершенствования своего разума и связанных с ним норм жизни.

Политическая страсть это стремление утвердить свою власть и навязать свое понимание вещей силой. Политические страсти порождают гонения на инакомыслящих, революции и гражданские войны, как горячие, так и холодные. Политические страсти разделяют народ на противоборствующие части и, кроме того, разделяют народы враждою друг к другу.

А политический разум — это стремление раскрыть создающие нацию идеи во всей их полноте и сделать их понятными, в идеале, каждому члену нации. Кроме того, политический разум — это стремление выстроить человечество не как скопище враждующих друг с другом народов, а как союз народов, противостоящий их разрушителям. А в идеале даже как семью народов.

Политические страсти неизбежны при разделении русских националистов на разные партии, программы которых отражают разные умонастроения их руководителей. Эти конкурирующие программы отличаются от возможных версий русской национальной идеологии тем, что имеют исключительно политический характер. В них отсутствуют такие ключевые для жизни нации темы, как тема семьи, тема национальной общины, тема воспитания юного поколения и другие важные для самоорганизации нации темы. Если же в партийных программах эти темы как-то все-таки затрагиваются, то лишь в самых общих чертах, не позволяющих понять ни причины расстройств нашей национальной жизни в этих областях, ни способы созидания в современных условиях той же семьи, той же общины, той же системы воспитания, и т.д. А это, повторю, ключевые темы, без раскрытия которых русские люди остаются и останутся слепыми и не способными ни на что, кроме протестных акций и отрицательных эмоций по отношению к своим противникам.

Но русские партии игнорируют эти фундаментальные темы не случайно. Они игнорируют их потому, что ставят своей целью не самоорганизацию русского народа, а завоевание политической власти в стране. (Хотя это вещи взаимосвязанные.) И подчиняют этой цели свою идеологию, исключая из нее, как им кажется, все лишнее, что могло бы помешать их успеху.

При такой направленности их сознания выработка национальной идеологии оказывается делом не только отвлекающим от главной партийной цели, но и, хуже того, отвлекающей на дело, как им представляется, безнадёжное, взявшись за которое, партия в нем завязнет.

Да и зачем ей какая-то другая идеология, кроме ее собственной? Партия уверена в том, что имеет основы будущей

русской национальной идеологии в виде своей собственной программы. Придем к власти, думают ее руководители, тогда и развернем свою программу в русскую национальную идеологию.

Вот почему партия ведет себя подобно коммерческому предприятию, заинтересованному в рекламе своего товара, а не в обнаружении всех его качеств.

Конечно, было бы несправедливо видеть в существующих русских партиях одни их пороки. Русские партии это центры собирания русских людей и первичной их организации. Это источники правдивой информации о происходящем в стране и мире. Это пропагандисты национально-патриотических идей. Это организаторы публичных протестов против антирусской политики правителей России.

Но видеть одни лишь достоинства русских партий, не замечая их пороков, так же опасно, как опасно для полководца, решающего вопрос о битве, не учитывать всех обстоятельств, способных повлиять на ее исход.

Стоит вдуматься в отмеченное выше обстоятельство. Национальные партии не понимают важности национальной идеологии для организации своего народа. Не понимают, в частности, ключевой роли семьи и национальной общины в его жизни. Не делают ничего для национального самообразования русских, хотя их уровень по этой части предельно низок. А невежды в национальном вопросе обречены на постоянные поражения. Неужели это простое обстоятельство непостижимо для умов руководителей русских политических и общественных организаций? для руководителей русской печати?

С такими национальными партиями народ обречен на окончательную разруху. Их достоинствами, о которых сказано выше, лишь маскируется фактическое топтание «русского национального движения» на одном месте. Это топтание продолжается с начала «перестройки» и будет продолжаться, возможно, до полного исчезновения русского населения.

Если бы враги русского народа задумали в свое время повлиять скрытными методами на характер возникавших тогда русских партий, то, скорее всего, они задумали бы их примерно в том виде, в каком они существуют сегодня.

Но, спрашивается, зачем нам враги? Мы и без их помощи себя похороним. Организуем себя так, что им будет нечего делать в нашем «движении».

Порок современных русских партий в непонимании ими важности самоорганизации русского населения снизу. Не политической его самоорганизации, а чисто национальной — личной, семейной и общинной. Лишь опираясь на постоян-

но растущую силу разумно организованных русских, русские политические партии могут иметь шанс на успех. А для того, чтобы опираться на такую силу, надо помогать ее возникновению и умножению.

В атомизированном псевдообществе победа национальных партий исключена. Здесь они могут только мечтать о росте национальных чувств у населения. Но национальные чувства сами по себе мало что значат. Без руководства национальным разумом они беспомощны. Они возбуждаются на какое-то время, а затем, не имея организующих начал, затухают.

Лишь в ходе перестройки атомизированного псевдообщества в общество истинное, т.е. национально организованное, национальные чувства становятся могучей созидательной силой. Но такой спасительной перестройки современные русские партии не предусматривают.

Надежда на чисто политическое спасение русского народа посредством то ли завоевания власти в стране русскими партиями, то ли изменения политики существующих властей в сторону их союза с русскими партиями, иллюзорна. Без резкого подъема в исторически кратчайший срок русской способности на самоорганизацию все положительные политические реформы и революции, если даже они произойдут, окажутся беспочвенными и потому закончатся очередным крахом.

Возможность же резкого подъема способности русских на свою национальную самоорганизацию у нас есть. Либеральные идеалы у нас практически изжиты. За них цепляются лишь откровенные враги народов и самые неразвитые в умственном отношении. Тоталитаризм мало кого привлекает. А правильное созидание самих себя, своей семьи и своей национальной общины с перспективой правильного созидания всей нации в целом (и, как следствие, правильного построения государства) — это, как говорится, наболело. Это заложено в самой природе человека.

Здесь надо учесть еще то обстоятельство, что в отличие от прежних времен (когда не было столь развитых средств сообщения, а потому и изменения в образе мысли и образе жизни происходили медленно) в наше время такие изменения могут стать быстрыми. Если они будут отвечать чаяниям большинства народа и если правильные ориентиры и правильные нормы жизни будут высвечены поначалу, как говорится, в первом приближении, а затем все более четко и полно.

Значит ли это, что русские партии, если они поймут справедливость сказанного выше, должны будут отказаться от

своих программ? Отказываться от своих убеждений, пока их ложность не осознана, нехорошо. А вот начать разворачивать свои программы в свои версии русской национальной идеологии полезно сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, партия показывала бы тем самым, что она не собирается продавать русскому населению kota в мешке. Как это делали в свое время либералы и большевики. Отвечая на самые важные вопросы, связанные с созданием нации, партия раскрывала бы тем самым свое подлинное лицо. А это было бы полезно для русских людей — знать, с кем имеешь дело. Кроме того, это позволило бы русским людям иметь в виде разных версий национальной идеологии ценный материал для его обдумывания и, следовательно, для развития собственного мышления.

Во-вторых. Можно предположить, что далеко не все русские партии окажутся способными на создание своих версий национальной идеологии. И эта их неспособность тоже избавит русских людей от вредных иллюзий.

В-третьих. Развертывая свою программу в свою версию национальной идеологии, партия будет обнаруживать для себя самой не только достоинства своей программы, но и возможные ее пороки. Пока партийная идеология находится в свернутом виде, увидеть их намного труднее, чем когда она в развернутом виде. А если пороки будут обнаружены, то будут и отбракованы. А потому и объем недоразумений, разделяющих ныне русских людей, будет сокращен. И будет сокращаться все больше по мере совершенствования разных версий национальной идеологии. А сближение этих версий будет одновременно сближением русских людей в идейном и нравственном отношении.

В-четвертых. Выработывая свои версии русской национальной идеологии, русские партии будут выработать тем самым идейную основу для формирования своих типов русских общин. А насколько та или иная идейная основа окажется притягательной для людей и способной объединять их в общины — покажет сама жизнь. Сама практика жизни выявит, какие общины окажутся более жизнеспособными, какие менее и почему. И эта проверка самой жизнью будет тоже учить русских людей и, следовательно, сближать их, чем дальше, тем больше.

В ходе очищения от разного рода ошибок русские люди, может быть, и не достигнут полного идейного единства. Но они могут достичь политического единства или, по крайней мере, приблизиться к нему. Т.е. приблизиться к общему пониманию общерусских интересов и умению защищать их сообща.

Став более зоркими по сравнению с нынешними русскими, они, надо полагать, научатся заключать свои идейные несогласия в разумные рамки, в которых эти несогласия утратят свою разрушительную для нации силу. Они научатся не только мирным отношениям между собою при сохранении самых существенных идейных разногласий, но и взаимопомощи в простых человеческих отношениях.

В этом случае идейный спор между ними станет чисто идейным и поднимется, в силу этого обстоятельства, на высоту. Поднимется потому, что не будет отягощен ни личной, ни партийной враждою. Ни, тем более, мусором недоразумений, неизбежных при нынешнем неразвитом состоянии русских умов.

В самом начале этой статьи сказано, что национальная идеология — это сумма идей и норм жизни, организующих членов нации в единое целое. Национальная идеология — это идейный и поведенческий каркас нации. Когда разрушается этот каркас, то нация распадается на ее элементы, утрачивающие со временем остатки былых своих черт. Человек деградирует в нравственном и умственном отношении, хотя может быть высокоинтеллектуальным специалистом в какой-либо узкой области. Из этого правила могут быть редкие исключения, но погоду в обществе делают правила, а не исключения из правил.

К сказанному можно добавить, что нация есть такое целое, представители которого сочувствуют и помогают друг другу. Эти взаимосочувствие и взаимопомощь были бы невозможны без взаимопонимания членов нации.

Если люди не понимают друг друга, то они как-то невольно поворачиваются друг к другу спиною и расходятся в разные стороны. А взаимопонимание, наоборот, стягивает их тоже как-то невольно. Вот какое большое значение оно имеет.

А взаимопонимание зависит, как уже сказано, от того, сохраняет ли народ свою национальную идеологию и прилагает ли он усилия для усвоения ее истин всеми его представителями.

Итак, национальная идеология дает краткие или развернутые ответы на самые важные вопросы, возникающие у членов нации. О происхождении бытия и его смысле, о природе и обществе, об их прошлом, настоящем и будущем. О том, как строили в прошлом семью, национальную общину и нацию и как их надо строить сегодня. Какими должны быть правильное государство и правильный социальный строй. Какими должны быть правильная экономика, правильная педагогика и правильное искусство. И на другие важные вопросы.

Ядром этой системы знаний является национальная религия. «Национальная» не в том смысле, что каждый народ изводит ее из себя, а в том, что он сознательно выбирает ее среди других религий и делает ее своей религией. **Ибо подлинная религия исходит не от народа, а от Бога.** И потому имеет, в первую очередь, общечеловеческий характер. Т.е. универсальный. И лишь во вторую очередь приобретает характер национальный — как по факту признания ее своей религией тем или иным народом, так и по характеру ее усвоения им.

Но, разумеется, национальная идеология не сводится к этому ядру. Она охватывает такие области, каких нет в религиозном вероучении. Например, в нем нет истории данного народа и осмысления проблем, связанных с этой историей. В религиозном вероучении нет осмысления качеств данного народа (т.е. отличий его от других народов) и проблем, связанных с их изменениями в истории. В нем нет ответов на многие вопросы, возникающие в жизни нации.

В религиозном вероучении есть принципиальные установки, направленные на самоорганизацию абстрактного человека, но нет установок насчет самоорганизации конкретного человека как члена конкретного общества. И нет установок насчет самоорганизации того или иного конкретного общества. А как можно организовывать себя и общество, игнорируя конкретные условия их жизни? Только ущербно.

Национальная идеология как раз и дает максимально разумные с точки зрения нации способы организации человека и всего народа в конкретных условиях их жизни. Национальная идеология ориентирована одновременно и на высшие истины, и на конкретные обстоятельства в жизни народа. Она приспособливает вечные истины о человеке и обществе к конкретным условиям их жизни. В том числе и к национальному уровню их сознания.

При такой адаптации неизбежны потери в понимании высших истин сравнительно с тем, как понимает их Церковь. Но эти потери оправданы, т.к. без них высокие истины остались бы достоянием одних богословов. А надо, чтобы они проникали в сознание народа поначалу в упрощенном виде, а затем, по мере его развития, совершенствовались в самой национальной жизни.

Сочетание двух типов мышления, чисто церковного и национального, необходимо как для Церкви, так и для всякого христианского народа. Церковь, не поддерживаемая христианским народом, бессильна. А народ, лишенный связи с Богом через свою Церковь, обречен на низкоумие. И, как следствие, на порабощение сынами дьявола, действующими на Земле.

Национальная идеология может быть устной или письменной, неразвитой или развитой. Она может помещаться на десяти-двадцати страничках или быть развернутой во многих томах. Она может иметь разные достоинства и пороки. Но в любом случае она, так или иначе, организует этнос.

Если народ только хранит свою национальную идеологию, но не совершенствует ее, то она, с изменением условий жизни, перестает организовывать его в тех областях, в которых изменения произошли. В этом случае происходит ее дискредитация в глазах все большего числа ее приверженцев с последующим их отходом от нее. Такая национальная идеология умирает, хотя может содержать в себе вечные истины. Так умирает человек здоровый во многих отношениях, но больной в каком-то одном жизненно важном отношении, если его болезнь, излечимая в принципе, не лечится.

Но национальная идеология может умирать и оттого, что народ перерастает в умственном отношении свою религию, эту основу национальной идеологии. Как это было, например, в Древнем Риме и в Киевской Руси. В этом случае неизбежен выбор новой религии, способной организовать народ заново на более высоком уровне.

Что же касается создания зрелой русской национальной идеологии на основе православной религии, то, на мой взгляд, оно невозможно без уяснения причин ее деградации до современного ее состояния. Почему некогда победный христианский мир раскололся в 1054 году на две части, а затем стал превращаться в мир нехристианский и даже все явственнее антихристианский?

Если болезнь не осознана, если диагноз не поставлен правильно и если способ лечения не найден верный, то невозможно и исцеление. На этот вопрос нужен не просто ответ, но ответ добросовестный и проницательный. Не выработает такого правдивого ответа новая русская идеология — станет уродливой при всех ее достоинствах, если они в ней будут.

Кроме того, нужен ответ на другой важный вопрос: какой должна быть новая христианская цивилизация после прошедших в мире социально-политических революций и связанных с ними революций научно-технических? Каким образом возродить истинные ценности бывших цивилизаций и сочетать их с истинными ценностями современности? Каким образом новая христианская цивилизация может стать заново почвенной, не деградируя при этом в научно-техническом отношении?

На эти два вопроса нет в настоящее время вразумительных ответов. Но это не значит, что их и не может быть. Эти

ответы могут быть выработаны и будут выработаны, если русские люди поймут, что их будущее зависит от них самих. Не от ученых дядей и тетей, получающих зарплату в своих институтах и потому зависящих от своего начальства (которое зависит, в свою очередь, от хозяев мира сего), а от того, начнут ли они сами стягиваться в первичные русские собрания для самостоятельного обсуждения важных для жизни нации вопросов.

Если начнут стягиваться, то будет надежда на лучшее будущее и русского народа, и всего человечества. А не начнут — не спасут нас никакие вожди и никакие политические перемены. Невежды — это слепцы, обреченные на бессилие и поражение.

Создание зрелой русской национальной идеологии — это не какая-то непосильная для современных русских людей задача, а задача вполне посильная, если они поймут ее важность и примутся за ее решение. Создание зрелой русской национальной идеологии — это всего лишь выработка разумных ответов на разумные вопросы, возникающие у членов нации в ходе ее самоорганизации.

Такие ответы будут поначалу, скорее всего, примитивными. Но если они возникнут, то будут в дальнейшем совершенствоваться и приобретать авторитет у все большей части русского населения, которое будет превращаться, по мере усвоения им правильных идей, в русский народ.

А каким должен быть механизм выработки национальной идеологии?

Поскольку национальная идеология — это сложная вещь, включающая в себя ответы на разные вопросы, связанные с жизнью нации (начиная от религиозных вопросов и кончая детскими играми), то прежде всего следует, на мой взгляд, расположить эти вопросы не хаотически, а в порядке, по их смыслу и значимости. Расположить их в виде системы, состоящей, например, из 10—12 больших тем, каждая из которых заключала бы в себе более мелкие темы. Затем надо отвечать по очереди на тот или иной вопрос. С тем, чтобы в конечном итоге ответить на все вопросы. Т.е. раскрыть все темы.

Ответ на каждый вопрос должен делаться в виде доклада с последующим его обсуждением участниками собрания. Каждый из них сам определяет тему своего доклада. Если кто-то не делал раньше докладов и не знает, как их делать, то постепенно научится. Как учатся плавать, как учатся всякому ремеслу.

Но вот выслушали доклад, обсудили его и разошлись, а через месяц-другой забыли, о чем говорили. Или начали за-

бывать. Толку от таких собраний, на которых не фиксируются ни доклад, ни его оценки, почти никакого. Фиксация нужна для того, чтобы можно было со временем возвращаться к обсуждению темы на более высоком уровне. Без чего совершенствование нашей мысли невозможно.

Будет закреплённый в электронном виде текст доклада и его обсуждения — будет возможность для каждого участника собрания перечитать его в любое время заново и без всякой спешки подумать. После чего, может быть, кому-то придет в голову такая мысль, которой не было раньше ни у кого из участников собрания. И он ее запишет и предложит в дальнейшем для обсуждения.

Кроме того, в ходе чтения самой разной литературы или в самых разных разговорах участники собрания будут встречать время от времени ценные мысли на ту самую тему, которую обсуждали в собрании. Не будет фиксированного текста обсуждения этой темы — такие мысли мелькнут в сознании и исчезнут в хаосе нашей памяти. А если будет фиксированный текст, то мы отнесемся к этим мыслям уже по-хозяйски. Мы не позволим себе их забыть. Мы их запишем и включим в соответствующий раздел системы русских знаний. И таким образом правильные мысли, существующие сегодня в дробном виде и перемешанные с ложными мыслями и всяким идейным мусором, будут соединяться в правильную систему знаний по каждой отдельной теме, а все темы будут выстраиваться по смыслу вокруг главной темы — смысла человеческой жизни и смысла жизни нации.

Национальная идеология — это альтернатива идейному хаосу, разрушающему сегодня человека и общество.

А теперь о том, как русские собрания должны выглядеть внешне. Они должны быть небольшими по своему составу, человек 5—7, чуть меньше или чуть больше. Но участники собрания сами определяют его размеры. Им виднее. С увеличением числа участников собрание разделится на два собрания, которые будут сотрудничать в общем деле.

В больших собраниях умалется или даже исчезает возможность каждого свободно и полно высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу. А без этого умственные силы человека не раскрываются полностью. Не раскрываются, а надо, чтобы мысль каждого русского человека заработала в полную силу. Без этого не возродится русский народ.

Кроме того, надо, чтобы каждый участник собраний учился не только мыслить про себя о важных предметах, но и вы-

ражать свои мысли грамотно, кратко и, по возможности, выразительно. А где он может учиться этому сегодня? Как правило, нигде. Между тем, способность говорить понятно и по существу дела, как и способность внимательно слушать говорящего, не перебивая его ни вопросами, ни преждевременными возражениями, — это условие культуры отношений, без которой возрождение русского народа опять-таки невозможно.

Невразумительные и беспорядочные речи, переходящие благодаря этому обстоятельству в словесные стычки, не могут сближать русских людей. Они консервируют современное русское разномыслие.

Необходимым условием разумного характера обсуждений разных тем является Устав конкретного русского собрания, выработанный его участниками и принятый большинством собрания. В Уставе должны быть определены цели собраний, порядок их проведения и качества тех, кто может быть принят в состав собрания. Необходимость в Уставе тем больше, чем больше участников собрания и чем значительнее идейные расхождения между ними. По мере совершенствования собрания будет совершенствоваться и его Устав. Это важная тема, раскрывать которую будет само собрание все правильнее и полнее.

Малые собрания русских людей — это необходимое условие разумного характера более крупных русских собраний. Без предварительной прокачки на малых собраниях идей, выдвигаемых на больших форумах, эти идеи оказываются идеями лишь организаторов таких форумов. Такие форумы оказываются дутыми. Действительного обсуждения «обсуждаемых» на них идей не происходит. Как не происходит и предварительного их обсуждения в национально-патриотической прессе. А оно должно быть, чтобы делегаты съезда были в курсе сложностей, связанных с теми или иными идеями.

Организаторы новейших национально-патриотических «Соборов» определяют заранее их сценарии, вплоть до принимаемых заключительных резолюций (которые принимаются с правом последующего их редактирования организаторами). Участники таких «Соборов» приглашаются фактически для заполнения зала и голосования за предложенные резолюции. Они расходятся после «Соборов» довольные, как после хорошего спектакля. Им будет, о чем рассказать своим домашним и своим знакомым.

Все эти «Соборы» напоминают партийные и государственные съезды в советское время. Иная тематика, не столь стро-

гий подбор делегатов, но сам принцип проведения советских съездов сохраняется. Никаких мнений снизу. Все должно идти сверху.

А как же иначе? Иначе получится балаган. Начнут задавать ненужные вопросы, отвечать на которые организаторы не готовы. А если даже готовы, то поймут ли их ответы собравшиеся? Им дай только волю. Они затопят своими вопросами и возражениями любого назначенного оратора.

Но есть и другое важное обстоятельство. Наши организаторы — это не только политики, но и политики тоже, потому что организация «Соборов» — это политика. А политично ли обсуждать на них раньше времени некоторые острые вопросы? Истинные политики знают, что все хорошо в свое время. И опоздать нельзя, если созреет ситуация, и выскочить раньше времени нельзя тоже. Кто начинает атаку раньше времени, тот ее срывает. Или может сорвать.

Вот почему нашим организаторам виднее. Они ближе к политическому небесам и лучше нас знают, что на них совершается. А мы не знаем даже того, что из себя представляют они сами и можно ли им доверять. Вот тут и думай.

Однако в любом случае, какие бы оправдания ни имела существующая практика, здравый смысл подсказывает, что национально-патриотические съезды порочны и тогда, когда они организуются по типу советского съезда, и тогда, когда они мало чем отличаются от балагана. Это две ложные крайности, оправдывающие друг друга.

Истинный Собор невозможен без действительного обсуждения на нем важных идей. Но для их действительного обсуждения нужны мнения, оглашаемые не только сверху, но и снизу. И, что самое главное, нужна общая идейная основа, отсутствие которой превращает Собор в карикатуру на себя самого. А такой общей идейной основой может быть лишь национальная идеология, выработкой которой как раз и пренебрегают организаторы национально-патриотических съездов.

Но вернемся к русским собраниям. Их преимущество перед большими собраниями еще и в том, что для их организации не надо денег. Можно собираться у кого-нибудь из участников собрания дома. Или по очереди в разных домах. Не тратить деньги на угощение. В крайнем случае, чай с сухарями.

И, что особенно важно, не надо просить ни у кого разрешения на такие собрания. Сегодня российская власть заблокировала едва ли не все возможности для собраний русских людей с целью их самоорганизации. А домашние со-

бранья как запретишь? Под каким либеральным предлогом? Это практически невозможно. А если даже возможно, то создаст такие проблемы для самой власти, что еще не известно, что для нее будет лучше.

Кроме того, русские собрания по домам — это способ национального воспитания членов русской семьи и, в первую очередь, подрастающего поколения.

Сегодня положение с воспитанием подростков и юношества у нас хуже некуда. Лучшие из родителей и педагогов протестуют против нравственного и умственного растрепания детей, происходящего в нашем т.н. «обществе». Но их протесты игнорируются властями. Тем дело и кончается. Ни родители, ни учителя не вырабатывают альтернативную систему воспитания. Они привыкли к тому, что воспитанием молодежи должны заниматься учебные заведения, СМИ и государственные организации, а также подконтрольные государству общественные организации, которые не только перестали заниматься этим делом (хотя и раньше, в советское время, оно было поставлено плохо), но стали нередко сознательными пропагандистами умственного и нравственного растрепания населения в целом, а детей и молодежи в особенности.

Лучшие из родителей и учителей не догадываются о том, что правильное воспитание детей и юношества невозможно без возрождения самой основы правильного воспитания — правильной русской семьи. А также без воссоздания русской национальной общины (о чем я писал более подробно в статье «Апология национальной общины»).

Если русские собрания начнут проводиться по русским домам, то это обстоятельство не останется незамеченным юными наблюдателями. Последуют вопросы к родителям о том, что это за «русские собрания» и зачем они нужны. Ответы на эти вопросы породят новые вопросы и новые мысли. И таким образом национальная тема, включающая в себя религиозную, семейную, общинную и другие темы, будет ненавязчиво раскрываться перед думающими молодыми людьми. И чем дальше, тем больше.

Если даже кому-то из них она окажется неинтересной, то сам факт русских собраний останется у него в памяти зарубкою на всю жизнь. При этом не исключено, что эта память по прошествии многих лет подвигнет его однажды задуматься о национальной проблеме и осознать важность нации для правильной организации жизни. И с опозданием, но все-таки включиться в работу русских собраний.

Если они будут грамотно организованы и станут в русских семьях постоянными, то для детей и юношества воз-

никнет и будет вырисовываться со все большей ясностью и полнотою правильный образ мысли. И соответствующий ему правильный образ жизни. Альтернативный по отношению к тому, который распространяется сегодня СМИ, школой и улицей.

Да и сама духовная атмосфера семьи с возникновением русских собраний будет изменяться в лучшую сторону. Из безыдейной или ложно-идейной будет превращаться в разумную и нравственную. Под влиянием правильных идей начнет меняться структура семьи. Приобретать правильный строй, а вместе с ним и лад в отношениях между супругами и в отношениях между родителями и детьми. Будет изменяться медленно, но все-таки будет.

Кроме того, русская семья будет приобретать и укреплять связи с духовно родственными ей семьями других участников русских собраний. Начнутся совместные выезды нескольких семей на природу, совместные походы в музеи и театры. Дети и юноши получат возможность знакомиться с подобными себе по духу сверстниками. Находить достойных товарищей и достойных невест. А где их найти теперь в окружающем нас Нью-Вавилоне? Это почти так же трудно, как найти золотое кольцо на помойке.

По мере разрастания куста духовно родственных семей будут происходить наряду с более мелкими мероприятиями все более крупные. Ежегодные конференции нескольких русских собраний с арендой на время их проведения дешевых (например, подвальных) помещений. Ежегодные общие праздники таких семей на природе с кострами, художественной самодеятельностью и забытыми ныне русскими играми. Или даже не ежегодные, а летние и зимние. И, может быть, какие-нибудь иные мероприятия.

Постепенно будут складываться правила проведения таких мероприятий. Будет возникать подобие будущей общины, а затем и сама община, еще слабенькая, но способная расти и укрепляться.

А теперь вернусь к зарождению русского собрания. Это самое трудное дело. Почти непосильное для одного человека. Особенно в тех случаях, когда круг его знакомых узок (я имею в виду круг равнодушных к высоким идеям и заботам об обществе). Как найти сомысленников или даже одного сомысленника для создания ядра русского собрания? Это почти так же трудно, как найти кошелек с деньгами на улице.

Здесь мало найти готовых войти в состав русского собрания. Здесь нужны такие готовые, которые были бы едины

(или, по крайней мере, близки) в понимании идейных основ нации. А где их теперь найти?

Сегодня даже православные русские националисты едва ли не все разрознены. Не в одном важном вопросе, так в другом. Здесь и противники капитализма, и его сторонники. Здесь и монархисты, и республиканцы. Здесь и сторонники новых политических проектов. Здесь одни видят норму (и чуть ли не идеал) в далеком христианском прошлом. Другие — в Киевской или Московской Руси. Третьи — в Романовской Империи. Четвертые — только в будущем. Здесь и грамотные по части православного вероучения. Здесь и крутые невежды, судящие о Православии уверенно и безапелляционно. Да и среди других разновидностей русских националистов положение, похоже, не лучше.

Получается так, что откуда мы ушли, туда же мы и пришли. Во всяком случае, разногласия среди современных русских намного глубже, чем это могло показаться нам поначалу. Эти разногласия проникли даже в само понимание единоверцами тех или иных сторон своей религии. Не говоря уж о разном понимании ими природы и проблем общества.

И все-таки наше рассуждение о русских собраниях, делается, было не напрасным. Мы пришли к несколько лучшему пониманию ситуации. Мы осознали, что основой национальной идеологии является национальная религия (или ее суррогат в виде формально нерелигиозного мировоззрения). А потому только на этой основе и следует собираться. Мы осознали, что антагонистические противоречия в социальных и политических представлениях об обществе есть препятствие для выработки национальной идеологии. А потому состав участников всякого конкретного русского собрания должен подбираться не просто из единоверцев, но из таких единоверцев, чьи представления об основах правильного общества более или менее совпадают.

Мы осознали, далее, что возможности такого подбора пока у нас нет. Или почти нет. Современное состояние русских умов и современное состояние русских партий, русских общественных организаций и русской печати, как правило, исключают это.

А потому одиночкам, готовым стать организаторами русских собраний, приходится либо вообще опустить руки, либо подбирать состав участников своего русского собрания с некоторым отступлением от начертанного выше правила. Потому что лучше иметь неполноценное русское собрание, чем не иметь вообще никакого русского собрания.

А почему лучше? Во-первых, русское собрание, даже в его неполноценном виде, это место собирания разрозненных ныне русских людей и хотя бы первоначальной их самоорганизации.

И, во-вторых, умственная работа в таких собраниях, хотя и со скрипом, будет все-таки возможна, если степень согласия их участников по части фундаментальных идей будет превосходить степень их противоречий по этой части. В каких-то случаях умственная работа будет происходить даже тогда, когда непонимания в основах будет больше, чем понимания. Здесь многое зависит от конкретных людей и характера их взаимоотношений. Иногда идейный противник полезнее для развития ума, чем твой сторонник.

Споры между антагонистами далеко не всегда бесплодны. Их качество зависит от разных обстоятельств. Правильно организованный спор — это, по меньшей мере, хорошая гимнастика для ума, которая тоже необходима русским людям.

Более того. В правильно организованных спорах оттачиваются аргументы обеих сторон. Очищаются от идейного мусора, мешающего понять главное. Поэтому в таких спорах могут быть и достойные победители, и достойные побежденные.

В каких-то случаях раскрытие ответов на обсуждаемые вопросы будет заблокировано полностью непримиримыми противоречиями в их понимании; но зато в других случаях ответы будут раскрываться со все большей полнотой. И это будет ценно не только само по себе, но и в том еще отношении, что такое раскрытие может влиять на понимание других вопросов.

Подобно тому, как при разворачивании партийных программ в партийные версии национальной идеологии неизбежны выявление и отбраковка каких-то ложных идей, на неполноценных русских собраниях тоже могут выявляться и отбраковываться некоторые ложные идеи. При, повторю еще раз, правильной организации собраний. В этом случае неполноценные собрания будут превращаться постепенно в полноценные собрания.

А что это значит: «при правильной организации собраний»? Выше говорилось о необходимости Устава русского собрания. Его отсутствие или его бездействие — это уже начало балагана. А где балаган, там накопление отрицательных эмоций, затмевающих разум. А при затмении ума, даже частично, человек слышит не столько своего собеседника, сколько себя самого. И в этом случае спор оказывается действительно бесплодным.

Вот почему так важно не только скрупулезное следование Уставу, но и взаимное уважение участников собрания. Как минимум, их взаимная вежливость, без которой возникают трения, переходящие в отрицательный эмоциональный разогрев и, далее, взаимную нетерпимость. Нужны особая деликатность при выражении своего несогласия с оппонентом, обязательность в своих обещаниях и договоренностях с участниками собраний, способность жертвовать своим самолюбием ради общего дела.

Итак, толк от неполноценных собраний все равно будет, поэтому отказываться от них нельзя. После неизбежных, скорее всего, начальных ошибок на этих собраниях может и должен устанавливаться разумный порядок самообучения важным для созидания нации вещам.

Если говорить о православно-русских собраниях, то на них должно происходить освоение их участниками начал вероучения своей Церкви. На них необходима выработка отсутствующей сегодня науки о том, как готовить своих детей к будущей их семейной жизни. За кого им можно выходить замуж, а за кого нельзя. На ком можно жениться, а на ком нельзя. И почему. И как вести себя в семье. И почему так, а не иначе. Абсолютная безграмотность наших детей и внуков по этой части делает их жертвами безбожного мира.

Все большое начинается с малого. Но если этому малому не будут помогать русская печать и русские общественно-политические организации, то едва ли оно вырастет в большое. Нужна пропаганда русских собраний на уровне, превышающем возможности самих членов этих собраний. Нужны общественно значимые дискуссии на эту тему. Нужны высказывания на эту тему известных русских мыслителей и публицистов. Пусть объяснят, хорошее это дело или плохое. И почему. Нужны адреса, по которым сторонники русских собраний могли бы связываться друг с другом. Лишь сочетание двух видов русской самоорганизации — снизу и сверху — будет полноценным способом достижения поставленной цели.

Если будут одни лишь собрания по домам, то они не будут получать подпитки от публичных дискуссий на означенную тему. А она очень важна. Если же будут только публичные дискуссии, то они, в свою очередь, не будут получать подпитки от непосредственных участников русских собраний с их конкретными проблемами. И, оказавшись беспочвенными, выдохнутся и засохнут.

Если русские собрания по домам не получают поддержки со стороны русской общественности, то процесс самооргани-

защиты русского народа будет ничтожным по сравнению с масштабами разрушительных процессов, происходящих сегодня среди разрозненных русских.

К сказанному добавлю, что организация русских собраний по домам это не такое уж неподъемное дело для разумных людей. Собираться раз в месяц на три-четыре часа для умного разговора об организующих человека и нацию идеях — разве это так непосильно для них?

Такие собрания не мешают ни семейной жизни человека, ни его профессиональной жизни. Ни даже его политической жизни, если он политик. Наоборот, они будут им помогать, потому что позволят осмысливать их в контексте общенациональной жизни и всего бытия в целом. А это важно, т.к. утрата общего смысла жизни, происходящая при односторонней специализации человека на какой-то ее частности, уродует его представление о жизни в целом и уродует тем самым его самого.

Для совершенствования русской мысли о русских собраниях нет лучше места, как на самих этих собраниях и в публичных дискуссиях в связи с ними.

КРОВАВОЕ БЕЗВРЕМЬЕ

Роман Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» — о последней любви и гибели выдающегося сына Отчизны адмирала Александра Васильевича Колчака.

Адмирал Полярный, как звали Колчака в светских кругах Балтийского флота, — бывший портартуровец, отведавший японского плена, талантливый флотоводец, видный исследователь, именем которого назван остров в северных водах, почетный член Международного Географического общества... Разумеется, ни в какие советские энциклопедии эти сведения не вошли. Зато в избытке другие, в духе железных классовых оценок недавнего прошлого: «один из организаторов контрреволюции в гражданскую войну»; «установил белогвардейский режим при поддержке Антанты»; «опирался на местную буржуазию, кулачество и казачью верхушку», — за что и был расстрелян...

По-человечески (вне идеологизации) трагедия Колчака составляет одну из жутких и горьких страниц русской революции. Бывший командующий Черноморским флотом, всем известный герой мировой войны, Колчак принял в 1918 году предложение союз-

КРУГ ЧТЕНИЯ

ников организовать регулярную армию из бывших австрийских военнопленных чехословацкого происхождения. Союзное командование рассчитывало, что адмиралу Колчаку удастся восстановить противогерманский фронт на востоке России. После заключения перемирия союзники потеряли всякий интерес к этому предприятию, а между тем Колчак стоял во главе значительной армии, которая успешно противостояла большевикам. Около 8000 чехословаков наотрез отказались воевать — они требовали возвращения на родину. И большевики выражали свое согласие на пропуск их до Владивостока и погрузку на пароходы, но... при условии выдачи адмирала Колчака.

Все эти переговоры французского генерала Жанена с большевиками велись, понятно, в полнейшей тайне от Колчака. Жанен несколько раз давал адмиралу «слово солдата», что его жизнь — Верховного правителя России — находится под охраной союзников. В результате генерал Жанен с миссией союзников и чехословаки продолжили свой путь на восток, а адмирал Колчак был заключен в тюрьму в Иркутске и три недели спустя — 7 февраля 1920 года — расстрелян.

Такова краткая историческая справка. Но «Заглянуть в бездну» — не столько документально-историческая хроника, сколько яркое художественное полотно, раскрывающее судьбу русской интеллигенции в трагических испытаниях национального безвременья. Адмирал Колчак олицетворяет собой ту ее часть, которая, никогда не имея отношения к политике, даже питая отвращение к ней, роковым образом оказалась в эпицентре политических страстей и сгорела в нещадном пламени гражданской войны...

...Последние, закатные дни жизни Адмирала были освещены высокой любовью к Анне Васильевне Тимиревой, которая отвечала ему трепетным и трогательным пониманием. Верная своему избраннику до гробовой доски, Анна Тимирева вспоминала: «Он стоял, печальный и бледный среди всеобщей разрухи, и не было вокруг ни одной души, способной понять его или ему помочь. Он был, как новый Адам после светопреставления, сорокалетний Адам в поношенном адмиральском сюртуке с пятнышком Георгиевского крестика ниже левого плеча. У него никогда ничего не было, кроме чемодана со сменой белья и с парадным мундиром, а ведь ему приходилось до этого командовать лучшими флотами России. Теперь им пугают детей, изображают исчадием ада, кровожадным чудовищем с мертвыми глазами людоеда, а он всю жизнь мечтал о путешествиях и о тайном уединении в тиши кабинета над картами открытых земель. На своем долгом веку

я не встречала человека более простого и уживчивого. Он был рожден для любви и науки, но судьба взвалила ему на плечи тяжесть диктаторской власти и ответственность за будущее опустошенной родины».

Произведение В. Максимова трудно отнести к собственно историческому жанру. Скорбный пафос романа, философские искания автора направлены не столько в прошлое, сколько в настоящее и будущее России.

Не составляет труда спроецировать на современность мышления Колчака (это, возможно, идеи самого писателя, вложенные в уста героя), например, о своеобразии национального характера американцев, способных в условиях всепоглощающего предпринимательства и обновить цивилизацию, и погубить ее. «Опасность здесь, как думалось Колчаку, таилась в роковом несоответствии распухающей, словно тесто на добротных дрожжах, этой самой цивилизации и ее духовного содержания. Процесс технического развития всходил так беспорядочно и резко, что культура просто была не в состоянии угнаться за ним, порождая подчас вопиющие противоречия между повседневным бытом и мыслью, когда человек, занятый в этом процессе, зачастую не имел никаких, хотя бы приблизительных общих знаний или элементарных понятий об этике и морали».

В России — православной и монархической — все, казалось бы, обстояло наоборот: здесь изначально господствовал примат духовного над материальным, стяжательским, но тем не менее это не предотвратило катастрофу. Человек, сам того не сознавая, впервые в истории поднялся не столько против социальных обстоятельств, сколько против самого себя, против своей природы. В последние годы Колчак все чаще возвращался к опалившей его когда-то леонтьевской мысли: не в начале своего исторического пути стоит Россия, а в конце... Тем не менее, Адмирал уповает на Россию, видя только в ней спасение всего мира. «У него сложилось твердое убеждение, что если кто-то еще и в состоянии остановить или преодолеть начавшееся теперь в России сползание в общую пропасть, то лишь она — эта противоречивая, по-своему наивная, напористая и уступчивая, застенчивая и кичливая, воинственная и робкая, но в то же время еще не утерявшая своей связи с Богом страна».

Сводя на страницах романа Колчака и Ленина, В. Максимов пишет: «Еще в годы, когда имя этого без пяти минут присяжного поверенного только-только всплывало на общественной — да и то полуподпольной! — поверхности, Адмирал выделил его из разношерстной среды писучих крикунов,

плодившихся в те времена на родине чуть ли не в клеточной прогрессии. Сквозь шелуху полых слов сквозила такая иступленная уверенность в собственной правоте, такой накал дьявольской страсти, что было ясно — этот человек знает, чего он хочет, и не остановится ни перед чем, чтобы достичь поставленной цели. Этот человек, в чем Адмирал с годами все более убеждался, знал главное для политика — человеческие слабости и играл на них с виртуозностью гениального музыканта».

В «Лениниане» В. Максимова нет ничего от преднамеренного политического шаржа, злой карикатуры. Писатель стремится понять — углубленно, в контексте трагической эпохи — феномен Ленина как социально-политическое явление, порожденное совпадением, казалось бы, противоестественных и в то же время по-своему логичных обстоятельств, и тем самым предостеречь будущие поколения от ошибок их предков, жестоко обманувшихся в своих революционных ожиданиях...

В. Максимов предпринимает попытку вскрыть причины братоубийственной гражданской войны в России, выявляет имена тайных европейских дирижеров, замысливших подорвать мощь, дух, культуру великой страны. Один из приставленных к Верховному правителю России союзнических эмиссаров французского эшелона «наблюдателей» наставляет своего младшего коллегу: «Дела этого господина, которого вы называете Адмиралом, и его ближайшего окружения интересуют меня постольку, поскольку это соответствует задачам моей страны. Даже если ему будет способствовать военное счастье, оно должно быть направлено в желательное нам русло. Любой его успех не может выходить за предусмотренные нами рамки, причем никогда и ни при каких обстоятельствах мы не смеем допустить, чтобы он забыл, кому обязан этим успехом... Если же счастье ему изменит, нам придется ускорить его конец и пойти на союз с другим движением, но на таких же условиях...» Понятливого французского капитана вдруг «обожгла догадка, что в мире существует сила, которая незримо стоит за спиной и генералов вроде Жанена, и стоящих за ним политиков, и даже за руководимыми этой публикой правительствами. И цепкая паутина этой силы дирижирует самими, казалось бы, спонтанными людскими стихиями на земле, направляя их к какой-то никому не ведомой, но роковой цели».

Сам Колчак отнюдь не идеализирован в романе. Он субъект и одновременно жертва своего кровавого безвременья. Он приказывает расстреливать всех пленных коммунистов («Или

мы их перестреляем, или они нас»), вводит военное положение («Если я сниму военное положение, нас немедленно перерестуют большевики и эсеры»). В этом многогранном человеке, по свидетельству современников, сопрягались взаимоисключающие качества, свойственные, быть может, только русской натуре со всей полярностью ее проявлений: отзывчивая доброта соседствовала с напускной суровостью, детское упрямство — с безвольной уступчивостью, редкостное великодушие — с крайней жестокостью. В этой мятежной противоречивости и таилась колдовская притягательность глубокой русской души. Недаром все, кто близко знал Адмирала, предавались ему самоотреченно, до конца.

«Я не сужу его убийц, они не ведали того, что творили, всем им впоследствии пришлось испить ту же чашу». В этом всепрощении возлюбленной Колчака Анны Тимиревой таится непобедимая сила христоролюбивой души, только она одна и способна противостоять разрушительным силам зла.

Автор использует интересный художественный прием — «разговор» с документами. Комментируя из «будущего» те или иные реальные события, судьбы людей, В. Максимов показывает: история сполна воздаст людям за их деяния, каждый кровавый след на земле будет взыскан Божьим судом. Вот Чудновский — непосредственный расстрельщик Колчака (сам вскоре будет расстрелян в подвалах ЧК), вот Склянский, получивший приказ Ленина убить Адмирала («В 1924 году снят с поста заместителя Реввоенсовета Республики, отправлен в США и уже там, спустя год, утоплен чекистами в одном из многочисленных американских озер»), вот Иван Смирнов — ретивый служака, исполнитель расстрельных приказов (казнен в 1936 году), и, наконец, сам Троцкий, получивший 20 августа 1940 года смертельный удар по голове альпинистским ледорубом...

Колчак понимал: происходящее социальное безумие — не просто бунт или даже революция, а нечто большее, апокалиптическое: идет смена человека в человеке. И Россия — только начало этой смены. «Ни Ленин, ни Троцкий тут ни при чем, будь они хоть о семи пядях во лбу, им не дано изменить ничего в этом процессе, он протекает помимо их усилий, искусство их состоит только в том, чтобы удержаться на его поверхности, придет время — он поглотит и их, если они вовремя не успеют умереть своей смертью. В подобных катаклизмах, как при землетрясениях, нет правых и виноватых, есть только жертвы, вне зависимости от места на баррикаде. Кто бы ни оказался победителем, им придется строить новые баррикады уже друг против друга и так до бесконечно-

сти, пока последнюю из баррикад не воздвигнут два оставшихся на земле человека, после чего победитель уничтожит самого себя и тогда конец, сумерки богов, тьма...»

Прямо скажем, эта философская концепция автора не внушает оптимизма. С нею можно аргументированно спорить. Впрочем, Владимир Максимов и не претендует на безапелляционность своих суждений. Он лишь предлагает свою версию исторического пути заблудившегося человечества, которому оставлен только один шанс на спасение: мобилизовать остаток нравственных сил и утвердиться в жестком противостоянии мировому злу, но не через кровь и насилие, а посредством всепобеждающей братской любви, нравственно-оздоравливающего примера.

...Хочется верить, что историческая реабилитация адмирала А.В. Колчака, как и П.Н. Врангеля, П.Н. Краснова, других ярких деятелей Белого движения, состоится, несмотря на жесткое противодействие неугомонно-озлобленных «перманентных революционеров», жаждущих продолжать и продолжать кровавую гражданскую междоусобную бойню до бесконечности и сеять смуту в душах потомков. Роман-исследование В. Максимова «Заглянуть в бездну», несомненно, поможет этой гуманистической, исторически правомерной акции. Именно в несомненной актуальности и духовно-нравственной востребованности заключено прежде всего его непреходящее значение.